

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТЮМЕНСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Гюргинян Александр Сергеевич

**УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ АРКТИЧЕСКОГО
РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО
ОКРУГА)**

Специальность: 22.00.08 – социология управления

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Научный руководитель:
д.с.н., профессор
Белоножко М.Л.

Тюмень, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ	20
1.1 Социальный потенциал: сущность, содержание, подходы	20
1.2 Управление развитием социального потенциала региона: особенности формирования	46
1.3 Проблемы сохранения и факторы развития социального потенциала Арктического региона	75
ГЛАВА 2. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ЯНАО)	103
2.1 Современное состояние социального потенциала Ямало-Ненецкого автономного округа	103
2.2 Социальный и человеческий потенциал в Арктике (по результатам социологических исследований)	130
2.3 Модели и сценарии формирования социального потенциала в Арктической зоне РФ	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	183
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	186
ПРИЛОЖЕНИЯ	209

ВВЕДЕНИЕ

Сохраняющиеся тенденции глобализации современного мира предопределяют новые вызовы развитию Российского государства и его регионов. Политические и управленческие структуры, адекватно и своевременно реагирующие на усиление конкуренции за геоэкономические пространства, рост неравенства в распределении ресурсов, обострение международной борьбы за права на освоение Арктики формируют траектории развития с учетом социально-экономических и социокультурных особенностей страны и сложившейся геополитической ситуации. Учитывая роль в глобализирующемся экономике и обеспечении национальной безопасности государства добывающих отраслей при доминировании нефтегазового сектора, исключительно важное значение для России приобретает Арктический регион.

В свете сказанного и с учетом перманентного роста цен на углеводороды стали перспективными нефтегазовые проекты Российской Арктики. Согласно данным, предоставленным Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации, в пределах российского арктического шельфа сосредоточены 15,5 млрд тонн нефти и 84,5 трлн куб. м газа, что составляет около 20% мировых запасов углеводородов. Имеющими перспективы открытия залежей нефти и газа признаны 43% суши и 70% территории шельфа Арктической зоны России [19, с.44]. Следует заметить, что Арктика богата и другими полезными ископаемыми: железом, титаном, медью, никелем, кобальтом, алюминием, золотом, серебром, платиноидами, алмазами и др. [159, с. 165].

Высокое экономическое, политическое и геостратегическое значение Арктики определяется не только ее функционированием в качестве нового региона хозяйственного освоения. Благодаря своей колоссальной территории, Российская Арктика, имея с учетом Северного ледовитого океана и его морей протяженность побережья около 22,6 тыс. км, является естественным

экологическим барьером и регулятором жизни всей биосферы Земли, зоной крупнейших природных заповедников [128, с. 26].

В военно-политическом контексте Российская Федерация на водном пространстве Северного Ледовитого океана обустраивает, контролирует и защищает около 20 тыс. км государственной границы, при этом континентальный шельф нашей страны составляет примерно 4 млн кв.км, или 41% площади мировой Арктики, где расположены основные военно-морские базы и торговые порты – морские ворота для выхода в мировой океан [114, с. 12-15]. Но главное богатство и основной источник развития социального потенциала российской Арктики – это люди. На данной территории проживает около 24 млн человек, что составляет 16% от всего числа жителей страны. Более того, здесь проживают коренные малочисленные народы Севера, реализующие традиционные виды деятельности, стремящиеся сохранить привычный уклад жизни на основе развития уникальных навыков выживания в экстремальных условиях [207, с.4].

Сегодня Арктический регион – это признанный международным сообществом регион, имеющий новый формат и контент существования, изменяющий административное деление и границы между странами. Усилившийся разносторонний интерес к Арктике среди политических, предпринимательских, научных и общественных кругов как собственно арктических государств – Российской Федерации, Дании, Исландии, Канады, Норвегии, США, Швеции и Финляндии, так и международных, в том числе исследовательских организаций, включая представителей Кореи, Китая, Индии, Японии, формирует многоплановый дискурс изучения Арктического региона как географической территории, как особой экономической зоны, включающей специфичные ресурсные потоки. Все это в совокупности позволяет рассматривать его в качестве самостоятельной структуры, имеющей утвердившееся название «Арктический регион». В свете сказанного на первое место выступают задачи исследования социального потенциала Арктического региона, понимания возможностей корректного использования институциональных ме-

низмов государственного регулирования процессов его формирования и сохранения, прогнозирования базовых сценариев развития территории как ресурсного и инновационного полигона страны.

Степень научной разработанности темы.

Для оценки имеющегося в научной литературе задела и потенциала исследования обозначенной проблемы целесообразно развести степень разработанности таких категорий как «человеческий капитал», «человеческий потенциал», «социальный капитал», «социальный потенциал» и теоретических оснований анализа процесса управления формированием, сохранением и развитием социального потенциала. Такой подход к анализу степени изученности темы обусловлен разнообразием смыслов, вкладываемых в содержание базовых категорий, а также необходимостью уточнения значения, вкладывающегося в них автором.

Категория «человеческий капитал» введена в исследовательскую практику вместе с распространением человекаориентированной проблематики в экономических и социальных науках. Хотя отдельные аспекты, характеризующие роль человека в создании капитала, были представлены в работах К. Маркса, У. Петти, Дж. Милль и др. [142, с. 170; 27, с.237, 215-216], но наиболее полно теория человеческого капитала сформулирована в трудах Г. Беккера, Т. Шульца, П. Вайса и др., приобретя систематизированный вид [21, с. 50-154, 534-535; 319; 313]. В последние десятилетия и в российском исследовательском пространстве актуализировался интерес к данной категории. Различные аспекты теории человеческого капитала нашли отражение в работах А.И. Добрынина, С.А. Дятлова, О.И. Иванова, М.М. Критского, В.Т. Смирнова, И.В. Сошникова, М.А. Тобиен и др. [74; 92; 119; 250; 230]. Многоаспектные исследования человеческого капитала позволили Дж. Форрестору, Э. Фромму, В.И. Гурьеву связать условия его формирования и показатели развития с такими понятиями, как «качество жизни» и «уровень жизни населения» [241; 242; 67].

Связывая категорию «человеческий капитал» с его носителями – индивидами и группами, ученые его развитие рассматривали в дискурсе их потенциальных возможностей, что способствовало появлению и закреплению понятия «человеческий потенциал». В то же время исследователи использовали для определения данного феномена многообразные характеристики, выделяя по смысловому наполнению потенциал развития [145], жизненный [296], динамический [321], культурный или интеллектуальный потенциал [121; 288].

Столь широкий дискурс теоретических подходов к пониманию категории «человеческий потенциал» предопределил междисциплинарный характер исследования и использования научно-методического аппарата. Так, основы изучения возможностей индивида и социальной группы первоначально были заложены в рамках социальной психологии У. Джемсона, Я. Морено и А. Маслоу, методы научного анализа которых позволили выявить специфику проявления потенциала человека, и на этой основе определить технологии и перспективы стимулирующего воздействия [299; 306; 146]. Социологические аспекты реализации потенциала разработаны в контексте процессов трансформации и адаптации Т.И. Заславской, З.В. Голенковой, Н.М. Римашевской и др. [86; 58; 203].

В результате научных поисков исследователи подошли к пониманию того, что совокупность возможностей (потенциалов) индивидов и социальных групп может быть реализована только в системе социального взаимодействия, предопределив тем самым появление концепта социального капитала. В трудах Т. Парсонса, Р. Мертона были показаны отдельные аспекты социальной связи развития личностных компонентов с готовностью индивида к социальной интеграции [176; 148, с.572-581]. Более полная разработка теоретических основ категории «социальный капитал» связана с работами Дж. Коулмена, выдвинувшего идею о влиянии на достижения индивида навыков, ценностей, представлений, которые были привиты благодаря его социальным связям с кругом близких людей [285, с. 389, 402-412]. В развернувшейся дискуссии о социальном капитале особенно влиятельны позиции

Дж. Коулмана, П. Бурдье и Р. Патнэма, которые в рамках неклассического направления социологии способствовали смещению акцентов от социальных структур к социальному взаимодействию. Это позволило определить категорию «социальный капитал» через совокупность социальных качеств индивида и социальной группы, которые направлены, прежде всего, на создание сетей неформального взаимодействия, способствующего достижению определенных жизненных целей [286; 36; 316].

Дискуссионность исследования категории «социальный капитал» проявляется и в работах российских ученых, что подтверждается разнообразием подходов к базовым проявлениям данного феномена. Так, например, основной характеристикой категории А.Т. Коньков и Н.Е. Тихонова признают включенность индивида в социальные отношения [228; 115], И.Е. Дискин и С.А. Хмельницкий – социальные институты [73; 247], С.В. Ракша – социальные сети [199]. Нет единства в понимании и возможностей его реализации: И.Е. Дискин связывает перспективы использования социального капитала с положением и влиянием индивида [73], О. Демкив – с его способностью соответствовать коллективным ожиданиям [70], Е.А. Полищук обращает внимание на степень сформированного доверия [180], тогда как А.Т. Коньков связывает достижения индивида с условиями его жизнедеятельности [115].

Вместе с тем, раскрывая особенности перехода от индустриального к информационному обществу, такие исследователи, как Д. Белл, М. Кастельс, Н. Луман, Э. Тоффлер и др., обращают внимание на необходимость комплексной оценки человеческой и ресурсной составляющей и их роли в общественном развитии, подводя к необходимости введения категории «социальный потенциал» [22; 98; 134; 232]. Отечественные исследователи А.А. Дрегало, В.И. Ульяновский, М.Т. Шафиков и др. подчеркивают системный характер данной категории, определяя ее содержание через совокупность материальных и духовных ценностей общества [81, с. 157; 254]. При этом большое внимание такие ученые, как А.Б. Докторович, Е.В. Каргаполова, А.И. Турчинов и др., уделяют структурным компонентам социального потенциала, поз-

воляющим определить его роль в развитии отдельного сообщества или общества в целом [76; 97; 235].

Заметно усилился исследовательский интерес к проблеме развития социального потенциала региона, что нашло отражение в трудах В.Н. Аргуновой, Д.В. Афанасьева, А.Г. Гранберга, С.В. Гостевой, Е.В. Козиной, Е.А. Колесниченко [4; 8; 64; 104; 106]. Отдельное направление изучения роли социального потенциала в пространственном развитии России и преодолении межрегионального неравенства страны представлено в работах Н.В. Зубаревич, В.В. Маркина, Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша, И.Д. Тургель и др. [90; 141; 157; 233].

Специфика, возможности, оценка, проблемы и перспективы развития социального потенциала Арктического региона исследованы в работах Г.А. Аграната, С.В. Баранова, Д.А. Гайнанова, Н.Ю. Замятиной, Ю.Ф. Лукина, А.И. Татаркина и др. [2; 9; 55; 84; 131; 204]. Анализ научных работ позволил выделить региональную группу исследователей проблем организации процесса освоения и комплексного развития северных территорий – А.В. Артюхова, Н.Ю. Гаврилову, А.С. Гаврина, Н.И. Диценко, В.П. Карпова, С.М. Киричуга, Г.Ф. Ромашкину, А.Н. Силина, Н.А. Ткачеву, Н.Г. Хайруллину и др. [7; 52; 53; 72; 102; 207; 229; 245].

Сохраняется фокусировка исследований на процессе формирования и развития социального потенциала и его месте в системе управления регионом, что находит подтверждение в трудах таких исследователей, как О.М. Барбаков, К.Г. Барбакова, М.Л. Белоножко, С.М. Киричук, Н.А. Костко, В.К. Левашов, В.В. Маркин и др. [13; 18; 23; 101; 117; 127; 139]. Возможности использования технологии Data Mining, а также новых моделей данных – объектно-ориентированных, объектно-реляционных, дедуктивных – для создания прогнозных сценариев развития региона и их роли в принятии управленческих решений с использованием математического инструментария отражены в работах О.М. Барбакова, А.А. Барсегяна, М.С. Куприянова, Р.Г. Степанова [11; 227; 220].

Смыслоное наполнение базовых категорий диссертационного исследования и широкий спектр социальных и политических практик формирования и развития социального потенциала актуализировали внимание исследователей к институциональной среде, определяющей рамочные условия изменения и обновления социального потенциала региона. Теоретические работы и практико-ориентированные исследования Т.И. Заславской, А.С. Зернаева, Н.В. Зубаревич, М.С. Комарова, Д. Норта, Н.В. Остапенко, Ю.А. Погодина М.М. Юсуфова и др. позволяют раскрыть значение институционального потенциала [85; 88; 90; 108; 163; 173; 179; 266].

Благодаря теоретико-методологическим наработкам в сфере интерсубъективного взаимодействия и коммуникации такими учеными, как П. Бурдье, Н. Луман, Ю. Хабермас [36; 135; 243], дискурсивные границы исследования институциональных форм стали расширяться, уделяя особое внимание институту доверия, что получило дальнейшее развитие в работах М.К. Горшкова, Т.А. Гужавиной, П.М. Козыревой, Т.М. Мозговой и др. [62; 66; 105; 152].

В то же время фундированные в зарубежной и отечественной науке дифференцированные взгляды исследователей на категории «человеческий капитал», «человеческий потенциал», «социальный капитал», «социальный потенциал» как на самостоятельные феномены не всегда могут объяснить современные тенденции развития индивидов, социальных групп, общества в целом. Такой подход не позволяет увидеть зависимостей между отдельными категориями, затрудняет выделение факторов, влияющих на формирование практик управления развитием потенциала страны и регионов. В результате актуализируется научная проблема системного рассмотрения вопросов формирования, сохранения и использования социального потенциала региона. Практическая потребность в исследованиях социального потенциала Арктического региона и выявлении механизмов его развития определили объект, предмет, а также обусловили постановку цели настоящей диссертационной работы.

Объект исследования – социальный потенциал региона.

Предмет – управление развитием социального потенциала Арктического региона Российской Федерации.

Цель исследования заключается в разработке моделей развития социального потенциала Арктического региона на примере Ямalo-Ненецкого автономного округа.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Уточнить на основе эволюции теоретических подходов категорию «социальный потенциал» для его концептуального и категориального осмысливания и интерпретации базовых понятий.

2. Определить роль органов управления и спектр их возможностей и ограничений в управлении развитием социального потенциала региона.

3. Диагностировать проблемы сохранения и раскрыть факторы развития социального потенциала Арктического региона.

4. Выявить основные элементы состояния и развития человеческого потенциала Ямalo-Ненецкого автономного округа.

5. Построить модели развития социального потенциала Арктического региона на информационно-социологическом полигоне в геометрическом пространстве факторов и показателей.

6. Разработать методологию формирования сценариев развития социального потенциала Арктической зоны.

Теоретико-методологические основы исследования разработаны на основании анализа трудов отечественных и зарубежных ученых, посвященных изучению социального потенциала, теории и практике управления его развитием, специфике Арктического региона и особенностям формирования и развития потенциала северных территорий в условиях трансформации. Концептуальную основу данной работы составили исследования социологического, экономического, политологического характера, теории управления. Необходимость использования системных концепций обусловлена тем, что

рассматриваемые категории функционируют как открытые системы, а разноуровневые включения в систему представителей органов управления, бизнеса, социальных сообществ допускает возможность их активных действий в изменяющихся условиях. Особое внимание уделено концептуальным подходам к раскрытию таких базовых категорий, как «человеческий капитал», «социальный капитал», «человеческий потенциал» (П. Бурдье, Р. Патнэм, С. Кэмпбелл (Campbell), Мак Лин (McLean), П. Деккер (Dekker), А.Б. Докторович, Т.И. Заславская, О.И. Иванов). Важную роль в конструировании концепта социального потенциала сыграла теория институционализации и социально-конструкционистская теория П. Бергера и Т. Лукмана, которые позволили рассматривать социальный потенциал как инструмент развития региона и как результат социального конструирования, создания социальных норм, институционализации социальных отношений, возникающих в процессе взаимодействия индивидов и групп. Использована концепция П. Бурдье, определившая социально-пространственный подход к анализу социального потенциала, в том числе через связь физического, социального, экономического, политического, управляемого пространств.

Методологическая база исследования опирается на общенакальные и общесоциологические методы диалектики, анализа и синтеза, сравнения, междисциплинарного и системного подходов, структурно-функционального анализа, моделирования, а также такие методы социологического исследования, как статистический, типологический, анализ документов, методы полевых исследований – анкетный опрос, экспертные интервью с представителями органов государственной власти и муниципального управления, бизнеса, общественности.

Информационно-эмпирическая база исследования включает: нормативно-правовые акты и законодательные инициативы Правительства РФ и органов власти Ямало-Ненецкого автономного округа, указы Президента РФ в сфере регулирования социально-экономического развития страны в целом, и Арктического региона в частности; статистические материалы Росстата и

его подразделений, а также министерств и ведомств, размещенные на официальном сайте Росстата и в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС); первичные аналитические материалы и статистические данные, размещенные на официальных сайтах муниципалитетов и региональных органов власти; результаты авторского социологического исследования состояния социального потенциала ЯНАО.

Обоснованность и достоверность результатов исследования, а также научных положений и основных выводов диссертационной работы подтверждается использованием концептуальных методологических подходов к анализу управления развитием социального потенциала региона, результатами изучения нормативно-законодательных документов, данных официальной статистики, а также методами количественного и качественного исследования с участием автора:

- анкетный опрос - исследование основных проблем развития человеческого потенциала. Для этой цели было опрошено население Ямало-Ненецкого автономного округа ($N = 588$) с использованием выборки. Репрезентативность выборки контролировалась по полу, возрасту и основным социальным стратам, погрешность не превышает 5%.

В опросе участвовали постоянно проживающие в ЯНАО представители коренных малочисленных народов Севера и люди, работающие на территории региона вахтовым методом.

Научная новизна работы определяется комплексной разработкой научной проблемы управления развитием социального потенциала и спецификой авторского подхода к моделированию возможных сценариев развития и использования социального потенциала Арктического региона.

Наиболее существенные результаты исследования, обладающие научной новизной и полученные автором, заключаются в следующем:

1. Раскрыто и системно представлено содержание категорий «потенциал», «человеческий капитал», «человеческий потенциал», «социальный капитал», «социальный потенциал», «управление социальным потенциалом реги-

она». Данная авторская трактовка соотношения структурных компонентов категории «социальный потенциал региона», показана их взаимообусловленность.

2. Структурированы основные показатели и индикаторы оценки в системе управления развитием социального потенциала региона, доказана их системная функциональность.

3. Показана возрастающая роль государства в формировании, сохранении и развитии социального потенциала региона, обусловленная потребностью управленческой практики в расширении представлений о социальном потенциале за рамки устоявшегося ресурсного подхода при его оценке. Представлена система базовых и поддерживающих институтов формирования и использования социального потенциала региона, новые форматы соуправления как инструмента развития территориальных социальных сообществ Арктического региона.

4. Выявлена на основе статистического анализа и социологических исследований совокупность внутренних и внешних факторов, влияющих на развитие социального потенциала Ямalo-Ненецкого автономного округа. Определена специфика формирования, развития и использования социального потенциала ЯНАО, позволяющая сочетать федеральные и региональные программы, реализуемые через механизмы административного воздействия и нормативного регулирования, а также социальные практики общественного участия, формирующие точки роста ресурсного, человеческого и институционального потенциалов региона.

5. Разработаны модели развития социального потенциала Арктического региона, которые формируются на информационно-социологическом полигоне в процессе постановки и решения управленческих задач с использованием исходной информации из единого хранилища данных по социальному потенциалу Арктического региона РФ и его составляющим, и с применением технологии распознавания образов.

6. Обоснована методология формирования возможных сценариев развития социального потенциала Ямало-Ненецкого автономного округа, в рамках которой можно повысить уровень социального потенциала путем группировки оптимальных комплексов показателей в индексы человеческого, ресурсного и институционального потенциала, что дает возможность обосновать различные сценарии развития социального потенциала Арктического региона от вероятностного до оптимистического.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. В основе существенных характеристик взаимосвязанных базовых категорий исследования «человеческий капитал», «человеческий потенциал», «социальный капитала», «социальный потенциал», «управление социальным потенциалом региона» находится отличительное свойство – одновременное сочетание качеств социальных показателей, социальных действий и социальных отношений. С одной стороны, это определяет масштаб понятийного пространства, многообразие форм, смыслового содержания, механизмов формирования и проявления, расширяя возможности для идентификации и анализа диагностирующих показателей; с другой стороны, открывает возможности достижения общественно значимого результата развития социального потенциала. Такая интерпретация основных понятий, а также использование категории «социальное» как родовой по отношению ко всем проявлениям индивидуальных, групповых и общественных возможностей, является закономерным следствием эволюции теоретических подходов к анализу обозначенных выше категорий. При этом социальный потенциал региона рефлексируется как взаимообусловленное единство ресурсного, человеческого и институционального потенциалов и позиционируется в дискурсе возможностей развития Арктического региона при условии перехода от неопределенности к стратегическому целеполаганию, предсказуемости и обоснованности социально-экономических процессов, социально ответственному и результативному управлению.

2. Индикаторы эффективности управления состоянием и развитием социального потенциала определяются глубоким взаимным дополнением всех его структурных элементов, что обуславливает становление модели соуправления, позволяющей сместить акценты в постановке цели, задач, определении форм и оценки управления социальным потенциалом: от управлеченческого воздействия к координации деятельности, от внутрирегионального к межрегиональному взаимодействию, от административного контроля к совместному управлению и координации, от эффективности с точки зрения экономии издержек к взаимозависимости и заинтересованности в совместных действиях. В силу сказанного показатели развития социального потенциала отражают не только природно-ресурсные, инновационно-инвестиционные, интеллектуальные, экономические, инфраструктурные возможности региона, но и такие факторы, как включенность в сети, участие в общественных и политических организациях, готовность к совместным действиям, солидарность, доверие. В то же время индикаторы способны отражать действительный результат управления развитием социального потенциала только в случае достаточно высокой самооценки материального положения, здоровья, качества жизни, оценки будущего своих детей. Преимущество такого подхода к определению системы индикаторов выражается в возможности выборочного использования показателей или их комбинирования в зависимости от потребностей системы управления.

3. Возрастающая роль государства, обоснованная в работе, может быть реализована через совокупность управлеченческих практик, локализуемых в социальном, дискурсивном и физическом пространстве, целенаправленно влияющих на вовлечение индивидов и социальных групп в совместную деятельность по формированию, сохранению и развитию социального потенциала региона. Показателями роли государственных и муниципальных органов управления являются: институциализация структур и участников, мобилизационный характер принимаемых федеральных и региональных программ развития, высокая включенность государства в модификацию социального

соуправления, определяемая не только сложившейся ситуацией, но и задачами развития социального потенциала.

4. Совокупность внутренних и внешних факторов, оказывающих воздействие на формирование, сохранение и развитие социального потенциала Арктического региона, определяет необходимость становления комплексного подхода для решения выявленных на основе социологических исследований проблем. Это позволяет соединить традиционные способы и инновационную деятельность по управлению развитием социального потенциала в единый целевой ориентир для системы федерального, регионального и муниципального управления, обеспечить обратную связь представителей органов власти, бизнеса и территориальной общности.

5. Предложенные модели развития социального потенциала Арктического региона на основе постановки управленческих задач на информационно-социологическом полигоне с использованием разработанного единого хранилища данных по социальному потенциалу Арктического региона РФ и его составляющим и с применением технологии распознавания образов (построение прямого свойства – социального потенциала – в геометрическом пространстве наборов косвенных свойств – показателей, характеризующих составляющие социального потенциала (человеческий, ресурсный, институциональный потенциалы)) позволяют преодолеть выявленные дисфункции и деформации в структурах социального потенциала на локальном уровне на основе использования комплекса инструментальных средств, направленных на решение взаимосвязанных задач диагностики, анализа и конструирования участия всех заинтересованных субъектов в развитии социального потенциала.

6. Разработанная на основе полученных результатов теоретического анализа и эмпирического исследования методология формирования сценариев развития социального потенциала Ямalo-Ненецкого автономного округа дает возможность достижения его максимального социального потенциала. Информационная база исходных показателей и индексов составлявших соци-

ального потенциала Арктической зоны (человеческой, ресурсной и институциональной) предоставляет исходную информацию на виртуальный полигон для построения образов потенциалов в многомерном геометрическом пространстве. Используя данную информацию, мы можем повысить уровень социального потенциала, в частности, увеличить индексы человеческого, ресурсного и институционального потенциала путем изменения соответствующих им комплексов показателей. При проведении экспериментов на таких полигонах с применением инструментов интеллектуального анализа данных, методики распознавания образов определяются различные сочетания показателей для разных уровней социального потенциала, а оптимальное сочетание их дает максимальный уровень социального потенциала на территориях Арктического региона. Представленные оптимистический, пессимистический, вероятностный сценарии развития позволяют регулировать уровень потенциала в пространстве факторов, критериев, показателей, характеризующих его качество, и предложить инструментарий по его оптимизации.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования вносят определенный вклад в решение научных проблем поиска адекватных современным условиям форм и методов управления формированием, сохранением и развитием социального потенциала региона, которые позволяют преодолеть узко-дисциплинарные барьеры, осуществлять целостный и динамический анализ социального потенциала, идентифицировать практики его эффективного использования, перспективы влияние на развитие региона в целом.

Разработанный инструментарий моделирования вариантов и последствий развития социального потенциала позволит проектировать стратегии развития региона.

Положения и основные выводы, изложенные в работе, могут быть использованы общественными организациями и движениями при выработке рекомендаций органам власти при определении приоритетных направлений и форм развития социального потенциала; органами государственной и муни-

ципальной власти с целью адекватной оценки факторов, определяющих состояние социального потенциала региона, при разработке программ его развития; образовательными структурами для подготовки учебных курсов по социологии управления, государственного и муниципального управления, а также переподготовки и повышения квалификации государственных и муниципальных служащих.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности. Содержание работы соотносится с содержанием ряда пунктов Паспорта 22.00.08 «Социология управления»:

- п. 5 - Институциональный уровень управления как особый вид социального взаимодействия,
- п. 15 - Проблемы эффективности управленческой деятельности,
- п. 19 - Социальное планирование как механизм комплексного решения проблем социального развития,
- п. 29 - Социологическое информационно-аналитическое обеспечение управленческого процесса.

Апробация работы. Основные идеи, положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на кафедре маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, сообщались на научных конференциях и семинарах: на Сибирском социологическом форуме с международным участием «Социальные практики и управление: проблемное поле социологии», 2017; на 5 Тюменском международном социологическом форуме, 2017; на международном форуме «Арктика: общество, наука и право», г. Санкт-Петербург, 2018: на научно-практической конференции «Обдория. Современные научные исследования», г. Салехард, 2018; на международных научно-практических конференциях: Проблемы формирования единого пространства экономического и социального развития стран СНГ (2017, 2019); Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов (2017, 2019); «Polar 2018», г. Давос, Швейцария, 2018; «Развитие сети российско-британского сотрудничества в области арктиче-

ских исследований», 2018; на 12 Симпозиуме стран холодного региона «ISCORD 2019», Оулу, Финляндия, 2019.

Основные результаты исследования опубликованы в статьях и 2 монографиях (всего по теме диссертации опубликовано 15 научных трудов, в том числе 1 публикация, индексированная в базе Scopus, 2 - индексированных в базе Web of Science, и 4 публикации представлены в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ), материалах научных и научно-практических конференций и семинаров.

Структура и объем диссертационной работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, приложений. Основное содержание изложено на 245 страницах машинописного текста, включая рисунки, таблицы, приложения и список литературы, содержащий 327 наименований.

Глава 1. Теоретико-методологические аспекты развития социального потенциала в Арктическом регионе

1.1. Социальный потенциал: сущность, содержание, подходы

Геостратегическое значение северных, трудно осваиваемых территорий для социально-экономического развития страны, новые тенденции в общественном производстве в целом, а также глубокие изменения в характере человеческой деятельности предопределили внимание к социальным характеристикам человека, их проявлению в условиях специфики его жизнедеятельности. Интегральная совокупность качеств, резервов и возможностей индивида, формирующихся под воздействием внутренних и внешних факторов, а также их реализация актуализировали такие понятия как «человеческий потенциал» и «социальный потенциал».

Объединяющий данные понятия термин «потенциал» находит широкое применение в социально-гуманитарных науках и идентифицируется исследователями с «возможностями», «скрытыми (потенциальными) ресурсами» человека [129, с.1303; 197, с.6]. В социологии термин «потенциал» также отражает латентные возможности и ресурсы того или иного субъекта, но вместе с тем и подчеркивает значение благоприятных условий для их раскрытия и реализации [86, с.10; 264, с. 49; 203, с.34-35].

Поскольку само понятие «потенциал» априори предполагает деятельность носителей по его формированию, развитию и реализации, а значит в первую очередь связано с индивидами, социальными группами или обществом в целом, то закономерно внимание исследователей было направлено на изучение категории «человеческого потенциала». В то же время Т.И. Заславская отмечает, что ученые определяют данную категорию разными понятиями: потенциал развития [145], жизненный [296], динамический [321], культурный или интеллектуальный потенциал [121; 288] и др. [86, с.10]. По мнению З.Т. Голенковой, её всеобъемлющий характер позволяет не только рас-

сматривать потенциал как индикатор состояния индивида, социальной группы, но и считать важнейшим показателем развития общества [58, с. 9-11, 112].

Теоретические основы изучения потенциальных возможностей человека были заложены У. Джемсом, Я. Морено и А. Маслоу, которые обратили внимание на особенности проявления потенциала индивидов и разработали методы, стимулирующие эффективность деятельности человека [299; 306; 146]. Более завершенное оформление категории «человеческий потенциал» получила в середине XX века в работах экономистов, прежде всего, в трудах Т. Шульца и Г. Беккера. Однако первоначально исследователи акцентировали внимание на роли человека как важнейшего ресурса экономического развития и связывали его возможности с идеями инвестирования и отдачи, рассматривая их в контексте экономического понятия «капитал» и характеризуя через призму экономического эффекта. Поэтому в научный оборот была введена экономическая категория «человеческий капитал», раскрывающая процесс его формирования, мотивацию вложений в него, а также оценку возможностей и последствий его использования аналогично действиям в отношении материальных ресурсов и основных средств капитала. В целом теоретические разработки авторов способствовали признанию того факта, что инвестиции в человеческий капитал, включая не только расходы на образование, но также и на другие услуги социальной сферы, не менее важный источник экономического роста, чем вложения в физический капитал [319; 272].

Дальнейшее исследование категории «человеческий капитал» было связано с наполнением обобщенного понятия конкретным содержанием – компонентами, которые раскрывали его конструктивные возможности. Существенный вклад в характеристику структурных элементов человеческого капитала внесли и отечественные исследователи. Так, М.М. Критский, подчеркивая историчность и конкретность данной категории, особое внимание уделял роли образования и науки в формировании человеческого капитала [119, с.17]. Л.И. Абалкин включал в понятие врожденные способности инди-

вида, но определяющими факторами рассматривал наличие образования, приобретенный профессиональный опыт, творческий потенциал, физическое и морально-психологическое здоровье, деятельность, способную приносить доход. Следовательно, основными сферами общества, оказывающими влияние на формирование капитала, ученый называет систему образования, здравоохранения, социальных и коммунальных услуг [1, с.51-59.]. Предложенная Л.И. Абалкиным трактовка наиболее полно раскрывает содержательные аспекты данной категории. Эти же структурные компоненты выделяют А.Н. Добрынин и С.А. Дятлов, рассматривая человеческий капитал как «...сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в процессе труда, содействуя росту его производительности и заработка» [74, с.42].

Признание возрастающего влияния человеческого капитала на социально-экономическое развитие, а также осознание роли человеческого капитала в создании личностного, экономического и социального благополучия, привело к поиску критериев оценки затрат на его развитие и результатов его реализации. Основные подходы к проблеме, их возможности и трудности были структурированы М.А. Тобиен (см. табл. 1.1) [230].

Проблемность и неоднозначность оценки человеческого капитала способствовали внедрению и широкому распространению индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), который предложен Организацией объединенных наций (ООН). Расчет ИРЧП производится на основе комплекса трех показателей: ожидаемой продолжительности жизни; доступности образования; уровня благосостояния, измеряемого на основе доли ВВП на душу населения [250, с.125-126]. Именно по ИРЧП осуществляется рейтинг страны относительно лучшего и худшего уровня развития человеческого капитала.

Таблица 1.1

Наиболее распространенные методы оценки человеческого капитала (ЧК)

Методы оценки человеческого капитала	Показатели	
	Сильные стороны	Слабые стороны
Измерение человеческого капитала в годах обучения	<p>1. Не требуется дополнительных затрат на сбор эмпирической информации, т.к. используются данные переписи населения.</p> <p>2. Возможен охват представителей различных возрастных категорий.</p>	<p>1. Перепись населения проводится один раз в десять лет.</p> <p>2. Статистические данные не доступны для всех стран.</p> <p>3. Прямое суммирование лет приводит к расхождению итоговых оценок.</p> <p>4. Игнорируется оценка качества образования и его пригодности для экономики</p>
Измерение человеческого капитала через оценку уровня образования	<p>1. Отражает структуру населения по уровню образования.</p> <p>2. Позволяет соотнести:</p> <ul style="list-style-type: none"> - уровень грамотности и уровень образования человека; - число лиц с различными уровнями образования с работающим населением и населением в целом; - численность исследователей и инвестиции на развитие науки и образования. 	<p>1. Трудоемкость процедуры.</p> <p>2. Незначительные изменения в методике исследования приводят к существенным расхождениям в полученных результатах (по странам, регионам).</p>
Тесты, направленные на оценку знаний	1. Позволяет оценить функциональную грамотность, в том числе взрослого активного населения (International Adult Literacy Test – IALS).	<p>1. Трудоемкость и ресурсоемкость процедуры.</p> <p>2. Трудно сопоставимы с результатами тестов, оценивающих общую грамотность населения.</p> <p>3. Затрудняют расчет необходимых материальных затрат.</p>
Показатели объема вложений в человеческий капитал	1. Позволяет, используя статистические данные, рассчитать накопление инвестиций в человека.	<p>1. Не отражает реального объема человеческого капитала, задействованного в трудовом процессе.</p> <p>2. Не учитывает процесс устаревания знаний и навыков.</p>

Следует отметить, что выделенные исследователями для анализа и оценки основные структурные компоненты человеческого капитала направ-

мую определяются качеством жизни. Не случайно Г. Беккер, рассматривая теоретические аспекты человеческого поведения, видел прямую связь между понятиями «человеческий капитал» и «качество жизни» [21]. По мнению В.Д. Дорофеева и Г.Н. Тугускиной, категория «качество жизни» характеризует структуру потребностей человека и возможности их удовлетворения. Как системное понятие «качество жизни» предполагает единство его базовых компонентов – человека как биологического и духовного существа, жизнедеятельности и условий, в которых она реализуется [80, с.127].

Э. Тоффлер, рассматривая основные аспекты качества жизни в контексте макроэкономических и социальных моделей, считал целью индустриального общества рост материального производства, позволяющего обеспечить высокие жизненные стандарты. Переход к постиндустриальному обществу привел к сокращению материального производства при увеличении значения сферы услуг, что способствовало «...психологизации производства в целом» и повышению качества жизни [322, Р. 196].

Вместе с тем ученые при определении понятий «качество жизни» и «человеческий капитал» склонны ориентироваться на экономические факторы, характеризуя, прежде всего, возможность роста материального обеспечения жизни индивида, удовлетворение его потребностей через изменение качества услуг [241; 242]. Поэтому для оценки качества жизни именно как экономической категории используется понятие «уровень жизни населения». Чаще всего как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе, в международной статистике уровень жизни интерпретируется через совокупность характеристик потребления [263; 221]. Однако комплексный подход к данному понятию, предложенный В.И. Гурьевым, в большей мере позволяет раскрыть его интегрирующий характер: «...это сложная социально-экономическая категория, выражающая степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей». Включая в характеристику категории не только размер доходов, уровень потребления материальных благ и услуг, но и обеспеченность населения благоустроенным жильем, рост образованно-

сти, степень развития медицинского и культурно-бытового обслуживания, состояние природной среды, ученый сближает данное понятие с категорией «качество жизни» населения [67, с.67].

В то же время качество жизни отражает объективную и субъективную стороны, поскольку не может быть в полной мере определено на основе количественных характеристик и статистических данных. Для раскрытия данной категории и понимания ее роли в современном обществе важна субъективная оценка удовлетворенности различными сторонами жизнедеятельности самого индивида или социальной группы.

Все выше сказанное демонстрирует незаконченность научной дискуссии относительно содержания всех используемых понятий («человеческий капитал», «качество жизни», «уровень жизни»), а также их приоритетности в характеристике положения человека и уровня развития общества, индивидуальности предпочтений исследователей в их применении и интерпретации.

Итак, многоаспектные исследования человеческого капитала привели к накоплению значительного научного инструментария для понимания сущности, определения содержания и способов оценки и регулирования данного феномена и его роли в экономическом росте страны. С одной стороны, трудности эффективной оценки человеческого капитала, а с другой стороны, расширение его видов и повышение значения каждого из них – от капитала здоровья (биофизические показатели) и трудового (квалификационные показатели) капитала к таким характеристикам, как интеллектуальный (уровень знаний, интеллектуальная собственность), организационно-предпринимательский и культурно-нравственный капитал (социальный статус, репутация, ценности) – привели к появлению понятия «социальный капитал».

В широком смысле социальный капитал отражает интегрированность любого экономического субъекта в систему социальных отношений через общение, сотрудничество, взаимное доверие и помошь в пространстве межличностных отношений.

Именно социальный фактор как связующее звено между индивидом, его возможностями и внешней средой привлек внимание исследователей в последние десятилетия XX века. Так, Дж. Коулмен показывает взаимообусловленность экономического поведения индивида и продуктивной функции социального капитала, но сохраняет при этом традиционные рамки оценки его полезности, издержек и рационального выбора [285, с. 389; 286]. Но если Дж. Коулмен полагал, что люди вступают во взаимодействие, потому что зависят от поддержки других, при этом они не имеют личной потребности в социальности [285, с. 402-412], то Р. Патнэм, разрабатывая концепцию социального капитала, смещает акценты с экономической функции на понимание его природы в контексте общественного блага, и рассматривает данную категорию как характеристику социальной жизни, когда сети, существующие нормы и уровень доверия побуждают индивидов и социальные группы к эффективному взаимодействию для достижения общих целей [177, с.115, 141, 207; 315; 314].

Социальный характер капитала не подвергается П. Бурдье сомнению, но исследователь обращает внимание на его инструментальную функцию, когда все действия индивида связаны, независимо от степени их осознанности, с материальными и символическими выгодами [277, с.357; 35, с.62]. В соответствии с концепцией Бурдье общество включает в себя ряд автономных «полей»: экономики, науки, политики, религии и др. Определяющая роль в их совокупности, по мнению ученого, принадлежит экономическому пространству [37, с.132]. Борьба в каждом из полей зависит от возможностей, капитала человека. В качестве носителей ресурсов П. Бурдье рассматривает индивидов «агентов», обладающих такими качествами, как активность и способность действовать, выстраивая свои социальные позиции, формирующие социальное пространство. Социальное положение агента определяется объемом и качеством его капитала, который включает два типа ресурсов: биологические – здоровье, возраст, физическое развитие, данные от природы, и приобретенные в течении жизни индивида – образование,

профессия, собственность. Первые индивид не властен изменить, и они составляют его жизненные возможности, вторые связаны с собственными усилиями человека и определяются как заработанный «жизненный капитал» [34, с.40]. При этом реальный социальный капитал соответствует качественным релевантным отношениям и функционирует прежде всего как символический, обеспечивая символический порядок и отношения в обществе.

Вместе с тем в 90-е годы прошлого века именно с именем Р. Патнэма связано широкое распространение термина «социальный капитал». Подчеркивая социальный характер данного понятия, он изучает вопросы формирования и развития социального капитала в дискурсе анализа институтов, их политического и социального нормотворчества, но вместе с тем связывает возможности социального капитала не только с взаимностью отношений на основе норм и доверия, но и с положением человека в системе неравенства [316].

Аналитическая работа по данной проблематике таких отечественных ученых, как И.Е. Дискин, А.Т. Коньков, Н.Е. Тихонова и др., активно проводится в последние десятилетия. Анализ публикаций российских исследователей позволяет говорить о сохранении дискуссионности в трактовке понятия «социальный капитал». Так, основной характеристикой категории признается включенность индивида в социальные отношения [228; 115], социальные институты [73; 247], социальные сети [199], а возможность его реализации исследователи связывают как с положением и влиянием индивида [73], его способностью соответствовать коллективным ожиданиям [70], сформировавшимся доверием [180], так и с условиями его жизнедеятельности [115].

В то же время, при всем многообразии подходов к интерпретации понятия «социальный капитал» в зарубежных и отечественных источниках, можно выделить ряд его отличительных характеристик. Во-первых, исследователи подчеркивают, что в основе его накопления и реализации лежит организованное взаимодействие, что предопределяет его общественную природу и является источником его преимущества. Во-вторых, формирование и про-

явление «социального капитала» всегда связаны со структурой общественных отношений в конкретном исторически обусловленном обществе. В-третьих, включенность «социального капитала» в систему реальных отношений между индивидами или социальными группами позволяет избегать транзакционных издержек в процессе его реализации, поскольку предполагает действие общих правил, норм, целей и интересов интеракции. В силу сказанного «социальный капитал», в отличие от «человеческого капитала», является, прежде всего, общественным благом и может быть использован каждым членом или группой социального сообщества, позволяя им сохранять высокий уровень доверия при взаимодействии и достигать желательных результатов как личностных, так и групповых.

Вместе с тем, С.А. Штырбул справедливо отмечает наличие противоречия, изначально заложенного в само понятие «социальный капитал» – «капитал» как категория, относящаяся к рынку, имеет четкие стоимостные характеристики и должна приносить прибавочную стоимость, а категория «социальный» выходит за пределы рыночных отношений [261, с.14].

Проблема определения содержания и границ понятия «социальное» в контексте диссертационного исследования является актуальной научной задачей. В самом широком смысле А.Г. Эфендиев рассматривает дефиницию «социальное» как особую форму регуляции поведения человека, приводящую к новым свойствам человеческой жизни и жизни группы [166, с.107]. Такой подход к понятию позволяет выделить атрибутивные свойства социальной группы: наличие единой цели, принятие ее членами ценностей и норм, самовозобновляющаяся система солидарных взаимодействий, работа лидера или органов управления групповой деятельностью [166, с.295, 308]. Но устойчивость и развитие социальной группы определяется деятельностью составляющих ее индивидов, а регулирование поведения индивида и эффективность его деятельности в первую очередь связаны с процессом адаптации и социализации, результатом которой является приобретение человеком социальности [158, с.19].

Социальность выражается через единство таких компонентов, как социальное сознание, социальное поведение и социальное функционирование индивида и группы, что позволяет им достигать высоких показателей приобретенного социального капитала для достижения социального благополучия. При этом материально вещественные показатели благополучия рассматриваются в диссертации как условия, а не характеристики социальности. В таком контексте социальное благополучие указывает на положение человека как члена группы или общества в целом, и, следовательно, отражает его социальную значимость и активность.

Вместе с тем и теория «человеческого капитала», и теория «социального капитала» признают неравное положение их носителей. Индивид или группа обладают определенным статусным капиталом, полученным в процессе социализации, через который они способны оказывать влияние на окружающих, но и сами они находятся под их постоянным воздействием. Взаимное влияние хотя и приводит к перераспределению капиталов, но их носители занимают, как правило, определенный уровень – статус, отражающий приобретенный человеческий и социальный капитал.

Анализируя складывающиеся неравные отношения в обществе, П. Бурдье использовал такие понятия, как «эффект клуба» – социальный капитал избранных, и «эффект гетто», который приводит к объединению в одном месте обездоленных людей, удваивая их лишения [34, с.48-49]. Говоря о результатах статусного разделения индивидов по имущественному и профессиональному признакам, П. Бурдье приходит к выводу о том, что в общем социальном пространстве агенты распределены как по объему капитала в различных его видах, так и по его структуре [279, р.123-139].

Признавая вслед за А. Туреном [234] и П. Бурдье [36] существующее социальное неравенство, Р. Патнэм связывает его преодоление с деятельностью государства на основе использования социального капитала, обеспечивающего горизонтальную кооперацию общественности, которая, дополняя

вертикаль власти, и определяет эффективное управление и экономическое развитие [177, с.115].

Дискуссии о трактовке понятия «социальный капитал» продолжаются. Более того, немецкий социолог К. Оффе считает определение социального капитала «метафорой, вводящей в заблуждение», полагая, что данный термин следует заменить понятием «социальный актив», поскольку человеческий и социальный капитал не уменьшается в процессе его использования, а растет [309, с.116-117].

Обострению споров способствуют и процессы индивидуализации современного общества, в результате которых происходит снижение значения социального капитала из-за распада традиционных социальных институтов, ослабления социального контроля. С ростом личной свободы и расширением возможностей для создания новых связей и сообществ ответственность за свою социальную интеграцию, создание норм, поддержание доверия сегодня в гораздо большей степени ложится на самого индивида и отдельную социальную группу. В этой связи американский политолог Э. Остром приводит много примеров, когда граждане на основе самоорганизации сами создают правила, следуют им и поддерживают их в ходе коллективных действий [311].

Указанные выше изменения стимулируют поиск исследователями новых понятий, тождественных «социальному капиталу», но отражающих современные тенденции. Так, М. Блок и Н. Головин предлагают использовать термин «социальные коммуникативные активы», так как, по их мнению, социальный капитал возникает и увеличивается посредством взаимодействия участников социальных связей, создавая основу для коллективных действий [28, с.106,109].

Действительно, развитие и использование социального капитала обусловливает определяющее значение коммуникации для достижения таких характеристик рассматриваемого феномена, как взаимопонимание и согласие. Важность коммуникативного действия для достижения взаимопонимания

подчеркивал и Ю. Хабермас, отмечавший, что акторы идут на согласование планов своих действий «...только при условии согласия относительно данной ситуации и ожидаемых последствий, которое или уже имеется между ними, или о нем еще только предстоит договориться». Более того, именно взаимопонимание, по его мнению, является механизмом координации коммуникативного действия [244, с.199-201]. В то же время, признавая значение коммуникации, в том числе в свете расширения поля воздействия средств массовой информации, Ю. Хабермас предъявлял серьезные претензии к направленности и качеству информации, ее цели, засилью групп интересов. Аналогичные суждения высказывал и Ф. Уэбстер, который в то же время считал, что более корректно называть ее не информацией, а дезинфекцией [237, с.217].

Возникающие и расширяющиеся трудности в определении, а также формировании, развитии и использовании человеческого и социального капитала способствовали возвращению ученых и практиков к понятию «человеческий потенциал», а затем и к разработке базовых характеристик категории «социальный потенциал». Это связано с двумя важными обстоятельствами.

Во-первых, отмеченные выше наиболее часто используемые экономистами общие нормы, ценности, правила и социологами доверие, социальные сети и институты, характеристики социального капитала далеко не всегда работают на его развитие и эффективное применение в современных условиях.

Во-вторых, изменилось отношение к человеку, в том числе в экономической науке. Так, исследователи обратили внимание на переход от человека экономического (*Homo economicus*) и человека социологического (*Homo sociologicus*) [313, с.148-151; 257] к человеку творческому (*Homo creatus*) [290; 184]. По мнению П. Вайзе, Дж. Фостера, А.И. Попова, А.А. Шестакова и др., переход к информационному обществу и инновационной экономике сделали невостребованными модели человека, основанные на рациональном поведении, стремлении получать максимальную выгоду при минимальных

затратах, который соотносит свои действия с социальными нормами и социальным контролем.

Именно творчество, отмечает Н.А. Горелов, предполагает индивидуальное начало и в большей мере связано с потенциалом человека и условиями его развития и реализации [60]. В контексте новых подходов С.А. Штырбул, раскрывая характеристики человека, относит к ним способности человека: испытывать радость от творческого труда; отражать в структуре личности социокультурные особенности среды его жизнедеятельности; воспринимать и транслировать нравственные установки; стремиться к саморазвитию; являться носителем определенного социально-экономического статуса; создавать социальные институты; быть субъектом социального творчества и носителем социального потенциала [261, с.17].

Таким образом, опираясь на перечисленные возможности, заложенные в человеке, можно рассматривать человеческий потенциал как систему отношений, которые способны обеспечить формирование новых стимулов для него. Являясь активной преобразующей силой, человеческий потенциал несет синергетический эффект от совокупности социокультурных, экономических и природных факторов, заложенных в индивиде и реализуемых в процессе как индивидуального, так и группового взаимодействия людей.

Уточняя понятие «человеческий потенциал» в дискурсе социологической теории, Д. Ю. Быченко обращает внимание на характеризующую его «...определенную совокупность населения по параметрам физических и духовных способностей к реализации субъективно осмысленной, целевым образом направленной социальной деятельности». При этом он выделяет четыре основных показателя социальной оценки человеческого потенциала: состав и демографические характеристики населения; уровень и качество жизни; физический потенциал личности, прежде всего, здоровье человека; образовательный и интеллектуальный потенциал индивида, обеспечивающий ему доступ к профессии; уровень демократических общественных отношений как возможность доступа к власти и карьерному росту [38, с.60].

Социологический взгляд на определение «человеческого потенциала» отчетливо выражен и у О.И. Иванова, который рассматривает данную категорию «...как сформированные во взаимодействии с социальной средой совокупности универсальных (общих) и специфических (специализированных) потребностей, способностей и готовности индивидов и социальных общностей выполнять общественно-необходимые виды деятельности, основные социальные роли, функции, – такие, которые обеспечивают как преемственность, так и новации в развитии жизненно важных общественных сфер, общества в целом» [93, с.91].

Такой подход позволяет рассматривать развитие и реализацию человеческого потенциала в качестве условия социального воспроизводства общества, средства его социального конструирования, а также обеспечения преемственности в развитии социума различных уровней. В силу этого можно полагать, что более продуктивно использовать категорию «социальный потенциал». Вместе с тем категория «социальный потенциал» рассматривается исследователями в контексте не индивидуального, а, скорее, общественного развития.

Для понимания концептуальных основ социального потенциала следует признать его родовой чертой общение между людьми, которое, независимо от субъективных мотивов, целей и интересов его участников, всегда является социальным, поскольку порождает разные социальные последствия как для индивидов, так и для общества. Конечно, нельзя отрицать, что, в зависимости от конкретных исторических, политических, экономических, социокультурных условий, социальный потенциал может быть фактором создания отчуждения человека от общества, от результатов своей деятельности, но в то же время он может стать и источником, и средством развития человека, группы, организации, территории.

Однако в социологической науке отсутствуют четкие критерии, определяющие различия таких базовых категорий, как «человеческий потенциал» и «социальный потенциал», что приводит к некоторым трудностям их теоре-

тической характеристики и практического использования. Так, в модели человеческого потенциала, разработанной Центром стратегических разработок «Северо-Запад» и представленной в доктрине развития северо-западных регионов Российской Федерации, социальный потенциал рассматривается как структурный элемент человеческого потенциала наряду с биологическим и духовно-нравственным потенциалом [78]. Тем не менее, «социальный потенциал» более широкое и емкое понятие, включающее и человеческий потенциал, и создание условий для его формирования, развития и реализации.

Сторонники более широкой трактовки социального потенциала А.А. Дрегало и В.И. Ульяновский определяют его содержание через совокупность материальных и духовных ценностей общества, на основе которых возможны как развитие, так и дезинтеграция социума [81, с.148-149]. В своих взглядах ученые опираются на концепцию М.Т. Шафиков, который, подчеркивая системность социального потенциала, признавал, что он есть результат «...диалектического взаимодействия двух подсистем, а именно материально-производственной и духовной», и в силу этого имеет свои особенности. К ним М. Т. Шафиков относит, во-первых, содержательную разнонаправленность социального потенциала в силу его формирования, развития и реализации в различных сферах жизнедеятельности индивида и социальных групп; во-вторых, взаимосвязь и взаимовлияние всех его содержательных компонентов, приводящих к их интеграции, а также возникновению на этой основе новых разновидностей данного феномена [254, с.21].

Как интегральное понятие социальный потенциал представлен и в социологической энциклопедии, где он характеризуется возможностями государства, фирм, общественных организаций, объединений, личности, групп, населения, отраслей хозяйства, регионов, различных сфер жизнедеятельности и общества в целом в решении задач социального развития. С точки зрения Г.И. Осадчей, его величина в первую очередь определяется развитием социальной сферы и отражает возможные перспективы расширенного социального воспроизводства личности, группы и населения [168, с.236].

Не отрицая такого расширенного подхода, А.И. Турчинов выделяет наиболее значимые структурные компоненты социального потенциала общества, относя к ним уровень культуры и образованности граждан, качество социальных условий жизнедеятельности, уровень доверия индивидов и социальных групп к власти и субъектам управления, благоприятные отношения в социуме. По его мнению, анализ социального потенциала именно на основе данных компонентов позволяет понять степень способности и готовности российского общества к переменам [235, с.9].

В соответствии с представленными выше взглядами, Е.В. Каргаполова также связывает категорию «социальный потенциал» с социальным развитием. Кроме того, исследователь, признавая взаимосвязь социального и человеческого потенциалов, отмечает и существенные их различия: человеческий потенциал обеспечивает самореализацию индивида, исходя из его внутренних потребностей, тогда как социальный потенциал реализуется, когда внутренней потребностью становится социальная направленность самореализации [97, с.147].

Роль социального потенциала в развитии определяет А.Б. Докторович, который, исходя из системного подхода к исследованию категории, подчеркивает, что социальный потенциал есть «...совокупность возможностей и способностей индивидов, социальных групп и общества в целом, которые формируются их действиями, взаимодействиями и отношениями, обеспечивая общественное воспроизводство». Фактор обратной связи приводит к тому, что социальный потенциал обеспечивает действия, взаимодействия, отношения и социальную деятельность его носителей [76, с.181]. Эвристические возможности такой трактовки проявляются и в выделенных исследователем взаимозависимостях возможных изменений: во-первых, структура и содержание социального потенциала определяются соответствующей структурой полей социального пространства, а также взаимодействиями акторов в его полях, а значит, изменения социального потенциала вызывают изменения структуры социального пространства и характера взаимодействия акторов в

его полях, и наоборот; во-вторых, структура и основополагающие свойства полей социального пространства обусловлены реализуемыми в них функциями, характером и особенностями социальных интеракций; в-третьих, структура и сущностные характеристики социального потенциала изменяются в зависимости от количественных и качественных показателей человеческого потенциала, который и определяет способность к воспроизведству социального потенциала [76, с.182].

В силу выше сказанного А.Б. Докторович считает возможным к основным составляющим категории «социальный потенциал» как системному понятию отнести: человеческий потенциал, включающий и трудовой потенциал, а также совокупность взаимосвязанных динамических полей – экономики, политики, социальной сферы, права, науки, информации, культуры, религии и др., формирующих социальное пространство. При этом ядром социального потенциала выступает человеческий потенциал [76, с.181].

Аналогичных взглядов придерживается и Л.А. Беляева, предлагающая анализировать роль социального капитала и потенциала в модернизационном развитии современной России через призму конструкта «социальное пространство», представляющее, по ее мнению, динамическое состояние общества, характеризующееся как автономностью акторов, так и их взаимодействием, «которое может базироваться на разных уровнях взаимного доверия/недоверия и консолидации/враждебности...» [24, с.52, 59].

Динамичность социального потенциала и общества, выраженная через социальную активность, отражена во взглядах М.А. Нурова. Исходя из деятельностного подхода, исследователь интерпретирует социальный потенциал как «...специфическую систему объективных и субъективных, материальных и нематериальных факторов, непосредственно детерминирующих социальную активность членов данного сообщества и обуславливающих возможности получения ими позитивно значимых результатов в различных сферах их жизнедеятельности – трудовой, социально-политической, духовной» [164, с.119].

Вместе с тем, предложенные М.А. Нураевым в соответствии с данным определением две классификационные схемы категории «социальный потенциал» отражают сложившуюся в науке определенную нерасчлененность понятий «человеческий потенциал» и «социальный потенциал». Это проявилось в том, что М.А. Нураев, по сути, рассматривает социальный потенциал через реализацию возможностей человека.

В основание первой классификации положена сфера жизнедеятельности индивида или группы, в которой реализуется их социальная активность, соответственно ученый выделяет трудовой, общественно-политический и духовный потенциалы.

Вторая классификационная схема построена на специфике потенций – способности, качества, таланты человека, - и включает вытекающие из выбранного исследователем основания субпотенциалы:

- инновационно-творческий, включающий способности индивида к постановке и решению творческих задач, проявлению инициативы и предприимчивости;
- профессионально-квалификационный, отражающий совокупность умений и навыков, позволяющих индивиду выполнять трудовые и производственные функции;
- ценностный (духовно-нравственный), содержащий систему ценностей, определяющих мотивацию и поведение индивида;
- интеллектуальный, охватывающий всю совокупность когнитивных способностей, талантов и знаний индивида, которые могут быть применены им в случае необходимости в какой-либо сфере деятельности;
- психосоматический, включающий душевые (воля, характер и т.д.) и телесные (здоровье, сила) возможности человека, которые обеспечивают его биологические и социальные потребности [164, с.120-123].

Итак, проведенный выше анализ сущностных и содержательных характеристик категории «социальный потенциал» показал, что ядром социально-го потенциала признается человеческий потенциал, при этом все исследова-

тели акцентируют внимание на условиях его формирования, накопления и использования. Более того, в контексте структурно-функционального подхода А.Ф. Валеева и М.А. Нураев подчеркивают многоуровневость социального потенциала как системы, включающей отношения и деятельность субъекта управления, направленную на создание условий и системы взаимодействий, способствующих реализации индивидом или социальной группой своих способностей в той или иной сфере жизнедеятельности в соответствии с целями и задачами социума [39, с.135].

Задаваемый масштаб трактовки категории «социальный потенциал» позволил А.А. Драгало, В.И. Ульяновскому и др. связать его с характеристикой определенной социальной общности, рассматривая последнюю как совокупность индивидов, характеризующихся относительной целостностью [216, с.94-95]. Целостность как важнейший признак социального образования отражает, по мнению И.В. Блауберга, существенные характеристики интеграции, а также иерархическую организацию ее подсистем [26, с.159]. Следовательно, целостность предполагает и организованность социальной общности как системы, т.е. ее способность реагировать на внутреннее и внешнее воздействие через преобразование множества реализуемых внутренних и внешних связей. При этом, считает А.Э. Воскобойников, более высокая организованность достигается за счет лучшей согласованности взаимодействующих частей [49].

Значение такого качества общности, как организованность, проявляется, прежде всего, в эффективности ее функционирования, поскольку функции как регулярные действия некой целостности (социальной общности) или ее подсистем отражают согласованность и целенаправленность деятельности, в том числе по накоплению, совершенствованию и рациональному использованию социального капитала.

Соответственно способность социальной общности к самоорганизации позволяет, по мнению Н.Н. Мещеряковой, создавать и поддерживать внутреннее равновесие – социальный порядок, а также внешнее соответствие

условиям окружающей среды [150, с.338]. Тогда можно предположить, что именно социальное упорядочение в значительной мере обуславливает эволюцию социального потенциала общности, обеспечивая создание новых связей, формирование организационных структур и распределение функций в интересах как индивидов, так и сообщества в целом.

Поскольку как целостное образование социальная общность является самостоятельным субъектом исторического и социального действия, то поддерживать ее целостность и самостоятельность позволяет ряд системообразующих признаков. Так, Р. Дж. Коллингвуд в качестве таких признаков выделяет:

- социальное сознание, т.е. сознание, направленное на то, чтобы индивид мог «наравне с другими участвовать в общем деле»;
- общественную волю, когда общежитие основывается на общественной воле всех членов, на акте свободной воли, которую проявляет личность, когда она решает взять на себя часть обязанностей в общем деле, превращаясь в партнера;
- самоуправление, основанное на социальной воле членов общности [107, с.97-114].

Необходимо согласиться со взглядами А.А. Дрегало, В.И. Ульяновского, которые рассматривают социальную общность как «совокупность индивидов, объединенных сознанием причастности к определенному объединению людей, стремлением к сотрудничеству с ними, свободой выбора социальных партнеров, совместной деятельностью», отмечая при этом разнообразие общностей – трудовая, досуговая, конфессиональная, этническая и др. [216, с.95].

Многообразные социальные общности, в соответствии с концепцией П. Бурдье, функционируют в социальном пространстве, включающем в себя социальные поля, выступающие в данном случае в качестве систем объективных связей между ними [37, с. 87-98]. Вместе с тем социальное пространство, по мнению Г.Е. Зборовского, С.Н. Котляровой, Н.М. Межевич, локали-

зуется на определенной территории и сопряжено с природно-климатической средой [89; 118; 147]. Однако характеристика любого пространства (территории, места, региона), считает В.Б. Дзобелова, в своей основе является социальной, поскольку его составляющие (границы и объекты) имеют социальное происхождение [71, с.559].

В свете сказанного, для анализа социального потенциала в большей мере необходимо акцентировать внимание на территориальной социальной общности. Такой подход позволяет охарактеризовать особенности категории «социальный потенциал» в дискурсе социального пространства и выделить специфику управления его формированием, развитием и использованием. В то же время термин «территориальная социальная общность» имеет довольно противоречивые трактовки.

Так, С. С. Новикова делает акцент на территориальном признаке, понимая под территориальной общностью «...совокупность людей, постоянно проживающих на определенной территории и связанных узами совместных отношений к данной хозяйственно освоенной территории» [162, с.228]. Зарубежные исследователи выделяют социальный контекст данной дефиниции, определяя «территориальную общность» как «...любое множество социальных отношений, осуществляемых главным образом внутри некоторых границ поселений или территорий» [291, р.97], подчеркивая при этом значение именно внутренних территориальных социальных связей – «...социальная сеть взаимодействующих индивидов, обычно концентрированных в рамках определенной территории» [301, р.80].

Изучение подходов к интерпретации базовых понятий предмета исследования – «человеческий потенциал», «социальный потенциал», «социальная общность», – позволило выявить общее, связующее звено, заложенное в самой природе перечисленных категорий – это человек и различные формы и уровни его социального взаимодействия. В соответствии с толковым словарем русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой термин «взаимодействие» раскрывает не только «взаимные отношения между кем-нибудь», но и

«взаимную связь явлений», что позволяет говорить о всеобщности связей [167, с.112].

Идеи взаимодействия в социальной общности были всесторонне обоснованы в работах М. Вебера и Т. Парсонса. Рассматривая такой ключевой элемент взаимодействия, как «социальное действие», М. Вебер описывает идеальные типы, которые легли в основу «веберовской концепции социального действия», а разработанная М. Вебером типология на основе участия в мотивации сознательных, рациональных элементов была использована для анализа социально-исторических типов организации социальной реальности [43, с.602]. При этом ученый указывал на субъективный смысл социального действия, выражающийся в личностном выборе возможных вариантов поведения, а также на ориентацию индивида на ответную реакцию окружающих, ожидание этой ответной реакции [43, с.603]. По М. Веберу, исторический процесс обусловлен нарастающей рационализацией социальной жизни [43, с.629]. В то же время усложнение и дифференциация общественных отношений, развитие индивидуальности способствовали формированию разнообразных форм социального действия. На возрастающую дифференциацию социального действия указывал и Т. Парсонс, который, исследуя социальные действия в рамках системного подхода, подчеркивал, что каждый единичный акт действия конституируется самим индивидом, целью его деятельности, ориентацией на ситуацию, которая формируется средствами и условиями, нормами и ценностями, которые и обуславливают выбор [176, с.84].

Проведенный анализ смыслов, вкладываемых в трактовку понятия «социальное действие» в классической социологии, позволяет интерпретировать его как механизм объединения, возникновения общностей, формирования и проявления солидарности.

К середине XX века интерес исследователей к проблематике местных сообществ, определяемых, с одной стороны, как территориально локализованные группы, с другой – как сообщества интересов, был связан с анализом социального действия в дискурсе общественного участия, которое рассмат-

ривалось в качестве инструмента развития сообществ и накопления социального потенциала. Так, А. Этциони разрабатывает коммунитарную теорию активного общества, согласно которой мобилизационные силы сообществ выступают ресурсом и инструментом социальных преобразований [289, с.8-10]. Согласно точке зрения Р. Патнэма, участие в формировании связей и общих норм жизнедеятельности членов территориального сообщества способствует аккумуляции социального капитала, развитие которого стимулирует совместную деятельность [315, pp. 317-321].

Помимо социально-экономического акцента, отраженного в теории «социального капитала», проблематика социального действия и социальной активности индивидов, социальных групп и сообществ стала частью гражданского дискурса. Особенно отчетливо данный аспект проявился в постклассических теориях Н. Лумана, Ю. Хабермаса, А. Hurrell, характеризующих интерсубъективное взаимодействие в контексте борьбы групповых и властных интересов [133; 243; 297]. Идеи социальной активности и гражданского взаимодействия развивали Т. Маршалл и С. Верба, которые рассматривали их в контексте распределения власти и ответственности между обществом и органами управления в вопросах, касающихся жизнедеятельности территориальных социальных сообществ [144; 325].

К концу XX века интерес исследователей к понятиям «социальное действие» и «социальная активность» в их связи с социальным потенциалом, таких как А. Гилкриста, Х. Гиблера, П. Ванина, П. Сакко и др., вновь смещается к социально-коммунитарному дискурсу, проявляясь в анализе солидарности, помощи и взаимопомощи, в том числе в территориальных социальных сообществах. При этом в современных исследованиях начинает звучать проблема участия в формировании и использовании социального потенциала демонстративных граждан – пожилых, людей с ограниченными возможностями [291; 324].

Итак, взаимообусловленные социальные действия выступают основой взаимодействия, т.е. происходит процесс обмена действиями между двумя и

более акторами. В результате совершается обмен информацией, знаниями, опытом, материальными и духовными ценностями. Вместе с тем, отмечает Л.Н. Черноусова, хотя социальное взаимодействие может быть реализовано непосредственно или опосредованно, может приобретать различное содержание, изменяться, но оно всегда происходит на межсубъектной основе [252, с.214].

При этом социальное взаимодействие, по мнению П.А. Сорокина, включает взаимодействие не только индивидов, но и социальных групп, социальных институтов, социальных общностей. Более того, он считал, что общество следует описывать через взаимодействие: «...из совокупности взаимодействующих индивидов можно составить любую социальную группу, любое «общество» ...», т.к. все социальные отношения – религиозные, правовые, научные – состоят из взаимодействий [215, с. 141].

В то же время Т. Парсонс, Э. Гидденс, Н. Луман и др. подчеркивали, что не всякое взаимодействие можно считать отличительной чертой системы, потому что взаимосвязь в социальной общности носит субъект-субъектное опосредование совместной деятельности индивидов [176; 56; 133].

В таком случае индивиды выступают не просто как носители биофизического, трудового, культурного потенциала, а как представители определенных социальных групп и объединений. Следовательно, взаимодействие представителей различных социальных групп способствует оказанию влияния на социальный потенциал территориальной общности экономических, политических, культурных, социальных факторов и закономерностей. Кроме того, реализация социального потенциала, порождая эффект развития, в свою очередь, обуславливает социально-экономические, политические, социокультурные изменения в самой территориальной общности.

Можно констатировать, что наращивание и использование социального потенциала связано не только с увеличением его интенсификации, но определяется глубоким взаимным дополнением всех его структурных элементов, всех социальных полей территориальной общности, что создает возможности

его более полного использования в структуре управления развитием территории.

Итак, именно социологический подход позволяет обосновать связь между территорией проживания и занимающим ее социумом, а также увидеть специфику взаимодействия внутри социальной общности, возможности совместной деятельности для удовлетворения своих экономических и социальных потребностей, понять условия накопления и использования социального потенциала той или иной территориальной общности. В этом случае под социальным потенциалом в диссертационном исследовании понимается способность человека, социальной группы и территориальной социальной общности в целом достигать поставленные цели развития и роста в результате взаимодействия всех структурных компонентов и акторов.

Проведенный анализ теоретических концепций и осмысление подходов к изучению категории «социальный потенциал» позволяет выделить ряд связей и закономерностей его накопления и функционирования. Во-первых, с одной стороны, социальный потенциал формируется действиями, взаимодействиями и отношениями индивидов, социальных групп и объединений; с другой стороны, социальный потенциала сам способен обеспечивать возможность действия, взаимодействия, социальной деятельности его носителей. Во-вторых, в процессе формирования, развития и использования социального потенциала возникает социально-интегративный характер отношений. Данная закономерность позволяет обратить внимание на то, что социальный потенциал предполагает взаимодействие индивидов, групп и окружающей среды на микро-, мезо- и макроуровне; при этом основой и результатом взаимодействия являются материально-вещественные, биологомедицинские, психологические, организационные, управленческие и др. ресурсы. В-третьих, ключевой момент данной категории – взаимодействие включает в социальные отношения людей различного социального положения, типа и уровня социальности, играющих различные роли в самом процессе формирования и использования социального потенциала. В-четвертых, как

социетальное явление социальный потенциал имеет историческую специфику содержания, форм, средств и результатов накопления и использования; отличается характером социальности, социального поведения, социального функционирования и развития. По сути, социальный потенциал отражает максимальные возможности социальной системы, которые могут быть реализованы в реальном поле социальных взаимодействий при наличии благоприятных условий и необходимых ресурсов. В-пятых, результативность социального потенциала определяется как взаимной деятельностной активностью всех участников процесса его формирования и развития, так и содержанием и направленностью целей и средств использования.

Таким образом, существенные изменения в общественном производстве, а также характере деятельности и специфике человеческих отношений предопределили внимание исследователей к социальным характеристикам человека. Выделение их совокупности способствовало введению понятий «человеческий капитал», а затем «социальный капитал», которые в своей сущности предполагали не только долгосрочное вложение средств в развитие человека и получение ожидаемой отдачи, но и отражали способность индивидов, социальных групп и сообществ к совместным действиям в общих интересах. Позднее стремление ученых к пониманию путей достижения максимальной реализации возможностей человека способствовало становлению теоретических основ изучения человеческого и социального потенциалов. Это позволило связать «человеческий фактор» с перспективами социально-экономического, социально-политического и социокультурного развития региона и государства в целом. Все содержательные элементы человеческого и социального потенциалов, раскрытые в данном параграфе, находятся в тесной взаимосвязи и взаимодействии, создавая на основе интеграции новые разновидности потенциалов (профессиональный, инновационный, духовно-нравственный, институциональный и т.д.), ориентированных на различные сферы жизнедеятельности общества и способствующих их развитию, когда

потенциал направлен на осуществление социально необходимых и значимых действий.

Отмеченные особенности социального потенциала предполагают необходимость его целенаправленного формирования, развития и реализации на основе многофакторного, поэтапного и многостороннего процесса взаимодействия, в котором прямо или косвенно участвуют политические, экономические, этнические, социальные группы и общности, общество в целом, а также государство. Именно в связи с этим социальный потенциал выступает источником развития всех сфер общества, государства или определенных социумов, поэтому важно в процессе взаимодействия учитывать экзистенциальные потребности индивидов, проблемы моральной оценки субъектов коммуникации, их интересов и желаний. При этом результативность социального потенциала обеспечивается оптимальным сочетанием общественных, групповых и индивидуальных интересов.

1.2. Управление развитием социального потенциала региона: особенности формирования

Основные стратегии социально-экономического развития современной России, а также решение возникающих проблем, тесно связаны с социальной и инновационной ориентацией всех сфер жизнедеятельности. Вместе с тем положение в ключевых отраслях, противоречия социально-трудовой сферы, основные характеристики и показатели уровня развития человеческого и социального потенциалов вызывают обоснованную тревогу представителей науки, органов власти и бизнеса.

В предыдущем параграфе при характеристике сущностных основ категории «социальный потенциал» был сделан акцент на понимании того факта, что его формирование, развитие и использование невозможно вне социально-го пространства и без функционирующих в нем социальных общностей. В данном контексте регион является не только формой пространственно-

территориальной организации социальной структуры общества, но и выступает как совокупность социальных общностей и процессов воспроизведения и развития социальной жизни, сохранения территориальной идентичности и специфики жизнедеятельности. Именно пространственные и общностные составляющие позволяют наиболее полно раскрыть особенности социального потенциала региона.

Такой подход важен и для понимания особенностей управления формированием, развитием и использованием социального потенциала региона, а системный характер управления позволяет выделить элементы (подсистемы), обусловливающие его развитие и результативное использование в интересах всего территориального сообщества. К ним следует, по мнению Т.Н. Клеминой, И. Хентце, М. Армстронга, отнести: региональную политику, определяющую стратегию и основные направления его развития; организационную структуру и функции управления; институциализацию взаимодействия органов власти и представителей общественных объединений и организаций территориального сообщества; показатели результативности управления социальным потенциалом [103; 246; 268].

Это позволит преодолеть распространенный подход к анализу управления социальным потенциалом региона как к регулированию ряда его дискретных функций, включающих преимущественно технологии управления человеческими ресурсами. Более того, системный подход к управлению социальным потенциалом региона предполагает совместные действия всех подсистем, а также совокупность их функций.

Общепризнано, что дегрессия человеческого и социального потенциалов во многом обусловлена снижением качества образования, отсутствием высокотехнологичных медицинских услуг, ухудшением основных демографических показателей и здоровья населения, усугублением экологической ситуации, нерациональным использованием природных ресурсов, состоянием качества управления всех уровней. В России ситуация осложняется большим масштабом территории страны, многообразием природных и климати-

ческих условий, пространственной дифференциацией регионов по уровню социально-экономического развития, историческими, национальными, культурными особенностями развития регионов.

Вместе с тем регионализация как общемировая тенденция современных государств не только позволяет территориальным социальным сообществам сохранить свою самобытность, но и отражает возрастание политической, экономической, социальной ролей отдельного региона. Рост значения регионов связан, по мнению А. И. Остроумова, с предоставлением на региональном уровне целого ряда государственных услуг, передачей важных для развития общества задач государственного управления – руководство образовательными учреждениями, финансирование и управление учреждениями здравоохранения [174, с. 119].

Важность делегирования полномочий общепризнанна, в то же время вряд ли можно говорить о полноценной региональной политике, имея ввиду лишь межбюджетные отношения между центром и регионами. В свете сказанного обосновано утверждение С. С. Артоболевского о том, что региональная политика существует только тогда, когда имеет четкие цели, ответственные за ее реализацию органы власти и свои инструменты [6, с. 4-5]. На сегодня достижение этих взаимосвязанных компонентов, маркирующих региональную политику, затруднительно, поскольку не прекращается процесс перераспределения функций по регулированию регионального развития между федеральными министерствами и правительственные комиссиями, отсутствуют выверенные инструменты ее реализации, постоянно меняются структурные элементы формирования бюджета [120, с.11]. Кроме того, в научном сообществе отсутствует единство как в вопросах определения понятия «региональная политика», так и в определении стратегии и инструментов ее реализации.

В широком смысле понятие «региональная политика» Б. М. Штульберг и В. Г. Введенский интерпретируют как деятельность органов государственной власти по обеспечению оптимального развития субъектов РФ, а также

решению проблем межрегионального и общероссийского характера [260, с. 17]. В таком случае сущностью региональной политики является необходимость использования территориальных возможностей в интересах всего общества, минимизация негативного влияния различных условий и факторов на социально-экономическое положение самих регионов. Выделенные сущностные характеристики позволяют признать предметом государственной региональной политики именно взаимное согласование интересов федерального и регионального уровней управления.

Представленный подход к определению понятия «региональная политика» отражает стремление государственных органов власти и управления к сбалансированности уровня и динамики социально-экономического развития регионов. Для обеспечения сбалансированного развития в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года предложена синхронизация таких направлений региональной политики, как:

- ориентация на стимулирование экономического развития через создание новых центров экономического роста в субъектах РФ на основе учета реальных преимуществ конкретного региона;
- согласование инвестиций государства и бизнеса в соответствии с приоритетами пространственного развития и ресурсных возможностей и ограничений регионов;
- снижение дифференциации уровня и качества жизни населения регионов путем использования механизмов оптимальной социальной и бюджетной политики [111, ст. 5489].

Вместе с тем региональная политика в России традиционно рассматривается наряду с экономической, социальной, экологической и иными политиками федерального центра в субъектах РФ, тогда как в Европейских странах, отмечает С. С. Артоболевский, понятие «региональная политика» значительно уже и включает целенаправленную деятельность государства, связанную с необходимостью достижения определенных пространственных целей, когда

ситуация в регионах становится неприемлемой для страны в целом [6, с. 3]. Такая осознанная интервенция государственных структур обусловлена, во-первых, обострением пространственных проблем, требующих решения на общегосударственном уровне; во-вторых, обязанностью центральной власти обеспечивать социальную справедливость и препятствовать дезинтеграции страны; в-третьих, потребностью в росте конкурентоспособности экономики.

Этот подход к пониманию роли региональной политики в России в определенной мере нашел отражение при осознании необходимости пространственного развития страны. Само значение региональной политики в современной России усилилось в дискурсе актуализации проблемы «пространственного развития» страны, на которую обратил внимание В. В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 года, предложив развернуть масштабную программу пространственного развития. Именно в этом случае, по мнению президента РФ, можно будет создавать «...новые экономические и социальные перспективы для людей, современную среду для жизни, для культурных и гражданских инициатив, для малого бизнеса и стартапов, что в свою очередь послужит формированию в России масштабного, деятельного среднего класса» [185].

П. Кругман выделил две группы факторов пространственного развития, которые способны обеспечить преимущество тех или иных территорий. Одна группа включает факторы «первой природы», данные «свыше» – это богатые природные ресурсы и выгодное географическое положение; вторая – факторы «второй природы», связанные с деятельностью общества и государства, включая человеческий капитал, институты, агломерационный эффект [302, р. 17-19].

Значение факторов меняется в процессе социально-экономического развития, например, роль фактора, связанного с местоположением, может существенно измениться по мере развития инфраструктуры, а опора лишь на природные ресурсы может привести к постепенному отставанию региона. Так, Д. Норт отмечает, что если в индустриальную эпоху имели преимуще-

ство факторы «первой природы», то в постиндустриальном обществе первостепенное значение приобретает человеческий капитал и институты, т.е. нормы и правила [163, с.94,100,123,178].

Новые тенденции в понимании роли факторов пространственного развития прозвучали в 2009 г. и в докладе Всемирного банка о мировом развитии, где были выделены три базовых момента:

- плотность (density), т.е. пространственная концентрация населения и эффект масштаба через развитие городских агломераций;
- расстояние (distance), т.е. экономическое расстояние, связанное не только с месторасположением региона, его удаленностью от глобальных и национальных рынков, но и обусловленные слабым развитием инфраструктуры транспортные и транзакционные издержки;
- разобщенность (division), т.е. институциональные барьеры в самом широком смысле, включающие границы, препятствующие проникновению товаров, услуг и инноваций; барьеры территориальной и социальной мобильности, доступности качественных социальных услуг, влияющих на человеческий капитал [50. с.49, 74, 96].

Еще ранее, характеризуя качество экономического пространства регионов, близкие взгляды высказывал А. Г. Гранберг, выделив следующие комплексные характеристики:

- плотность, т.е. численность населения, объем валового регионального продукта, природные ресурсы, основной капитал на единицу площади;
- размещение, включающее такие показатели как равномерность, дифференциация, концентрация, распределение населения и экономической деятельности, а также наличие хозяйственно освоенных и неосвоенных территорий;
- связанность, т.е. наличие и интенсивность экономических связей между элементами пространства, условия мобильности товаров, услуг, капиталов и людей, развитие транспортных и коммуникационных сетей [64, с. 25].

Вместе с тем именно в докладе Всемирного банка объяснено как сохранение важности факторов «первой природы», так и показано смещение в сторону факторов «второй природы» – значение агломераций, развитие транспортной инфраструктуры, роль человеческого капитала и т.д. В то же время, по мнению Н. В. Зубаревич, в России сохраняется существенная роль факторов «первой природы» в силу ее географического положения, исторического развития, а также благодаря ресурсному потенциалу и востребованности минеральных ресурсов мировым рынком [90, с.5].

Нельзя не признать, что формированию и развитию региональной политики в нашей стране уделяется достаточно пристальное внимание как учеными, так и представителями органов управления. Несмотря на это, региональная политика государства до сих пор не формирует наиболее благоприятные предпосылки для ее реализации, а меняется под влиянием внутренних и внешних факторов. Так, на начальном этапе проводимых государством экономических реформ широко применялись региональные льготы и стимулы – понижение для ряда регионов ставок налогов и кредитов, освобождение от уплаты таможенных пошлин и др., что привело к росту разбалансированности бюджета страны, к усилению региональной дифференциации, что, в свою очередь, способствовало переходу к такому средству регионального регулирования, как финансово-бюджетный федерализм, характеризующийся сочетанием автономности бюджетов отдельных уровней и выстраиванием межбюджетных отношений [136, с.41].

Поскольку межбюджетные отношения были направлены в основном на снижение различий между регионами, то политика получила определение «политики выравнивания». Она доминировала до 2004 года, и основным ее инструментом являлся федеральный Фонд финансовой поддержки регионов (ФФПР). Однако политика выравнивания не привела к снижению поляризации регионов РФ, более того, в период экономического роста неравенство усилилось из-за концентрации экономической активности в территориях с конкурентными преимуществами.

Стремясь изменить ситуацию, Правительство РФ одобрило «Концепцию Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации» от 30 июня 2005 г., которая определила переход от «политики выравнивания» к «политике стимулирования», или сфокусированного развития регионов [113]. Основными инструментами реализации политики стимулирования стали особые экономические зоны и большие проекты, реализуемые при поддержке государства в форме частно-государственного партнерства, Федеральных инвестиционных программ и др.

И стратегия выравнивания, и стратегия стимулирования привели к созданию политико-управленческих практик реализации модели «конкурентного» федерализма, в рамках которой субъекты лоббируют свои интересы, борются за перераспределение федеральных ресурсов, за особые меры помощи. По мнению В. В. Маркина, этот новый подход к пространственному развитию предполагает переход к модели «федерализма сотрудничества», когда предпочтение отдается межрегиональным связям и кооперации [141, с.5]. Следует подчеркнуть, что успешное взаимодействие может быть достигнуто при условии формирования не только государственной региональной политики, направленной на развитие субъектов РФ на основе стратегических целей и общенациональных интересов, но и совершенствования политики регионов, включающей деятельность региональных органов власти и местного самоуправления по решению проблем подведомственной территории через непосредственную реализацию социально-экономической политики государства.

Очевидно, что проблема согласования интересов центра и регионов далека от решения. В качестве альтернативы в сложившейся ситуации наряду с дальнейшим развитием федерализма представляется целесообразным выстраивать политику регионов по социально-экономическому развитию на основе накопления и результативного использования социального потенциала. Это позволит наиболее отчетливо выделить характерные черты региона, целенаправленно использовать не только его природные и экономические ре-

сурсы, но и результаты деятельности традиционных и новых для российского общества социальных общностей, а также сформировать высокий уровень социального благополучия и самочувствия населения. В то же время необходимо учитывать и тот факт, что комплексный инструментарий разработки и реализации как политики регионов в целом, так и управления социальным потенциалом на современном этапе отсутствует.

Представляется, что в процессе становления новой региональной политики на федеральном уровне свое значение сохраняют законодательные и нормативно-правовые инициативы, способствующие развитию принципов федерализма и укреплению национальной безопасности государства, тогда как региональные органы управления должны сконцентрироваться на сохранении, развитии и использовании социального потенциала, ориентации его направленности на достижение конкурентоспособности региона с учетом потребностей его экономического, социального и культурного развития. В данном дискурсе регион в социально-политической плоскости выступает в качестве субъекта государственной политики, его политико-правовой статус определяется в соответствии с принципами федерализма, а социально-экономическое положение рассматривается в контексте межрегионального взаимодействия.

Таким образом, современная региональная политика должна обусловить смещение акцентов в сторону политики регионов по формированию и развитию социального потенциала, что не оспаривает не только необходимость взаимодействия федерального и регионального уровней, но и позволяет выявить специфику их отношений: во-первых, тесная взаимосвязь федерального и регионального уровней по данному процессу является обязательным условием его результативности; во-вторых, разграничение полномочий центральных, региональных и местных органов власти, определение приоритетов и перспектив формирования социального потенциала, учет специфики региона будут способствовать его наращиванию и эффективному использованию; в-третьих, взаимодействие органов управления всех уровней приве-

дет к созданию институциональных условий для становления привлекательности и конкурентоспособности регионов, что усилит экзогенный и эндогенный аспекты роста их социального потенциала.

В настоящее время основные направления формирования, развития и использования социального потенциала и в региональной политике, и в политике регионов в значительной степени определяются Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, представленной президентской стратегией развития России до 2020 года, Постановлением законодательного собрания ЯНАО от 14 декабря 2011 года № 839 «О стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года» (с изменениями на: 15.12.2016), а также приложением к ним – «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года» [111; 196; 186; 191]. В указанных документах федерального и регионального уровней постановка долгосрочных целей диктует необходимость и возможность выработки путей их достижения с учетом региональной специфики, включая и развитие социального потенциала.

Так, стремление к стратегической цели, заявленной в Концепции как «...достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, с привлекательным образом жизни, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан», определяется поставленными задачами, перечень которых начинается с необходимости достижения высоких стандартов благосостояния человека, что позволит решить вопросы социального благополучия и согласия, в том числе за счет развития экономики лидерства и инноваций, сбалансированного пространственного развития, конкурентности экономики, становления институтов экономической свободы и справедливости [111, ст. 5489].

Анализ поставленных задач показывает, что прогнозируемое развитие регионов интерпретируется, прежде всего, через социально-экономические показатели, однако их достижение, по объективному мнению Е.А. Вечкинзовой, происходит за счет целого ряда других не менее важных факторов – технологических, демографических, инновационных, социокультурных, которые и определяют региональное развитие [46, с.72]. В то же время ориентированность региональной политики только на экономические показатели не отражает реального состояния таких важнейших аспектов, как неравенство, обнищание населения, рост безработицы. Поэтому еще в 1991 г. Всемирный банк в «Докладе о развитии мира» определил целью развития «...улучшение качества жизни населения», включающее увеличение доходов, предоставление лучшего образования, здравоохранения, оздоровление окружающей среды, равенство возможностей, насыщенную культурную жизнь [327, р. 4].

Именно данный подход к развитию регионов (территорий) делает необходимым смещение акцентов с количественных экономических показателей на качественные характеристики жизнедеятельности индивида. Не случайно E. J. Blakely связывает региональную политику развития с деятельностью власти и общественных организаций по вовлечению в деловую активность населения и стимулированию возможности трудоустройства в тех отраслях экономики, которые улучшают сообщество [275, р.15].

Таким образом, новые тенденции пространственного развития актуализировали проблему соотношения экономических и социальных факторов. Так, Н. А. Костко полагает весьма спорным тезис о том, что социальную систему следует рассматривать как фактор экономического развития; напротив, именно экономический фактор выступает в качестве одного из условий и даже инструмента развития социальной системы [117, с.44].

Реализация поставленных задач предполагает, прежде всего, необходимость интенсивного развития социального потенциала как национального, так и регионального, поскольку именно уровнем и качеством потенциала определяется экономическая и социальная эффективность функционирова-

ния государственных и региональных систем управления, возможность подъема качества жизни населения. В этой ситуации особое значение приобретает задача согласования интересов федерального и регионального уровней управления, бизнес-структур, местных сообществ, а также потенциальных региональных и зарубежных партнеров.

Следовательно, государственная региональная политика и политика регионов, в силу своих стратегических функций, занимает основополагающее место среди перечисленных выше основных структурных компонентов (подсистем) управления социальным потенциалом. Это подтверждается целым рядом инициатив на федеральном уровне: созданием Совета при Президенте РФ по модернизации и инновационному развитию России (2012 г.); принятием «Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года» (2011 г.); утверждением государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика 2013-2020 гг.» (2013 г.); пролонгацией федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг.» до 2020 года (2013 г.). Практически все они поддержаны и на региональном уровне, о чем свидетельствует, например, Постановление законодательного собрания ЯНАО от 14 декабря 2011 года № 839 «О стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года». Также следует отметить, что на федеральном уровне особое значение имеют нормативно-законодательные документы, подчеркивающие важное значение развития именно Арктического региона. К ним относятся такие основополагающие документы, как: «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и на дальнейшую перспективу», утвержденные Президентом РФ 18.09.2008 № Пр-1969 [172]; «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», утвержденная Президентом РФ 10.07.2018 [223]; государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденная Правительством РФ 21.04.2014 г. № 366 [189] и

др. Однако, все эти документы без конкретных институциональных и организационных шагов по формированию социального потенциала не приведут к реальным действиям, а лишь расширят риторику на различных уровнях власти.

В организационно-управленческом аспекте регион как административно-территориальная единица может быть, по мнению А. Г. Гранберга, представлен в единстве следующих составляющих региональной системы: регион как квазигосударство с органами представительной и исполнительной власти, осуществляющей регулирование на своей территории; регион как квазикорпорация, поскольку является крупным собственником и субъектом экономической деятельности, функционируя в рамках определенного рыночного ареала, имеющего специфические условия ведения хозяйственной деятельности; регион как социум, обладающий возможностями воспроизведения социальной жизни [64, с.83].

Этот подход позволяет выделить три взаимосвязанных и взаимообусловленных компонента, составляющих социальный потенциал региона, которые отражены на рисунке 1.1.

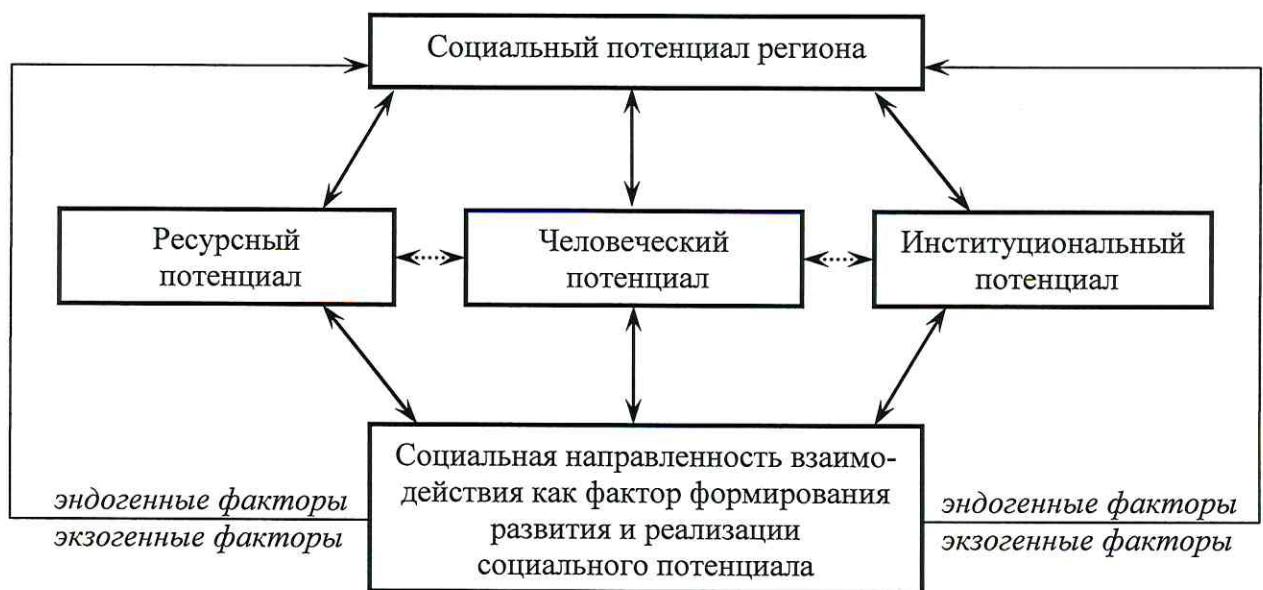

Рисунок 1.1. Социальный потенциал региона

Несмотря на то, что характеристика ресурсного потенциала выходит за рамки диссертационного исследования, нельзя не учитывать влияния на основные компоненты социального потенциала этого эндогенного фактора, поскольку он включает элементы, которые во-первых, во многом обеспечивают специфику и эффективное функционирование экономики региона; во-вторых, формируют условия, в том числе через расширенное региональное воспроизводство, для решения проблем социальной сферы как важного фактора развития человеческого и социального потенциалов.

Ресурсный потенциал состоит из совокупности сырьевых, материальных, финансовых и т.д. ресурсов, которые имеются в регионе и могут быть использованы для накопления и развития социального потенциала. При характеристике ресурсного потенциала региона исследователи выделяют различные, но, как правило, дополняющие друг друга структурные элементы. Так, Е. В. Козина и С. В. Гостева, В. Б. Дзобелова и А. В. Олисаева и др. выделяют следующие элементы ресурсного потенциала:

- ресурсно-сырьевой, включающий совокупность природных ресурсов и запасов региона;
- производственный, отражающий наличие тех или иных субъектов хозяйственной деятельности в регионе;
- инфраструктурный, определяющий степень инфраструктурной насыщенности региона;
- инновационный, демонстрирующий уровень научно-технического развития региона;
- финансовый, отражающий совокупную величину налоговых и прочих поступлений в бюджетную систему региона;
- потребительский, включающий совокупность покупательских желаний и возможностей населения региона;
- трудовой, показывающий численность экономически активного населения;

- институциональный, отражающий качество развития и деятельность экономических институтов в регионе [104, с.4; 71, с.558].

Нередко ресурсный потенциал определяет инвестиционные возможности региона. По мнению Р.И. Шнипера, количественная и качественная характеристика ресурсного потенциала региона позволяет не только определить уровень развития региональной экономики, но и выявить существующие диспропорции между отдельными элементами потенциала, а также выделить наиболее приоритетные направления региональной политики в области его развития [258, с.61].

Вместе с тем успешное использование ресурсов региона возможно при условии накопления и развития человеческого потенциала, поскольку именно индивиды со своими знаниями, способностями, ценностными установками составляют основу социального потенциала территории.

Как уже отмечалось ранее, в социальном контексте категория «человеческий потенциал» отражает качество социальных общностей, их динамизм, а значит, способность к развитию. В свою очередь, решающее значение для развития региона имеют качественные характеристики данного феномена, которые, по мнению И.В. Соболевой, В.Н. Аргуновой, Д. Ю. Быченко и др., закреплены в физических и духовных качествах человека. Указанные характеристики можно определить через уровень физического и нравственного здоровья населения, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности индивидов, реализуемых в процессе их жизнедеятельности [213, с.14; 4, с. 29; 38, с.60].

Социологический дискурс исследования категории «человеческий потенциал» предполагает, согласно точке зрения В.Н. Аргуновой, понимание двух важных методологических позиций: во-первых, выделение его компонентов и индикаторов; во-вторых, необходимость корреляции его объективных характеристик и их субъективного восприятия, включая самооценку индивидом своих социальных качеств и жизненных установок, субъективную оценку состояния региона, его перспектив, отношение к творческой и инно-

вационной деятельности. Именно такой подход позволяет, по её мнению, выработать оптимальные пути реализации человеческого потенциала [4, с. 30].

В научной литературе выделяется несколько подходов к структуре человеческого потенциала, основные из них нашли отражение в Приложении 1.

Итак, отмеченное в первом параграфе отсутствие однозначности в трактовках категории «человеческий потенциал» предопределило и многообразие взглядов на его структуру. Вместе с тем и в выборе базовых компонентов, и в характеристике их потенциальных возможностей отчетливо просматривается системный подход, позволяющий учитывать общие и специфические особенности, связанные с участием в общественно-необходимых деятельностих и реализацией своих возможностей, которые при определенных условиях могут быть направлены на развитие личности, социальной группы, территориальной общности. Большое значение в структурировании и интерпретации выделяемых исследователями компонентов приобретает деятельностный подход, позволяющий связать формирование и развитие человеческого потенциала не только с возможностями, данными человеку от рождения, места проживания, но и с его социализацией, изменением его потребностей, способностей, а также готовностью во взаимодействии с социальной средой занимать активную позицию, совершенствоваться. Отмечается усиление и социокультурного подхода к оценке человеческого потенциала, понимание роли нормативно-ценностного сознания, значения морали и нравственности, мотивации деятельности и моделей поведения, уважение к закону и праву.

Вместе с тем многообразие характеристик человеческого потенциала должно отражать реальные, в том числе обусловленные социально-экономическими, политическими, социокультурными, временными, территориальными особенностями направления формирования, сохранения и развития основных его компонентов. Именно поэтому фокус внимания в диссертационной работе сосредоточен на таких элементах, как: демографические возможности и проблемы региона; роль системы образования и здравоохранения;

нения в развитии человеческого потенциала; вопросы качества жизни; вос требованность профессионального потенциала и трудовая мобильность населения; условия жизнедеятельности людей, включая экологическую безопасность. Предметом исследования стали и аспекты субъективного отношения населения к проблемам и возможностям повышения уровня собственного потенциала, его социально-деятельностная активность. Кроме того, существенное внимание уделялось специфике сохранения и развития человеческого потенциала коренных малочисленных народов севера.

Можно констатировать, что вариативность обозначенных в таблице и отраженных в эмпирических исследования докторанта структурных компонентов, раскрывающих содержание, сущностные характеристики и индикаторы человеческого потенциала, отражает два важнейших момента: во-первых, каждой сфере общественной жизнедеятельности индивида или социальной группы необходима особая конфигурация компонентов человеческого потенциала; во-вторых, в силу существующей системной связи выделяемых компонентов прослеживается возможность их постепенного выравнивания и дальнейшего повышения их уровня.

В то же время направленность системных изменений структурных компонентов, их гармоничное изменение определяется не только объективными условиями, но и организационными усилиями региона как субъекта сохранения и развития человеческого потенциала. В данном контексте существенная роль в формировании социального потенциала региона принадлежит институциональному потенциалу.

Институциональный потенциал региона имеет важное значение для его развития. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, «институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация привыченных действий деятелями разного рода» [25, с.93]. Классическая трактовка Дж.Р. Коммонсом, О.И. Уильямсоном, Т.Б. Вебленом и др. термина «институт», ведущего свое происхождение от латинского слова «*institutio*» («образ действия», «обычай», «направление или указание»), подразумевала в широком

смысле любые устройства, установления и порядки, созданные людьми. При таком подходе под институтами понимаются, с одной стороны, социально-культурные нормы, обычаи, традиции, стереотипы поведения социальных групп, с другой – их закрепление в виде законов, а также организаций и учреждений. В процессе спонтанного отбора в силе оставались лишь те институты, которые благоприятствовали общественному развитию [287, п.648; 326, п. 595; 45, с. 201-202, 204].

Сформировавшееся к середине XX в. институциональное направление способствовало вовлечению в научный дискурс проблем социальной эволюции, перемен, происходящих в обществе под влиянием научно-технического прогресса, структурных сдвигов в экономике, а также их социальных последствий. При этом, как отмечают С.П. Спиридонов, Е.В. Нижегородов и Б.И. Герасимов, институты рассматривались, во-первых, как объективная реальность, сформировавшаяся в результате исторического развития, обусловленного взаимодействием материальных, социальных, политических и других факторов; во-вторых, как мотиватор, формирующий поведение людей, в том числе и в социально-экономической, и в политической деятельности; в-третьих, как объект сознательной преобразовательной деятельности людей [218, с. 21].

Д. Норт подчеркивал, что институты создаются людьми, именно люди развивают и изменяют их, а потому в центре должен находится индивид, его интересы и поведение. Тем не менее, именно институты устанавливают определенные структуры взаимодействия между людьми [163, с. 20].

В социологической теории также преобладает точка зрения о позитивной роли общественных институтов (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Н. Смелзер), которые выступают важнейшим средством самореализации человека, формой организации и регулирования социальной деятельности [44, с.214-219; 82, с. 20210, с. 91].

Отечественные социологи – Г. В. Осипов, М.С. Комаров и др. – при разработке теоретических оснований категории «социальный институт» опи-

рались как на его комплексную характеристику, которая охватывает совокупность нормативно и ценностно обусловленных ролей и статусов, предначертанных для удовлетворения социальных потребностей индивидов и социальных групп, так и на социальные образования, созданные для использования ресурсов общества в форме интеракции для всестороннего удовлетворения данных потребностей [169, с.118-119; 108, с.194-195].

Опираясь на концепции социального института, М.М. Юсуфов выделяет ряд общих признаков этого феномена, к которым можно отнести наличие:

- сложившегося круга субъектов деятельности, вступающих в отношения, имеющие устойчивый характер;
- определенной организации, обладающей в большей или меньшей мере формальными признаками;
- специфических социальных норм и установок, регулирующих поведение людей в рамках конкретного института;
- функций, носящих социально значимый характер и обеспечивающих его интеграцию в социальную систему общества [266, с.163].

Таким образом, в силу своих особенностей и возможностей институциональный потенциал играет существенную роль в обеспечении управления формированием, развитием и сохранением социального потенциала региона, во-первых, через совокупность формальных и неформальных правил, структурирующих взаимодействие и осуществляющих координацию между индивидами,ключенными в организации и социальные группы; во-вторых, через коллективные действия, гармонизирующие отношения между социальными акторами; в-третьих, через устойчивые организационные символические единицы социальной территориальной общности, являющиеся носителями ее нормативно-ценостных и культурных характеристик; в-четвертых, через организационно-управленческие механизмы, направленные на создание институциональной среды для управляемого роста социального потенциала.

Вместе с тем можно предположить, что в системе управления социальным потенциалом региона координационная функция сохраняется за госу-

дарственными структурами вследствие усложнения как самих процессов управления, так и форм коммуникации под влиянием эндогенных и экзогенных факторов, которые привели, по мнению Л. В. Сморгунова, к переходу от линейной модели изменения управляемой среды к возникновению инноваций и нелинейной стратегии реагирования на внутренние и внешние вызовы [211, с.143].

Несмотря на силу воздействия экзогенных факторов (глобализация, мировые экономические кризисы, распад и появление новых объединений государств, обострившаяся научно-техническая конкуренция), эндогенные вызовы в большей мере определяют результативность управления социальным потенциалом. Именно внутренние факторы его развития обусловлены культурными традициями, климатическими условиями, сложностью и гибкостью социально-политической и экономической систем, степенью индивидуализированности форм социального существования и взаимодействия. Более того, все большее значение приобретают новые формы координации социальных отношений, когда не только классическая парадигма «субъект-объектного» управления, но и система социального управления, опирающаяся на «субъект-субъектные» взаимодействия, трансформируется в сложную сетевую конструкцию. В сложившихся условиях ключевым вызовом управляемости стал, по мнению А. В. Курочкина, рост коммуникаций, обусловленный достижениями информационных технологий, предельно упростивших и ускоривших процесс передачи информации, нивелировав расстояние и изменив саму психологию взаимодействия между субъектами, «поставив» их «лицом к лицу» [123, с.20].

Расширение интерактивных возможностей способствует получению и распространению быстрой оценки решений и действий представителей органов власти. Более того, управленцы не являются в новых условиях единственными носителями знания, недоступного другим. Это, отмечает Э. Тоффлер, приведет к тому, что власть, опирающаяся на информационные ресурсы, вынуждена будет уступить место власти, способной создавать новое

знание, прогнозируя степень его востребованности в обществе [232, с.16-21]. В то же время переход к информационному обществу не только сопровождается снижением степени централизации управления, но и актуализирует субъектности на основе роста индивидуализации социальных и политических коммуникаций. У. Бек подчеркивает, что «...индивидуализация в этом плане направлена на ликвидацию жизненных основ мышления в традиционных категориях крупных общественных групп – социальных классов, сословий или слоев» [20, с.106]. К аналогичному выводу пришел и Э. Тоффлер в рамках своей концепции «третьей волны», отмечающий, что массовое общество уходит в прошлое и замещается новыми децентрализованными социальными структурами и институтами, которые в большей мере отвечают запросам и потребностям демассовицированного общества [322].

Наблюдаемые исследователями трансформации современного общества остро ставят вопрос о формировании и развитии такой составляющей социального потенциала региона, как подготовка специалистов, в том числе и в сфере управления, стремящихся не к накоплению информации, а способных к ее анализу и владеющих методами создания нового знания, включая и создание новых технологий управления развитием региона.

Важно отметить, что вся совокупность выделенных структурных элементов социального потенциала региона – его ресурсная, человеческая и институциональная составляющие – способны обеспечить гармоничные позитивные изменения в важнейших сферах жизнедеятельности личности, социальной территориальной общности, общества и государства при условии социальной направленности взаимодействия носителей различных потенциалов.

Развитию новых форм взаимодействия способствует и стремительное распространение интернет-технологий, обусловивших возникновение сетевых структур, способствующих обеспечению равноправной коммуникаций, позволяющих членам территориальных сообществ реально участвовать в управлении, получать беспрепятственный доступ к информации. Вместе с

тем мгновенная коммуникация, экспоненциальный рост интернет-сообществ, появление в системе управления специализированных внутренних сетей, технологий электронного правительства, предопределивших потребность в координации сетевых отношений, навыках отбора и анализа быстро меняющейся информации, вызвали и новые риски. В результате становления информационного общества, цифровой экономики, свободы коммуникаций возникает необходимость в определении институциональных рамок новых форм социального взаимодействия и появлении более гибких управлеченческих структур. Появление новых форм демократии, политического участия, расширение круга субъектов, влияющих на принятие управлеченческих решений, согласно позиции М. Кастельса, обусловливает возникновение нового государства, основанного на сети «политических институтов и органов принятия решений национального, регионального, местного и локального уровней, неизбежное взаимодействие которых трансформирует принятие решений в бесконечные переговоры между ними» [98, с. 29].

Отмеченные трансформации, по мнению А.В. Курочкина, также привели к росту значения коммуникативной эффективности государственного управления, направленной преимущественно на управление сложными образованиями, состоящими из множества акторов федерального, регионального, местного управления, социальных институтов, групп интересов, общественных и частных организаций. Это способствовало расширению функций публичного управления, смещению административного контроля в сторону «направленного влияния», к реализации соуправления (co-governance) [122, с.86].

Именно реализация модели соуправления позволяет сместить акценты в постановке цели, задач, определении форм и оценки управления: от управлеченческого воздействия к координации деятельности, от внутриорганизационного к межорганизационному взаимодействию, от административного контроля к совместному управлению и координации, от эффективности с

точки зрения экономии издержек к взаимозависимости и заинтересованности в совместных действиях [303, p.40].

К основным функциям управления социальным потенциалом региона можно отнести:

- получение выверенной исходной информации о состоянии ресурсного, человеческого и институционального потенциалов, ее анализ и широкое распространение;
- формирование новых и поддержка функционирующих институтов и организационных структур, обеспечивающих сохранение и развитие социального потенциала, а также способствующих социальной направленности взаимодействия всех заинтересованных субъектов в регионе;
- мониторинг состояния социального потенциала, создание и поддержание механизмов прогнозирования его развития с целью определения приоритетов роста;
- обеспечение необходимыми материальными, финансовыми и кадровыми ресурсами процесса формирования, сохранения и развития социального потенциала региона.

Лишь в контексте сказанного возможно не только успешное развитие социального потенциала, но и преодоление определенного противоречия между политико-управленческими, экономическими и социальными явлениями и процессами в регионе. Шедько Ю.Н. отмечает работающий в данном случае эффект комплементарности, когда социальная эффективность обеспечивается экономическим ростом, который требует использования качественного человеческого потенциала, в свою очередь формируемого только при наличии определенного уровня качества жизни как следствия социальной и управленческой эффективности [255, с. 35-36].

Вместе с тем и реализация региональной политики, и управление развитием социального потенциала предполагают наличие индикаторов их результативности, поскольку их совокупность позволяет получить в систематизированном виде информацию об изучаемом явлении, а также выявить взаи-

мосвязи между ресурсным, человеческим и институциональным потенциалами. Однако сегодня в науке и практической деятельности отсутствует единый выработанный подход к способам измерения социального потенциала региона. Это обусловлено, по мнению Д.В. Афанасьева, Т.А. Гужавиной, А.А. Меховой, в первую очередь тем, что, с одной стороны, изучением социального потенциала занимаются представители многих научных направлений – социологи, экономисты, политологи, психологи, педагоги; с другой стороны, от состояния и уровня развития социального потенциала зависят эффективное использование ресурсной базы региона, экономический рост, общественное благосостояние, определяющее, в свою очередь, качество образования и здравоохранения, качество услуг и регионального управления [8, 112].

В то же время, как показал проведенный анализ научной литературы, исследователи, имея разные взгляды на структурные компоненты социального потенциала, акцентируют внимание на том, что все его ресурсы используются и воспроизводятся через внедрение в социальные отношения и социальные структуры. Именно в силу этого на макроуровне – страны, региона – работают нормы и ценности, универсальные для всего общества (территориального сообщества); на микроуровне улучшается взаимодействие сторон.

Обзор выделяемых количественных и качественных критериев его измерения и оценки позволяет обратить внимание на то обстоятельство, что, во-первых, индикаторы выделяются, как правило, для его структурных элементов по отдельности – ресурсного, человеческого и институционального потенциалов; во-вторых, нередко используемые индикаторы из-за своей специфики и применения различных методик не могут быть сопоставимы друг с другом; в-третьих, количественные показатели отражают состояние социального капитала и лишь позволяют прогнозировать его потенциальные изменения. Следовательно, на сегодняшний день не представляется возможным через единые показатели оценить всю совокупность структурных компонентов социального потенциала региона, а потому данная проблема по-прежнему остается остро дискуссионной.

Вместе с тем сравнительное изучение регионов в Италии, Германии, Франции, России зарубежными исследователями, при всей специфике методик, показало влияние социального потенциала на динамику их социально-экономического и политического развития. В этой связи важно продолжить изучение возможностей использования имеющихся индикаторов и разработку новых подходов к оценке результативности формирования, развития и использования социального потенциала региона [314, р. 301; 276, р. 238; 281, р. 259; 305, р. 23; 323, р. 169].

Отечественные исследователи (Е.А. Колесниченко, В.Е. Кузнецов, И.И. Куянцева, Н.Н. Нестерова, В.А. Сивелькин, И.В. Скопина и др.) при оценке ресурсного потенциала региона выделяют такие показатели, как:

- природно-ресурсные возможности, оценивая, прежде всего, запасы земельных, минеральных, водных, биологических, рекреационных и др. ресурсов [106, с.22];
- инновационно-инвестиционные возможности региона, оценивая производственные, трудовые, потребительские, инфраструктурные, институциональные, ресурсно-сырьевые, финансовые и др. прямые показатели (методика рейтингового агентства «Эксперт») [106, с.21] или прямые и косвенные факторы – природно-ресурсный, демографический, уровень экономического развития, экономическая активность, уровень жизни населения, состояние финансов, экономические реформы, политическая активность избирателей, устойчивость и влиятельность региональных структур (методика, предложенная сотрудниками Института экономики РАН) [94, с.59-60]. В.А. Сивелькиным и В.Е. Кузнецовым разработан интегральный подход к оценке инвестиционного климата, включающий анализ нормативно-правовой базы, инвестиционной активности, эффективности инвестиций, преобладающие тренды [206, с. 67];
- интеллектуальные возможности региона, оценивая накопленный объем научной и культурной информации, системы производства, формы передачи знаний, качество рабочей силы, используя для этого индекс экономики

знаний, включающей индекс экономического и институционального режима, индекс образования, индекс инноваций, индекс информационных и коммуникационных технологий (методика разработана группой Всемирного банка в рамках программы «Знания для развития») [124, с. 124-125];

- экономические возможности региона отражаются в комплексе показателей, включающем уровень экономической активности населения, коэффициент демографической нагрузки, основные фонды и их сохранность, доходность предприятий [202, с.11-12];

- инфраструктурные возможности определяются уровнем здравоохранения, жилищно-коммунальными условиями, развитием транспортной системы, социально-инфраструктурным потенциалом [208, с.10].

Значительное число работ посвящено выделению показателей и индикаторов состояния человеческого потенциала в регионе, в которых отмечается тот факт, что его составляющие нередко выражены в неявной или относительной форме, делая невозможными количественные измерения и четкие кодификации. Д.В. Афанасьев, Т.А. Гужавина и А.А. Мехова подчеркивают зависимость измерения от концептуальной модели, выбираемой исследователями [8, с.115]. Стоит отметить, что теоретическая рефлексия работ целого ряда ученых (У. Бейкера, Т.А. Гужавиной, В. Нилова, Л.И. Полищук, А.Н. Татарко и др.) позволила зафиксировать такие доминантные показатели, как включенность в сети, участие в общественных и политических организациях, готовность к совместным действиям, солидарность, доверие [270; 66; 160; 181; 226].

Несмотря на то, что применявшиеся индикаторы имеют общие элементы, получение полного и единого набора показателей представляется проблематичным. В свете сказанного был предпринят ряд попыток интегрировать многообразие подходов, используя единый инструмент измерения, что привело к распространению индексной методики, основанной на использовании готовых показателей: индексы доверия, коррупции, процветания стран мира.

В связи с этим представляется, что преодолеть некоторый диссонанс индикаторов удалось Д.В. Афанасьеву, Т.А. Гужавиной и А.А. Меховой, которые, опираясь на идеи Дж. Нахапета и С. Гошала, определивших три взаимозависимых аспекта измерения человеческого потенциала – структурное, реляционное и когнитивное, – выделили компоненты социального капитала и их индикаторы [308]. Согласно точке зрения указанных исследователей можно выделить когнитивные и структурные компоненты [8, с.119].

Когнитивные компоненты отражают установки и социальные нормы индивидов, предопределяющие социально-полезное поведение людей, и включают: доверие (институциональное и межличностное), чувство ответственности и готовность объединяться.

Структурные компоненты содействуют социальному взаимодействию через сети и социальные связи, добровольные ассоциации, формальные и неформальные объединения, и включают: участие в социальной и политической жизни, оценку возможности влияния на состояние дел на местном, региональном и федеральном уровнях.

Не менее сложно выделить индикаторы, позволяющие оценить институциональный потенциал региона, при этом исследователи признают возрастающее значение институционального компонента для его формирования, сохранения и развития. Однако особое внимание в работах ученых уделяется институциональным аспектам с точки зрения социально-экономического развития региона [99; 179].

При определении количественных или объективных показателей уровня сформированности социального потенциала в регионе преобладают оценки формальных институтов. Приоритетное значение при их выделении имеют субъекты, оказывающие непосредственное влияние на формирование социального потенциала – это государственные региональные и муниципальные органы власти, а также организации и институты, позволяющие им эффективно взаимодействовать (социальное партнерство, комиссии по развитию и т.д.). Опираясь на мнение С.П. Спиридонова, Е.В. Нижегородова и

Б.И. Герасимова, для оценки деятельности самих институтов можно выделить два основных этапа [218, с. 38-41].

Первый этап направлен на выделение индикаторов институциональной среды. Исследователи предлагают два типа индикаторов: первый направлен на определение количества институтов, влияющих на формирование, сохранение и развитие социального потенциала региона; второй позволяет определить средний вклад каждого формального института в развитие социального потенциала в определенный отрезок времени.

На втором этапе необходимо оценить индикатор финансовой обеспеченности институтов влияния, при этом важно учитывать не только соотношение величины расходов и количества институтов, но и показатель эффективности этих расходов.

Другой точки зрения придерживается А. С. Зернаев, который считает, что институциональная среда формирует рамочные условия развития социального потенциала, осуществляя влияние по всей совокупности параметров без выделения отдельных институтов. В качестве показателей состояния социального потенциала им выделены: социально-экономическая дифференциация; доходы населения; экономическая активность населения; основные фонды региона и их состояние; индексы производства по отдельным видам экономической деятельности; уровень инвестиционной привлекательности; уровень развития межрегиональных и торговых связей; уровень образования и развития инновационной деятельности; уровень развития региональной инфраструктуры [88, с.6].

Следует отметить понимание исследователями роста значения не только социально-экономических количественных показателей. Так, например, Н.В. Остапенко, характеризуя воздействие неформальных институтов, отмечает роль культурных традиций и стереотипов, уровень коррумпированности чиновников. Именно институциональная неформальная среда формирует устойчивые модели поведения индивидов в различных сферах жизнедеятельности, влияет на выбор управлеченческих решений, более того, определяет

специфику деятельности формальных институтов. При этом одним из индикаторов качества формальных институтов является уровень коррупции, а индекс восприятия коррупции устанавливает неформальные правила игры в институциональной среде [173, с.157].

Институт доверия занимает не менее значительное место в системе показателей развития социального потенциала региона. Доверительные отношения обеспечивают как интеграцию институций, так и сплоченность членов территориального сообщества, а доверие к институтам власти, СМИ обуславливает социальную стабильность в регионе. Следовательно, показатели доверия являются важным фактором в оценке деятельности формальных и неформальных институтов. Стоит отметить, что в российской практике изучения институционального доверия лидерами выступают такие организации, как ВЦИОМ и Левада-Центр, которые оценивают феномен социального доверия через индексы социального самочувствия и социального настроения.

Таким образом, можно заключить, что результативная региональная политика и управление ее реализацией формальными и неформальными институтами играют определяющую роль в формировании, сохранении и развитии социального потенциала региона как системы. Это предполагает:

- понимание того, что социальный потенциал региона как открытая, динамичная система имеет взаимосвязанные и взаимодействующие подсистемы: ресурсный, человеческий и институциональный потенциалы;
- способность управленческих структур, формальных и неформальных институтов синхронизировать и координировать свои действия при согласованном принятии управленческих решений, направленных на формирование, сохранение и развитие социального потенциала региона.

1.3. Проблемы сохранения и факторы развития социального потенциала Арктического региона

Возрастающая роль северных территорий в сохранении и развитии социального потенциала страны обусловлена их геополитическим, ресурсным, экологическим значением. Именно Арктический регион в наибольшей степени отражает основные вызовы современного развития России – проблемы инновационного социально-экономического роста, постиндустриальной трансформации всех сфер общества, усиления миграционной подвижности, состояния экологии, которые в совокупности влияют на факторы формирования, сохранения и развития как социального потенциала самого региона, так и на обеспечение национальной безопасности России.

Вместе с тем Арктический регион, обозначаемый до сегодняшнего дня в нормативных документах как «Арктическая зона», уже и сам обладает накопленным капиталом – человеческим, ресурсным, экономическим – для решения возникающих проблем и поставленных в Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года задач. Не случайно субъекты и части субъектов Российской Федерации, входящие в Арктическую зону в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. N 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации», в том числе ЯНАО, отнесены к геостратегической территории России, имеющей «существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующейся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности» [200].

В то же время многообразие и нерасчлененность терминов в определении Арктического региона, в том числе его границ, предполагают необходимость выработки методологически обоснованного таксонирования Арктики. Еще в 2008 году Президентом Российской Федерации подписан документ об «Основных направлениях государственной политики РФ в Арктике на пери-

од до 2020 года и дальнейшую перспективу», в котором предлагалось считать Арктической зоной РФ территорию севера России, определенную решением Государственной Комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22 апреля 1989 года, но без достаточного обоснования. Неопределенность границ характерна и для других документов, регулирующих развитие Арктики. Вместе с тем Северный полярный круг как маркер южной границы Арктики используется и отечественными, и зарубежными учеными. Вторым важным критерием принадлежности к Арктической зоне является выход к акватории Северного Ледовитого океана. Оба этих широко распространенных критерия позволяют отнести Ямalo-Ненецкий автономный округ к зоне Арктики. Однако, включение/исключение тех или иных территорий, а также чисто географический или административный подход не позволяют учитывать специфику экономического районирования, не отражают политику государственного регионального регулирования и другие аспекты выделения границ АЗР.

В силу сказанного возникла потребность в дополнительных критериях выделения границ Арктической зоны. Их поиском занимались и продолжают заниматься многие ученые разных стран, прежде всего, Канады, США, северных стран Европы, России.

На целесообразность именно таксонирования, а не только районирования территории изначально обращали внимание советские исследователи, поскольку первое предполагает не только определение границ арктического региона, но и позволяет выделить составляющие его субъекты, установить возможность реальных и потенциальных отношений между ними. Так, в 1930-х годах С.В. Славин разработал схему определения северных территорий, которая учитывала как природно-климатические, так и экономико-географические критерии. В результате к Северу им были отнесены малонаселенные и слабоосвоенные районы, расположенные севернее экономически развитых и достаточно плотно заселенных районов [209]. Позднее признали целесообразность такого подхода, определив его как административно-

политический критерий (Р.Филипс), и северо-американские исследователи. В известной монографии «Политическая экономика Севера» К.Дж. Ри подчеркивает важность такого критерия, как «неосвоенность районов» [318, р.117].

Однако достаточно длительное время в трудах зарубежных исследователей (К. Дж. Ри, Р. Гайда) к северным относились высокоширотные территории СССР (выше 60° с.ш.), которые можно, по мнению Л.Э. Амлена, разделить на Средний, Дальний и Крайний Север [318; 293]. Значительные территории на основе их географических особенностей были отнесены Т. Армстронгом, Дж. Роджером и Д. Роулем к Арктике и Субарктике, которые они объединяли понятием Север, отражающим комплекс природных и экономико-географических факторов [268].

Результатом многолетних исследований Л.Э. Амлена стал перечень 10 факторов, оценивающих «северность» территорий, которые отражают физико-географические, природно-климатические, социально-экономические условия их функционирования. Разработанная шкала была признана не только учеными, но и практиками, поскольку позволяла на основе суммы баллов уточнять размеры доплат к заработной плате жителей районов Севера [292, pp. 6-13]. Л.Э. Амлен в качестве основы стратегического управления региональным развитием, направленного на строительство инфраструктуры, разработку бизнес-планов, организацию кадрового обеспечения, трудоустройство коренного населения, предлагает рассматривать зонирование территорий [294].

Необходимость учета столь многочисленных критериев выделения зоны Арктики привела к формированию комплексного подхода, который позволяет учитывать целый спектр различных характеристик такого специфического региона (см. табл.1.2). Именно комплексный подход включает не только показатели природно-климатических особенностей региона в контексте их воздействия на физиологическое и психологическое функционирование человека в условиях Севера, но и отражает социально-экономические возможности развития территории, а также потенциальные риски.

Предлагаемый комплексный подход, опирающийся на научное обоснование и нормативное закрепление границ Арктической зоны, позволит более полно задействовать государственные, региональные и муниципальные управленческие возможности, направленные на сохранение и развитие социального потенциала этих уникальных территорий.

Таблица 1.2

Структурные элементы комплексного подхода	Выделяемые критерии таксонирования Арктики
Климатический [109].	<ul style="list-style-type: none"> - соотношение температур летнего и зимнего периодов; - радиационный баланс; - общеклиматические характеристики (скорость ветра, количество осадков, средняя температура воздуха и т.д.).
Физико-географический [149].	<ul style="list-style-type: none"> - учет базовых параметров ландшафтов; - выделение высоколатитных территорий, очерченных Северным полярным кругом ($66,33^{\circ}$ с.ш.); - плотность населения на 1 кв. км до 5 человек.
Биоклиматический [214].	<ul style="list-style-type: none"> - определение совокупного биоклиматического индекса (индекс теплосодержания, индекс жесткости погоды, индекс влияния ветрового охлаждения и т.д.); - учет влияния природной среды на условия жизни населения (продолжительность дня и ночи, высота местности, солнечная активность, продолжительность экстремального периода); - учет стрессовых состояний человека, возникающих под влиянием окружающей среды.
Экологический [280].	<ul style="list-style-type: none"> - сохранение арктической флоры и фауны через выделение CAFF-границы (Conservation of Arctic Flora and Fauna), предложенной Арктическим советом, которая соответствует северной границе произрастания лесов на суше и максимальной протяженности морского льда на море
Хозяйственный [5; 54; 198].	<ul style="list-style-type: none"> - выделение приоритетных направлений социально-экономического развития регионов; - возможности развития земледелия; - развитие транспортной системы; - определение потенциала региона.
Административный [231].	<ul style="list-style-type: none"> - отражение обоснования арктической зоны в нормативно-правовых документах; - административное деление территории и создание муниципальных образований; - оптимизация системы управления.
Социально-этнический [112; 307].	<ul style="list-style-type: none"> - учет расселения коренных малочисленных народов Севера.

Проблема управления сохранением и развитием социального потенциала в Арктическом регионе заключается не только в отсутствии четко зафиксированного комплексного подхода, но и в отсутствии единой концепции, определяющей основные направления и методы управления. Важно отметить, что проблема управления сохранением и развитием социального потенциала в Арктическом регионе имеет глобальный характер и требует координации усилий всех уровней власти и общества.

сированной в законодательной практике маркировки границ, но и в широком хождении в научной литературе, практической управленческой деятельности таких понятий, как «Арктика», «Российская Арктика», «Арктическая зона», «Арктическая территория», «Арктический регион», «районы Крайнего Севера», «районы, приравненные к Крайнему Северу».

Термин «Российская Арктика» связан с выделением внутри Арктики национальных границ данной территории как части государства, поскольку Северный Ледовитый океан, являющийся основой для выделения Арктики, разделен на сектора, которые относятся к арктическим государствам. При этом границы секторов были установлены национальными законодательствами государств, за исключением Норвегии, получившей архипелаг Шпицберген по международному договору от 1920 года. Границы России установлены в апреле 1926 года решением Центрального исполнительного комитета СССР «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». Данное постановление способствовало и историческому закреплению за Арктикой терминов «районы Крайнего Севера», «районы, приравненные к Крайнему Северу». Сегодня арктические государства не заинтересованы в изменении сложившейся системы на международном уровне, предпочитая рассматривать вопросы территориальной принадлежности в рамках взаимодействия пяти стран – России, Канады, США, Дании и Норвегии, имеющих выход в Арктику [143].

Вместе с тем для дальнейшего освоения Арктики и развития социального потенциала существенное значение имеют не только государственные, но и административные границы, особенно для Российской Федерации, располагающей большими владениями на побережье и островах Северного Ледовитого океана, включая Ямало-Ненецкий автономный округ в составе Тюменской области [143, с.11].

Административное деление Арктики связано с деятельностью целого ряда субъектов РФ, развитие и потенциал которых весьма неоднородны. По мнению А. Мухина, С. Гриняева, М. Лавниченко, наличие множества адми-

нистративных границ снижает эффективность инфраструктурного развития Арктики, а поэтому целесообразно «для создания завершенной системы управления проблемными территориями Российской Федерации создать специальное Министерство по делам Арктики и северных территорий» [151]. При таком подходе оправдано использование понятия «Арктическая зона», но данная точка зрения встречает и вполне аргументированное отрицание как необходимости создания дополнительных бюрократических структур, так и использования данного понятия [143, с.12; 132, с.174]. В частности, Ю.Ф. Лукин отмечает, что экспертное обсуждение проекта закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации», проведенное журналами «Арктика и Север» и «Политическое образование» в 2016 году, показало предпочтительное использование понятия «Российская Арктика» (52,2% из числа опрошенных экспертов). Но в связи с тем, что термин «Арктическая зона Российской Федерации» (АЗРФ) нашел отражение во многих документах и доктринах, эксперты указывают на необходимость признания равнозначности понятий «Российская Арктика» и «Арктическая зона Российской Федерации».

Достаточно близкими, порой синонимичными рассматриваются исследователями, например, Ф.Х Дорониной, Н.М. Межевичем, А.С. Протасовым и др., понятия «регион» и «территория» [79; 147; 195].

Представляется, что идентичность данных понятий обусловлена рядом их общих признаков, таких как определенное географическое положение (территория), специфические природно-климатические условия (специализация), сложившийся уровень развития (социально-экономические возможности и связи), административные границы (функционирование территориальных образований и уровень управления ими). В этом отношении показательно определение региона как «части территории РФ, обладающей общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий», данное в Указе Президента РФ «Основные положения региональной политики в Российской Федерации» [171]. Вместе с тем и в Большом

толковом словаре иностранных слов, и в Оксфордском словаре понятие «регион» характеризуется не только как часть одного государства, но и как часть совокупности государств [30, с. 173; 312, р.510-511].

Исходя из выделенных выше признаков региона как пространственно-территориальной структуры, Н.А. Костко, Н.Н. Некрасов, К.Н. Юсупов трактуют данное образование, прежде всего, как часть страны, отличающуюся совокупностью естественных и исторически сложившихся особенностей [117; 155; 265]. Такой взгляд на регион близок и представителям административно-территориального подхода, которые акцентируют внимание на административных границах и определении места региона в системе общественного разделения труда [68]. Представленные подходы в значительной степени отражают экономическую составляющую регионально-территориального деления, подчеркивая производственную специализацию в рамках экономического развития страны. С этой точки зрения, по мнению А.Г. Гранберга, Г.В. Гутмана, А.В. Савельева, регион может рассматриваться как составная часть социально-экономического комплекса [64; 68; 205]. В рамках социального подхода понятие «регион» изучается как система, определяющим началом которой выступает социально-территориальная общность, которая формирует и отражает целостную, самостоятельную административную, экономическую, социокультурную единицу, развивающуюся в специфических культурно-бытовых условиях. Значимость социального фактора и роль территориального сообщества выделяются в трудах О.М. Барбакова, Г.Е. Зборовского, Н.А. Костко, Н.И. Лапина [12; 89; 117].

В свете сказанного Н.М. Межевич подчеркивает, что понятия «регион» и «территория» нельзя отождествлять, поскольку регион – это не только экономическая или географическая категория [147, с. 5]. В то же время территориальная составляющая является определяющей для любого региона, основой его формирования и функционирования. Поэтому можно предположить допустимость использования как однопорядковых понятий «Арктическая территория» и «Арктический регион», т.к. территория Арктики все более

превращается в регион на основе географического единства, общности исторических судеб, наличия особенностей материальной и духовной культуры. Признание арктической территории регионом связано и с его специфической ролью в структуре международных отношений, а также с признанием этой роли всеми основными участниками геополитического процесса.

В контексте социологического подхода понятие «регион» связано, в первую очередь, с самоидентификацией территориальной общности. П. Бурдье отмечал существование «...пространства отношений, которое столь же реально, как географическое пространство» [34, с. 60]. Территориальное сообщество как главный маркер региона выделяет и Э. Маркузен, рассматривая данное понятие через призму исторически эволюционирующего компактного сообщества, отражающего в своем развитии физическое окружение, социально-экономическую, политическую и культурную среду, а также пространственную структуру, отличную от иных регионов [304, р. 17, 251].

Территориальная общность и ее тесная связь с регионом проявляется через взаимодействие людей, между которыми возникают различные варианты сотрудничества в силу однородности объективных условий их жизнедеятельности. Это предполагает для сохранения и развития социального потенциала региона необходимость усиления не только социальной активности индивидов и групп, но и делегирования властных полномочий представителям территориальных общностей различного типа [125, с. 42]. Социальная и политическая активность представителей территориальной общности будет способствовать, с точки зрения Э. Хюрелла, совместности общих ценностей, связанных с культурой, религией, историческими традициями, формированию политической солидарности и социального доверия к органам власти [297, р. 333]. Однако, нельзя не согласиться с точкой зрения Э. Айзмена, подчеркивающего, что подход к интерпретации понятия «регион» детерминирован тем вопросом, изучением которого занимается исследователь [298, р.6].

В диссертационной работе под термином «Арктический регион» понимается определенная территория страны с близкими природно-климатическими условиями, характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся материально-технической и социальной инфраструктурой, а также своеобразием социокультурных традиций и социально-политических договоренностей, проявляющихся в специфике формирования и развития социального потенциала.

В свою очередь Арктический регион Российской Федерации включает ряд субъектов в определенных административных границах с политико-административными органами управления, как, например, Ямало-Ненецкий автономный округ. Функционирующие в пределах Арктического региона административные единицы отражают одну из наиболее проблемных особенностей его жизнедеятельности – неравномерность развития, включая такой компонент, как социальный потенциал. Несмотря на активно реализуемую региональную государственную политику, направленную на выравнивание территориального развития, пространственные различия в Арктическом регионе сохраняются – наряду с депрессивными территориями можно выделить устойчиво развивающиеся административно-территориальные образования, к которым и относится ЯНАО.

Вместе с тем Арктический регион имеет общие проблемы формирования, сохранения и развития социального потенциала. Трудности сохранения и факторы развития социального потенциала Арктического региона могут быть осмыслены через совокупность его характеристик, локализуемых в ресурсном, человеческом и институциональном потенциалах, выделенных в предыдущем параграфе.

Наличие разнообразных природных ресурсов, с точки зрения экономического развития, является наиболее привлекательной стороной данного региона, определяя в большинстве случаев структуру региональной экономики, а также темпы социального и экономического роста. Однако широта спектра

природных ресурсов – водных, лесных, уникальных полезных ископаемых – не снимает физико-географические и природно-климатические ограничения их использования. Функционирование экономики в неблагоприятных природно-климатических условиях сопровождается, отмечает Д.В. Губенко, дополнительными затратами, обусловленными агрессивным влиянием среды на технику и людей, влекущим их повышенную сменность, дополнительные расходы на создание комфортных условий работы и отдыха, что порождает различия в рентабельности производства, ценах на товары, работы и услуги [65, с.107].

Более того, наличие значительных природных ресурсов и, как следствие, возможность получать высокую природную ренту не стимулирует представителей бизнеса, органов власти, местного самоуправления развивать научкоемкие инновационные отрасли экономики, сохраняя монопрофильный характер экономики. Монопрофильность усиливается изолированностью северных городов и поселков, автономностью их функционирования, слабостью внешних горизонтальных связей, сдержанной возможностью эндогенного развития в связи с сильной зависимостью от конъюнктуры внешних рынков. Удаленность от рынков сбыта и существенные транспортные расходы также снижают ресурсно-экономический потенциал Арктического региона. Отрицательную роль играет и неразвитость транспортной инфраструктуры. Так, например, даже в экономически устойчивом Ямalo-Ненецком автономном округе автомобильные и железные дороги разделены на два несвязанных сегмента – западный и восточный, ряд районных центров вообще лишены круглогодичной связи с дорожной сетью региона и страны [75]. Недостаточный характер и плотность инфраструктурных связей отмечены и в Государственной программе развития Арктики, где подчеркивается, что одной из основных проблем является «отсутствие внутренних транспортных связей в этом регионе» [188]. Именно поэтому стратегия развития Арктического региона предусматривает создание национальной морской магистрали, ориентированной на круглогодичное функционирование, которая будет под-

тягивать речные и железнодорожные коммуникации, а также сети аэропортов.

С целью решения выделенных проблем и для усиления факторов развития социального потенциала региона важно не только диверсифицировать рынок товаров и услуг, но и развивать всестороннее сотрудничество как внутри Арктического региона, так и на межрегиональном уровне. Для этого особое значение приобретает уровень и качество инфраструктуры – транспортных, коммуникационных и информационных систем. Одновременное развитие социальной инфраструктуры и ЖКХ будет способствовать улучшению качества жизни населения региона, сделает его более привлекательным для ведения бизнеса и проживания. В результате становление и поддержка образовательных, научных учреждений, инновационной инфраструктуры – от бизнес-инкубаторов и технопарков до особых экономических зон – будет являться источником и важным фактором развития человеческого потенциала.

Еще одной проблемой, требующей быстрого решения и серьезных материальных вложений, характерной практически для всех административно-территориальных образований Арктического региона, является значительный объем ветхого и аварийного жилья. Поскольку срок функционирования построек в деревянном исполнении в городах и поселках Арктического региона превышает 40-50 лет, жилой фонд устаревает быстрее, чем строятся новые дома. Недостаточно высоки и темпы обновления зданий, где размещены учреждения здравоохранения, образования, социокультурного назначения, многие из них лишены горячего водоснабжения, не подключены к центральному отоплению. Особое внимание к данным аспектам жилищной политики и условиям функционирования социальной сферы продиктовано сложными климатическими и географическими характеристиками региона.

Исследователи, практики и политики на **всех** уровнях констатируют, что именно человеческая составляющая является ключевым звеном развития социального потенциала Арктического региона, определяющим его жизне-

способность. При этом большинство западных и российских исследователей внимание к человеческому потенциалу данного региона связывают, в первую очередь, с демографической составляющей. Так, Дж. Валлин, Г. Каселли, П. Кероун, А. Сен, В.В. Маркин, А.Н. Силин, С.А. Сукнева, В.В. Фаузер и др. подчеркивают, что территория Арктики наименее заселена – сегодня во всех странах Арктического региона проживает около 2 мин человек, а потому сохранение населения, его естественный и миграционный прирост чрезвычайно важны [140; 225; 282; 283; 239].

Для России эта проблема стоит особенно остро в силу негативных демографических тенденций. Так, Л.В. Ларченко отмечает, что в результате противоречивых социально-экономических и политических реформ и снижения роли государства в жизни общества в российской Арктике численность населения уменьшилась в среднем на 30%, тогда как в зарубежных странах оно примерно на такой же порядок выросла [126, с. 9]. И если в годы советской власти российский Север был весьма привлекательным местом приложения творческих и профессиональных сил, обеспечивающих его экстенсивное освоение и промышленное развитие, то, начиная с конца 1980-х – начала 1990-х годов, наблюдается активный миграционный отток населения. Это приводит к потере, прежде всего, экономически активного населения, которое соответствовало по своим профессиональным навыкам сложившейся отраслевой структуре экономики региона, было адаптировано к сложным природным условиям. В то же время нельзя не признать, что принимаемые в Российской Федерации меры, направленные на сокращение смертности и повышение рождаемости в стране в последние годы, способствовали увеличению естественного прироста населения. При этом для Ямalo-Ненецкого автономного округа характерны и естественный, и незначительный механический прирост населения.

В целом же сложившиеся в российской Арктике объективные и субъективные факторы жизнедеятельности населения создают трудности адаптации, предопределяя сохранение высокого миграционного оборота и слабой

приживаемости. С одной стороны, миграционная подвижность населения поддерживает наличие здесь достаточно молодой возрастной структуры – согласно переписи 2010 г., доля лиц старше трудоспособного возраста составляла 15,9 % (тогда как по России 22,2%); с другой стороны, Арктический регион постепенно утрачивает свое несомненное преимущество в возрастной структуре населения: наблюдается уменьшение числа детей по отношению к категории людей старше трудоспособного возраста, исключение составляют ЯНАО и Чукотский округ [239, с.21-22]. Старение населения может создать определенные трудности для инновационного развития Арктического региона.

При анализе социальных практик решения данной проблемы были сделан вывод, что в определенной мере выход из сложившейся неблагополучной демографической ситуации может быть связан с применением вахтового метода организации труда. Однако его стихийное использование на уровне отдельных корпораций не дает ожидаемого эффекта, порождая новые противоречия и конфликты, поэтому как инструмент обеспечения человеческими ресурсами предприятия и организации региона вахтовый метод необходимо регулировать федеральными и региональными органами власти.

Таким образом, современное демографическое состояние не позволяет использовать интенсивный прирост населения для развития российской Арктики. Демографический кризис подталкивает представителей органов власти и бизнеса к необходимости сохранения и развития человеческого потенциала через: во-первых, создание современной системы здравоохранения; во-вторых, совершенствование образования населения всех возрастных категорий; в-третьих, создание комфортной среды проживания; в-четвертых, повышение качества жизни населения, а значит уровня доверия к властным структурам, и его социальной активности.

Природные условия Арктики, влияющие на здоровье коренного населения, старожилов и вновь прибывших, весьма разнообразны и включают низкие температуры, короткий световой день, частые и высокоскоростные

ветра, перепады атмосферного давления, гравитационные аномалии, специфику питания и низкое качество воды. В совокупности указанные факторы приводят к росту сердечнососудистых и онкологических заболеваний, к сезонным депрессиям и бессоннице, психическим отклонениям. Исследования, проводимые Н.И. Новиковой, А.И. Поповым, А.Н. Силиным, позволили выявить, что уровень медицинского обслуживания, по мнению жителей региона, нередко ниже общероссийских стандартов, наблюдается сокращение амбулаторно-поликлинических организаций, уменьшаются государственные расходы на организацию медицинского обслуживания при несовершенстве системы обязательного медицинского страхования [161; 183; 249]. Ситуация усугубляется болезнями, имеющими социальный характер и отражающими маргинальность и низкий уровень жизни значительной части населения региона – алкоголизм, наркомания, туберкулез, суицидальные модели поведения.

В условиях постоянного давления на физиологическое и психологическое здоровье населения Арктического региона большое значение для сохранения и развития человеческого потенциала приобретает образование, в рамках которого необходимо формирование экокультуры человека, способного вести здоровый образ жизни. Кроме того, через различные формы образовательной и воспитательной деятельности на индивидуальном уровне идет формирование оценки собственного здоровья и факторов, оказывающих интенсивное влияние на самочувствие, понимание роли семьи в организации и реализации здорового образа жизни.

В ситуации дефицита человеческих ресурсов – численность населения Арктического региона России в настоящее время составляет около 1% от общероссийской – представители бизнеса готовы нести существенные затраты на развитие человеческого потенциала через совершенствование системы образования [238, с.21]. Перепись 2010 г. отразила достаточно высокий уровень образования населения российского Севера в возрасте 15 лет и старше – 996 против 994 на 1000 человек общероссийского уровня. В то же время уровень профессиональной подготовки, прежде всего на основе высшего и по-

слевузовского образования, отстает от общероссийских показателей (257 против 280 на 1000 человек), но превышает по уровню среднего профессионального образования (406 против 368 на 1000 человек) [239, с.25].

Вместе с тем именно в Арктическом регионе все более остро ощущается проблема поиска и/или формирования высокопрофессиональных кадров, характеризующихся мобильностью, способностью креативно мыслить, быстро принимать решения. Потребность в кадрах, ориентированных на профессиональный рост и самосовершенствование, предопределила готовность представителей бизнеса инвестировать в образование, что позволит получить рост производительности и инновационности труда в будущем. Н.С. Гигичев подчеркивает, что это должны быть значительные по объему и продолжительные по времени вложения в образование, чтобы получить желаемый экономический и социальный эффект от инвестиций [57, с. 441].

В этой связи особую ценность приобретает образование молодежи, которая в силу своего возраста и возможностей объективно выступает резервом, способным быстро адаптироваться к качественно новым обстоятельствам, а также, приобретя профессиональный опыт, «вернуть» вложенные в ее развитие средства [138, с.445]. На первый план выходит профессиональная подготовка молодежи в отраслевых вузах, тесно взаимосвязанных с различными направлениями народного хозяйства. Такая связь и перспектива трудоустройства выпускников будет способствовать внутренней интеллектуальной и профессиональной миграции, но закрепление прибывших молодых специалистов возможно лишь при условии создания комфортной среды их жизнедеятельности.

Одновременно все более отчетливо проявляют себя проблемы и новые тенденции в образовании коренных малочисленных народов Севера. Нельзя не признать, считают Н.Д. Неустроев и А.Н. Неустроева, повышение образовательного уровня КМНС в годы советской власти, но тогда же началось размывание этнического самосознания, этнокультурного своеобразия. В конце XX века в период реформ наблюдался, с одной стороны, возврат к тради-

циям, с другой – рост маргинальных настроений, девиантного и суицидального поведения [156]. Сложившаяся противоречивость нашла отражение и в системе образования коренного населения, вынужденного постоянно решать дилемму: выбор обучения, ориентированного на подготовку молодежи к традиционным видам производственной деятельности (охота, оленеводство, рыболовство, народные промыслы), или подготовку к получению современных профессий. Это предопределяет, по мнению Е.В. Малышевой и И.Л. Набока, особый характер образования КМНС, призванного обеспечить межпоколенную трансляцию культуры. Достижение этого возможно через становление двухкомпонентного образования: первый компонент сохраняет и транслирует ценностный фундамент циркумполярной цивилизации (язык, морально-этические нормы, экологическое мировоззрение); второй компонент отражает социально-экономические, социокультурные изменения и обеспечивает адаптацию к новым социально-историческим и экономическим условиям [137, с.141].

Однако степень образования и здоровье населения Арктического региона не только определяет качество жизни, но и, в свою очередь, зависят от уровня и качества жизни. Проблемы в данной сфере не только продуцируют усиление миграционного оттока преимущественно трудоспособного населения, но и негативно воздействуют на уровень здоровья и продолжительность жизни, качество образования, кроме того, увеличивают социальные отклонения и социальную напряженность, ставя под вопрос способность региона сохранять и развивать социальный потенциал в целом, и человеческий в частности.

Используя широкий спектр индикаторов качества жизни, включающих благосостояние, уровень занятости, степень удовлетворенности материальными возможностями и доходами, жилищные условия, качество продукции и услуг, состояние здоровья и образования, Д.Л. Кондратович и М.В. Ульченко на основе методов статистического, экономико-математического и социологического анализа выделили средние показатели качества жизни администра-

тивных образований, входящих в Арктический регион, в сравнении с обще-российской ситуацией [110]. В результате установлено, что самая неблагополучная ситуация сложилась в Мурманской области, более высокий уровень качества жизни отмечается в автономных округах – Чукотском, Ненецком и Ямало-Ненецком, причем социально-экономические показатели соотносятся с субъективными оценками ситуации.

В то же время выделяемые исследователями показатели имеют в Арктическом регионе свою специфику проявления. Так, за счет системы северных гарантий и компенсаций соотношение заработной платы со значением прожиточного минимума трудоспособного населения российской Арктики и среднероссийским уровнем отражает преимущество жителей Севера, но стоимость продуктов, теплой одежды, услуг ЖКХ и их качество сводят это преимущество к нолю. Более того, именно здесь наблюдается наиболее сильная дифференциация в доходах сразу по нескольким параметрам: неравенство по субъектам Арктического региона (зарплата в ЯНАО на одну треть превышает зарплату в Магаданской области); по предприятиям, когда отраслевая специализация допускает разницу в оплате труда в семь и более раз; отмечается гендерная дифференциация заработной платы (женщины получают в среднем в 2 раза меньше мужчин); формируются значительные различия и по структуре потребления продуктов, товаров и услуг. Ситуация усугубляется безработицей и низкооплачиваемой занятостью значительных категорий работников, что в условиях севера сразу ставит человека в ситуацию бедности [116, с. 606].

Признавая несомненную связь проблемы сохранения и развития человеческого потенциала с качеством жизни населения, следует отметить такой важный аспект, как удовлетворенность возможностью реализовать свой трудовой потенциал на основе сбалансированных организационных, социально-психологических условий трудовой деятельности, предопределяющих профессиональный рост и саморазвитие индивида.

Кроме того, многие исследователи качества жизни (Дж. Гэлбрейт, Дж. Ван Гиг, А.И. Суббето и др.) отмечают, что для человека большое значение имеет не только определенный уровень материального благополучия, но и духовно насыщенная жизнь [69, с.26; 40, с.314; 224]. Представляется, что именно духовно-нравственные аспекты качества жизни помогут преодолеть усугубляемые тяжелыми арктическими условиями опасные состояния современного человека, такие как низкая стрессоустойчивость, все более проявляющаяся атомизация индивидов, виртуализация реальности, этический плюрализм, неопределенность будущего. Только в этом случае, убежден Дж. Руулз, создаются условия достойной жизни, когда получение образования, возможность мобильности и свободного выбора индивида обретают смысл [317, р.147].

Вместе с тем потенциалы здоровья и образования, творчества, нравственного поведения, безопасность индивида могут быть максимально реализованы, прежде всего, в комфортной среде его жизнедеятельности, созданной на основе современной высокотехнологичной инфраструктуры. Развитие научной мысли и практическая деятельность по созданию инфраструктуры арктических городов и поселков эволюционировали от понимания инфраструктуры как интегрального элемента производительных сил и основы материального производства (П.М. Полян, А.И. Трейвиш, И.В. Чернавский) до признания ее в качестве «организатора пространства» не только экономического, но и социального (С.Н. Котлярова, О.А. Петрина, М.Е. Стадолин) [182; 251; 118; 178]. Это связано с повышением требований к качеству инфраструктуры, «адресности» инфраструктурной обеспеченности региона, его городов и поселков.

Сегодня вопрос стоит не только о преодолении негативных тенденций – сокращение строительства жилых домов; нерациональное использование резервных территорий городов и поселков коммерческими фирмами; закрытие клубов, школ, детских учреждений, больниц; нарушение сроков строительства учреждений и организаций социальной сферы; ухудшение транс-

портного обслуживания населения; сокращение зеленых насаждений, мест отдыха. Актуальным становится создание именно комфортной среды жизнедеятельности жителей арктического региона, более того, среды, созданной на основе использования инновационных технологий, разрабатываемых в научной, творческой, технической и проектной сферах. Такой инновационно-стратегический подход предполагает рациональное сочетание инфраструктурного развития модульных производственных, социально-экономических, социально-экологических, социокультурных комплексов, а также природно-ландшафтных особенностей.

Развитие инфраструктуры региона и создание комфортной среды связаны и с такими важными компонентами человеческого потенциала, как социальное взаимодействие, социальная активность и доверие, в том числе к органам власти. В своем послании Федеральному Собранию В.В. Путин отмечал, что формирование комфортной среды может быть ресурсом в организации взаимодействия и повышения доверия населения к власти [83].

Такой подход подтверждает и мировая практика. Так, по мнению А. Этциони, А. Гилкриста, П. Ванина и др., развитие территорий не может быть реализовано без побуждения социальной активности жителей, создания институтов проактивной мобилизации [289; 291; 324]. Близкие идеи высказывали Е.Е. Горяченко, Е.Б. Мостовая, Н.Л. Мосиенко, подчеркивающие фактор влияния формируемой среды на эмоциональное переживание, самоидентификацию с ней субъекта, а также на развитие коммуникации между участниками социального взаимодействия [63; 153; 154].

Формированию социальной активности способствует и присущая территориальным сообществам Арктического региона готовность к взаимопомощи, солидарность, способность отстаивать интересы развития своих территорий. Участие представителей территориальных сообществ, общественных организаций может принимать различные формы: слушания, обсуждения, референдумы по принятию планов развития инфраструктуры и среды городов и поселков региона; создание общественных комиссий, осуществля-

ющих контроль реализуемых планов, эффективность реализации финансовых средств; участие в субботниках; привлечение представителей малого и среднего бизнеса к благоустройству.

Представляется, что для формирования проактивной мобильности и социальной активности человека, а также включения творческих способностей жителей, представителям местных научных сообществ, общественных организаций, органов региональной и муниципальной власти можно использовать воркшопы. В процессе их организации и проведения участники актуализируют традиции совместной деятельности, осмысливают собственный опыт участия в общественных делах, обсуждают проблемы и риски, дают оценки событиям, а также учреждениям, организациям и деятельности органов управления в пространственном и темпоральном контекстах. В результате происходит сбор данных для диагностики реальной ситуации и вовлечения участников в различные проекты развития своего города или поселка.

Определенную специфику имеет включение в общественное участие представителей коренных малочисленных народов Севера. При отчетливо выраженной идентичности представителей КМНС как жителей Севера, а только потом поселения, идентификация себя как социального сообщества дифференцирована, поскольку сохраняются выраженные признаки традиционной родовой (семейной) коллективности, которые предопределяют значимость персонифицированных отношений в ситуации взаимодействия с представителями власти, бизнеса, других социальных сообществ. Слабая проникаемость внутренних социальных границ родовых сообществ, необходимость поддержания родовой элитой статуса и развития внешних коммуникаций делает общественное участие коренных народов более формализованным – через создаваемые общественные организации и структуры с доминирующим национальным колоритом, этико-нормативным дискурсом и приоритетом функций социальной поддержки. Тем не менее, постепенно накапливаемый и реализуемый социальный потенциал периодически используется наиболее активными представителями КМНС, в том числе и для участия в акционных

формах: инициировании экологических акций, спортивно-массовых мероприятий.

Итак, социальная активность способна проявляться как через сетевые формы участия, слабо связанные с органами власти, нередко и слабо ориентированные на их поддержку, так и в случае мобилизации со стороны представителей органов управления, прежде всего муниципального, а также бизнес-сообщества. Обе эти формы могут успешно вовлекать наиболее активных жителей во взаимодействие, способствуя наработке и реализации их социального потенциала. Итогом такой деятельности будет достижение доверия – в межличностных и межгрупповых отношениях, к средствам массовой информации, представителям предпринимательской сферы, органам власти. Изменение радиуса доверия в качестве показателя развития человеческого потенциала отражает не только интенсивность социальных связей, но и способствует включенности субъектов взаимодействия в поиск новых смыслов, значений, форм и направлений социальной активности, общественного участия в развитии социального потенциала региона.

Вместе с тем требует глубокого осознания и признания тот факт, что сохранение, формирование, развитие и реализация человеческого потенциала как органической части социального потенциала Арктического региона возможно только при обеспечении его экологической безопасности. Сегодня на уровне государства признается стратегическая необходимость сохранения и защиты окружающей среды в Арктике, проведение политики, в том числе хозяйственно-экономической, максимально направленной на поддержку естественных экосистем [222].

Серьезные экологические проблемы современной Арктики уже переслали в глобальные и могут закончиться катастрофой. К ним, в соответствии с Программой ООН по окружающей среде, относят: во-первых, изменение климата и таяние арктических льдов; во-вторых, загрязнение вод северных морей стоками нефти и химическими соединениями, а также морским транспортом; в-третьих, сокращение популяции арктических животных и измене-

ние их среды обитания [100, с.54-55]. Министерством природных ресурсов и экологии РФ разработан специальный комплекс мер для устранения негативных экологических последствий антропогенного воздействия, предполагается создание единой государственной системы мониторинга ситуации в Арктическом регионе [262].

Отдельным аспектом, отражающим глубинные проблемы освоения и развития Арктического региона, стоит и вопрос жизнедеятельности коренных народов Севера в экологически благоприятной среде. Оценка экологического положения дает основания говорить об обострении противоречий между условиями жизнедеятельности КМНС, промышленным освоением Севера и задачами развития социального потенциала региона. Как отмечалось выше, органами управления и представителями социальных территориальных сообществ все более осознается, что поступательное движение российской Арктики, высокое качество жизни и здоровья населения, а значит и развитие социального потенциала возможно только при условии сохранения экосистем. И здесь особое значение приобретает опыт арктических народов, создавших уникальные взаимоадаптированные с экосистемами культуры жизнеобеспечения.

В целом представители коренных малочисленных народов Севера, считает А.В. Головнев, осознают угрозы, связанные с ресурсно-промышленным освоением Арктического региона, но и видят новые возможности, открывающиеся во взаимодействии с предприятиями ТЭК [59, с.151-152]. К основным проблемам коренные народы относят: риск утраты условий для номадизма из-за дефицита тундровых пастбищ, понимая, что их культура во многом сохраняется за счет оленеводческого хозяйства; загрязнение водоемов и сокращение рыбодобычи. Экологические потери дополняются трудностями трудоустройства коренного населения, даже тех специалистов, которые имеют среднеспециальное и высшее образование, безработица усугубляется неконтролируемой миграцией, прежде всего, из стран Средней Азии.

Особый статус коренных малочисленных народов Севера позволяет поддерживать их жизнедеятельность, но не всегда способствует развитию человеческого потенциала. Более того, простое компенсационное умножение выплат без должной обоснованности и проектной целесообразности лишь девальвирует их, принося вред получателям, формируя в среде КМНС иждивенчество и разрушая сложившиеся культурно-хозяйственные ценности коренного населения, основанные на самообеспечении и персональной ответственности за свою деятельность.

В сложившихся условиях и ресурсный, и человеческий потенциалы, входящие в структуру социального потенциала региона, приобретут оптимальную траекторию движения в условиях институциональных изменений. Отсутствие, как и неэффективные действия, институтов развития социального потенциала региона, в том числе государственного уровня, являются существенным ограничителем роста.

Стратегически выверенная государственная политика развития Арктического региона на основе понимания необходимости формирования и совершенствования социального потенциала в значительной мере обеспечивается институциональным взаимодействием органов власти, органов местного самоуправления, бизнес-структур, общественных организаций и социальных территориальных сообществ. Именно эффективные институты – правовые, политические, финансовые и др., в том числе неформальные, – способствуют устранению барьеров развития социального потенциала региона. По мнению В.В. Липова и Ю.Н. Шедько, институты, взаимодополняя друг друга, образуют организационные формы социального взаимодействия, направляя и ограничивая масштабы, виды деятельности на основе распорядительных, побудительных, морально-этических воздействий. Следовательно, главной задачей институционального взаимодействия является формирование механизма, призванного согласовывать интересы всех субъектов, участвующих в формировании и развитии социального потенциала региона [130; 256].

В то же время институциональный потенциал в Арктическом регионе характеризуется определенной спецификой: его размеры, сложные природно-климатические и географические условия, неравномерность развития включенных в его состав территориально-административных субъектов, специфика национального многообразия и социокультурных традиций населения, недостаточная развитость инфраструктуры, сохраняющаяся персонификация доверия – все это снижает плотность социально-экономического пространства и создает весьма неоднородную институциональную среду.

В дискурсе выделенных особенностей социальная роль правовых, политических и экономических институтов определяется стремлением создать общие нормы и правила поведения, в том числе через формирование институционального деперсонализированного доверия, что позволит принимать более взвешенные и рациональные решения, снижая различные риски в интересах развития социального потенциала региона в целом. Вместе с тем специфика институциональной среды Арктического региона нередко актуализирует значение локальных территориальных, отраслевых, групповых норм и правил, реализуемых преимущественно на основе личных связей субъектов взаимодействия. Иногда это приводит к повышению конкурентоспособности, получению привилегий за счет исключительного доступа к каким-либо ресурсам. Нельзя не признать, что указанные особенности в реальных условиях повышают гибкость институциональной среды и нередко положительно влияют на сохранение и развитие социального потенциала региона.

Надо отметить, что определенную неразвитость институционального потенциала Арктического региона государство корректирует, во-первых, через активную разработку арктической политики и ее нормативное оформление на основе последовательно принимаемых документов («Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»; «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до

2020 года»; государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» и др.); во-вторых, через создание специализированных формальных институтов (Государственная комиссия по развитию Арктики; Экспертный Совет по Арктике и Антарктике при Совете Федерации; Администрация Северного морского пути и др.); в-третьих, через разработку конкретных правительственные мероприятий (План мероприятий по реализации Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года; Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ; Комплексный проект развития Северного морского пути и др.). Все это, несомненно, способствует сохранению, развитию и оптимальному использованию социально-гого потенциала региона.

Вместе с тем анализ существующего положения дел в Арктическом регионе показывает, что ключевые проблемы решаются не только не достаточно эффективно, но и медленно. Безусловно, в качестве главного субъекта институциализации выступают федеральные и региональные органы власти, но для оптимизации сохранения и развития социального потенциала как важнейшего условия функционирования региона необходимо также активизировать развитие формальных и неформальных институтов, ориентированных на горизонтальные связи – от социального партнерства и групп по интересам до участия в решении отдельных социальных проблем. При этом ведущая роль государства сохраняется, но его силы как регулятора, катализатора и партнера взаимодействий направляются, в первую очередь, на создание благоприятной институциональной среды. Реализованные при таком подходе социальные функции управления позволяют повысить влияние территориальных сообществ на решение социальных проблем; обеспечить общественный контроль над принятием и реализацией управленческих решений, в том числе и непосредственно затрагивающих их жизнь; усилить удовлетворенность населения деятельностью органов власти и уровень доверия к ним; содействовать

личностному развитию участвующих, росту их социальной и гражданской компетентности и активности, а следовательно, и дальнейшему развитию человеческого потенциала.

В то же время, если давление государства на институциональную среду будет значительным, а неформальные сетевые связи слабыми, то институты из автономных могут стать преимущественно мобилизационными и ритуализированными, и любые усилия государства в данном направлении не приведут к положительному эффекту, если не будут задействованы, как подчеркивает П. Штомпка, «структурные возможности», то есть способность и готовность субъектов взаимодействия пользоваться структурными возможностями институциональных отношений [259]. Это, в свою очередь, предполагает наличие установок, мотивации к социальному взаимодействию, а также социальную компетентность заинтересованных субъектов – готовность брать на себя ответственность, организованность, способность к самоактуализации и т.п. Не случайно С. Верба подчеркивал, что в активном социальном взаимодействии участвует не более 5-10% социальной общности, т.е. социальная активность не должна непременно носить широкий характер, но быть адекватной текущей ситуации и сложившимся общественным отношениям [325, p.77-78].

Таким образом, институциализация взаимодействия реализуется через определенные нормы и распространение ценностей в системе неформальных отношений и закрепляется в едином социально-территориальном пространстве, создавая возможности достижения индивидуальных и общественных интересов, развивая социальный потенциал региона. В данном контексте особое значение для решения проблем сохранения и развития социального потенциала Арктического региона приобретает контролирующий механизм институциализированных отношений через общественную экспертизу, общественные советы, общественные организации. При этом важно учитывать, что институциализация взаимодействия, устойчивость связей зависят не только от роли в ней органов власти, но и от инициирующих данный процесс

индивидуов и групп, а также от сложившейся институциональной системы, социокультурных факторов, традиций.

Выявленные проблемы сохранения и факторы развития социального потенциала Арктического региона отражают его политические, социально-экономические, социокультурные и пространственные характеристики, анализ которых показал, что все структурные компоненты социального потенциала – ресурсный, человеческий и институциональный – формируются на разных уровнях общественных отношений (от уровня индивидов до общего-сударственной сферы) и имеют свою региональную специфику. Это предопределяет и основные направления деятельности органов власти всех уровней по управлению формированием, развитием и использованием социально-го потенциала в Арктическом регионе, такие как: разработка политики региона в сфере развития социального потенциала, соответствующей задачам и целям функционирования региона, способной преодолеть отмеченные выше проблемы сохранения и развития потенциала; обеспечение институциональных и организационных основ сотрудничества представителей всех сфер жизнедеятельности общества, заинтересованных в развитии социального по-тенциала, которые включают нормативное регулирование, стимулирование деятельности членов территориальных сообществ по сохранению и рацио-нальному использованию социального потенциала; создание необходимой технологической инфраструктуры, в том числе для формирования виртуаль-ных систем регулирования процесса развития социального потенциала реги-она, создания баз данных о его состоянии, обмена передовым опытом его со-хранения и накопления. Особенностью управления в Арктическом регионе является понимание того факта, что формирование, сохранение, развитие и использование социального потенциала в наибольшей мере достигается в со-трудничестве с частными и общественными организациями. Вместе с тем ор-ганы власти не утрачивают своей роли в управлении, являясь основным субъектом принятия решений и координации коллективных действий. Более того, органы власти приобретают функцию катализатора, когда, передавая

исполнительские роли некоммерческим организациям, оставляют за собой право контроля и выработки общего направления развития социального потенциала. Это не только обеспечивает гибкость управленческой структуры, но и формирует конкурентную среду за счет преодоления государственной монополии на многие виды услуг населению, позволяя ориентироваться в процессе развития социального потенциала не на бюрократические правила, а на конкретные цели в интересах индивидов, социальных сообществ, региона и страны в целом.

Следовательно, формирование и использование социального потенциала осуществляется под воздействием совокупности факторов, способствует преобразованию Арктического региона, определяя новые подходы и формы устранения существующих проблем и противоречий при сохраняющейся в условиях неравномерности развития российской Арктики роли государства как инициатора и организатора процесса развития социального потенциала. Вместе с тем нельзя не учитывать тот факт, что проблемы и факторы формирования, сохранения, развития и использования социального потенциала имеют свои особенности и на уровне субъектов, входящих в состав Арктического региона. Вторая глава диссертации и будет посвящена анализу этих особенностей на примере Ямало-Ненецкого автономного округа.

2. Социологический анализ управления социальным потенциалом в Арктическом регионе (на примере ЯНАО)

2.1. Современное состояние социального потенциала Ямalo-Ненецкого автономного округа

Результативность управления формированием, развитием и использованием социального потенциала региона определяется: во-первых, рациональным потреблением его ресурсного потенциала, направленным на инновационные социально-экономические достижения, привлечение инвестиций, создание ценностей, благ, услуг, способных удовлетворять личные и общественные потребности, обеспечивая жизнедеятельность индивидов и социальных групп; во-вторых, способностью сохранять и развивать человеческий потенциал, выраженной не только в демографических показателях, но и в качестве жизни членов территориального сообщества; в третьих, становлением и развитием субъект-субъектного взаимодействия представителей формальных и неформальных институтов, прежде всего, соотносящих свою деятельность с целевыми, инновационными, экономическими, социальными достижениями региона. В связи с этим в данном разделе диссертационного исследования представлены основные параметры состояния социального потенциала региона через оценку его важнейших структурных элементов – ресурсного, человеческого и институционального потенциалов.

Характеризуя ресурсный потенциал региона, следует отметить, что занимая десятую часть Арктической зоны России, Ямalo-Ненецкий автономный округ вносит существенный вклад в развитие экономики страны, в формирование и поддержание ее энергетической безопасности. Несмотря на то, что интенсивное освоение природных ресурсов округа началось только с конца 60-х годов XX века, сегодня регион является одним из самых экономически развитых в России. Добыча газа на севере округа и переработка нефти на юге, развитые магистральные сети их транспортировки дают возможность

ЯНАО развиваться и привлекать в этот суровый северный край людей, а в его городских округах – Салехарде, Новом Уренгое, Ноябрьске, Надыме, Муравленко, Лабытнанги и муниципальных районах (см. приложение 2) – создавать развитую инфраструктуру и комфортную среду для их проживания.

По величине валового регионального продукта России ЯНАО входит в десятку ведущих регионов, причем темпы его роста возрастают: так, если в 2015 г. ЯНАО был на 8-м месте по уровню валового регионального продукта, то в 2018 г. его рейтинг поднялся до 5-ого места в РФ (см. приложение 3).

Таким образом, можно утверждать, что уровень экономического развития ЯНАО имеет высокую активность, которая, согласно прогнозу социально-экономического развития региона на 2019-2021 гг., будет иметь тенденцию к стремительному росту и, соответственно, в 2019 году будет составлять 3 125,2 млрд. рублей, в 2020 г. – 3 366,4 млрд. рублей, в 2021 г. – 3 608,8 млрд. рублей [193].

Высокий уровень экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа обеспечивается такими факторами, как рост добычи полезных ископаемых, транспортировки и хранения углеводородов, высокий уровень строительных работ, быстрый оборот оптовой и розничной торговли, интенсификация административной деятельности.

В приложении 4 представлена отраслевая структура валовой добавленной стоимости ЯНАО в сравнении с общими показателями по РФ, анализ которой позволяет утверждать, что в среднесрочной перспективе регион будет обеспечивать 4/5 части от всего объема добываемого в России топлива, сохраняя лидерские позиции по добыче природного газа и нефти [193].

Как уже отмечалось, ЯНАО является округом, вся территория которого относится к районам Крайнего Севера. Тем не менее, регион является достаточно привлекательным для развития бизнеса и притока инвестиций. Это подтверждается результатами Национального рейтинга, согласно которому ЯНАО в 2016 г. вошел во вторую группу, получив статус субъекта Россий-

ской Федерации с комфорными условиями для бизнеса, заняв при этом 18 место в Национальном рейтинге [187].

Согласно Инвестиционной стратегии Ямalo-Ненецкого автономного округа, до 2020 г. объем инвестиций в регион будет постоянно расти, что, безусловно, позволит обеспечить как рост экономических показателей, так и улучшение социального климата, а также высокий уровень и качество жизни населения. Соответственно, и социальный потенциал ЯНАО будет развиваться с учетом перспектив региона, обеспечивая, в свою очередь, рост его показателей.

В настоящее время на Ямале реализуются 30 приоритетных инвестиционных проектов, сумма которых составляет более 2,8 трлн. рублей (см. приложение 5). Это стало возможным благодаря расширению инвестиционных границ через развитие канала прямой связи инвесторов с органами государственной власти округа; предоставлению организациям-инвесторам прав на применение налоговых льгот и пониженных ставок по налогам, зачисляемым в бюджет округа; поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства, а также иным мероприятиям, обеспечивающим значительный объем инвестиций в регион, что, в свою очередь, позволит создать прочную основу для устойчивого социального и экономического развития региона, поддержания и развития его социального потенциала.

Таким образом, Ямalo-Ненецкий автономный округ – это регион, имеющий существенные перспективы для дальнейшего экономического развития, что непосредственно будет отражаться на социальной сфере округа, уровне и качестве жизни его жителей.

Сопоставление основных макроэкономических показателей экономического развития ЯНАО с ведущими регионами России (см. табл. 2.1) показывает, что по объему инвестиций в основной капитал Ямalo-Ненецкий автономный округ занимает 3-е место, по объему промышленного производства – 7-е, а по объему валового регионального продукта – 9-е место.

Таблица 2.1

Макроэкономические показатели экономического развития
некоторых субъектов РФ, 2015-2018 гг. *[192]

№ п/п	По объему ВРП	По объему промышленного производства	По объему инвестиций в основной капитал
1	г. Москва	г. Москва	г. Москва
2	г. Санкт-Петербург	Ханты-Мансийский авто- номный округ - Югра	Ханты-Мансийский авто- номный округ - Югра
3	Московская область	г. Санкт-Петербург	Ямало-Ненецкий авто- номный округ
4	Ханты-Мансийский ав- тономный округ - Югра	Московская область	Московская область
5	Краснодарский край	Республика Татарстан	Краснодарский край
6	Свердловская область	Свердловская область	Республика Татарстан
7	Республика Татарстан	Ямало-Ненецкий автоном- ный округ	г. Санкт-Петербург
8	Красноярский край	Красноярский край	Свердловская область
9	Ямало-Ненецкий авто- номный округ	Самарская область	Республика Башкортостан
10	Республика Башкортостан	Республика Башкортостан	Самарская область

Также необходимо отметить, что доля ЯНАО в общем объёме инвестиций в основной капитал Арктических территорий России составляет более 66%, так как из всех арктических проектов в стране приоритетными являются именно ямальские, среди которых завод «Ямал СПГ», порт Сабетта и Северный широтный ход – часть проекта «Энергия Арктики».

Все вышеперечисленное свидетельствует о позитивной динамике ресурсного потенциала арктического региона.

Этот вывод подтверждает анализ бюджетной и налоговой политики автономного округа, который свидетельствует о стабильном росте доходов консолидированного бюджета (таблица 2.2).

Так, в структуре доходов консолидированного бюджета ЯНАО на собственные доходы в 2017 г. приходилось 89% всех поступлений (в 2016 г. – 88%, в 2015 г. – 87%).

Таблица 2.2

**Анализ доходов консолидированного и окружного бюджетов ЯНАО
и налоговой нагрузки в 2015-2017 гг.**

№ п/п	Показатель	2015 год	2016 год	2017 год
Консолидированный бюджет автономного округа				
1	Налоговые доходы, млрд рублей	124,20	144,19	175,46
2	Неналоговые доходы, млрд рублей	9,51	7,86	5,25
3	Безвозмездные поступления, млрд рублей	3,94	3,10	3,64
4	Итого доходы, млрд рублей	137,65	155,15	184,3
5	Налоговая нагрузка, в % к ВРП	6,9	7,3	7,1
Окружной бюджет				
1	Налоговые доходы, млрд рублей	109,29	127,58	157,55
2	Неналоговые доходы, млрд рублей	2,25	2,34	1,73
3	Безвозмездные поступления, млрд рублей	3,71	2,71	2,90
4	Итого доходы, млрд рублей	115,25	132,63	162,18
5	Налоговая нагрузка, в % к ВРП	6,1	6,5	6,4

Сокращалась и налоговая нагрузка, например, в 2017 г. – на 0,7%, что составило 7,1% от валового регионального продукта.

Социально-экономическое развитие автономного округа, а следовательно, и развитие социального потенциала требует и увеличения расходной части окружного бюджета. Так, в 2018 г. его доходы увеличились на 50,38 млн рублей, или на 31%, причем около 80% расходов консолидированного бюджета ежегодно направляется на социально значимые программы (см. рис 2.1).

Можно утверждать, что бюджет Ямalo-Ненецкого автономного округа является социально-ориентированным, так как его затраты на развитие региональной экономики, ЖКХ и образования занимают значительную долю всех расходов.

Это свидетельствует о том, что Правительство ЯНАО заинтересовано в поддержании и развитии социально значимых сфер – образования, культуры, здравоохранения, социальной политики, физической культуры, спорта и жилищного строительства. Ежегодные расходы на реализацию данных программ составляют около 49% от общего числа.

Следующим базовым структурным элементом социального потенциала является человеческий потенциал. Основу человеческого потенциала региона составляют демографические показатели и их динамика.

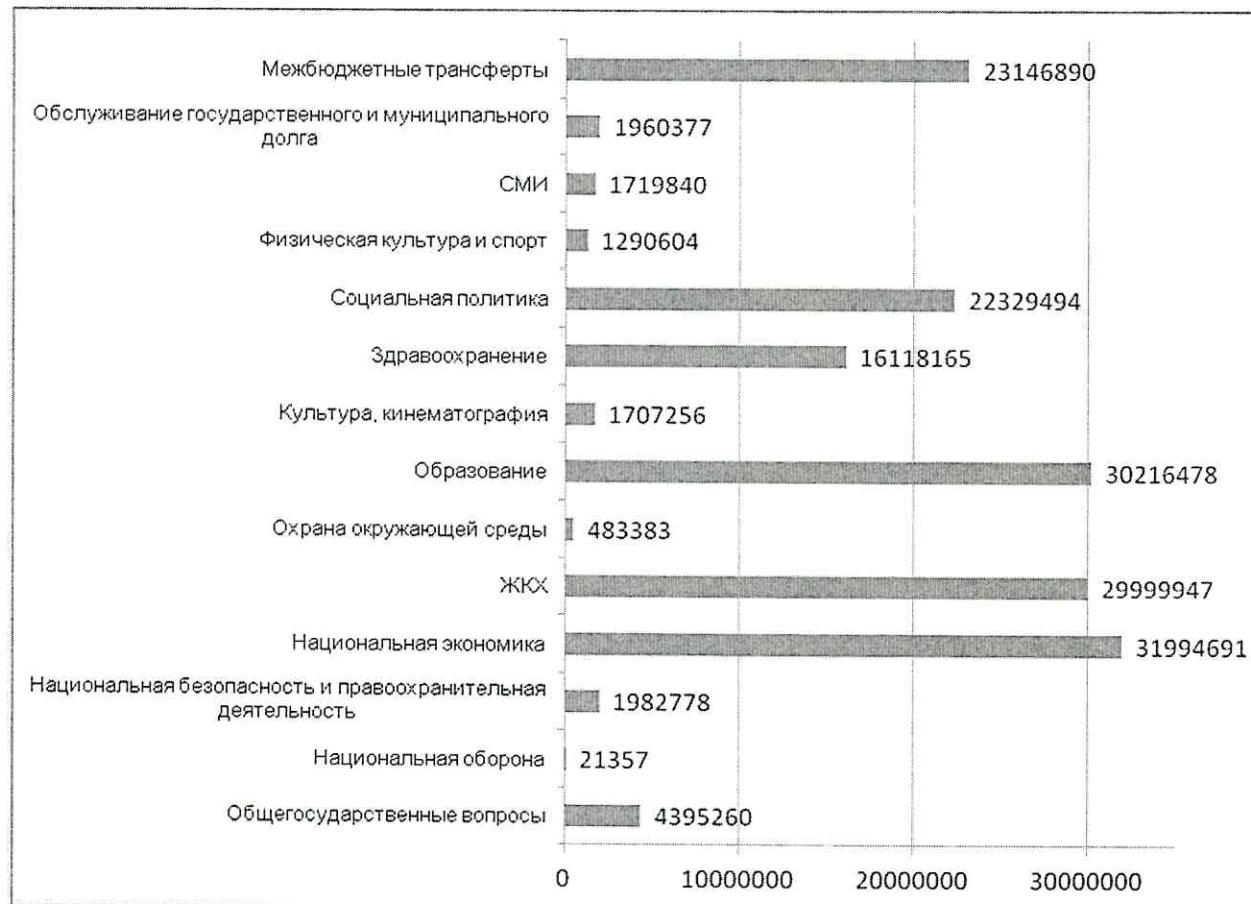

Рисунок 2.1. Распределение бюджетных ассигнований по разделам расходов окружного бюджета на 2018 г., тыс. рублей

Согласно данным Федеральной службы статистики демографическая ситуация в ЯНАО характеризуется значительным снижением численности населения вследствие его массового оттока из региона (см. приложение 6).

Результаты проведенного анализа показывают, что численность населения округа сократилась на 1438 человек за последние четыре года (таблица 2.3).

Естественный прирост населения, являясь основой его воспроизводства, за период с 2015 по 2017 гг. уменьшился на 1175 человек, или 19,3%. Следует отметить превалирование прироста городского населения над сель-

ским, численность женщин, проживающих на Ямале, превышают численность мужчин.

В 2018 г. естественный прирост населения в Ямalo-Ненецком автономном округе составил 4 688 человек, что на 4,9% ниже показателя естественного прироста за 2017 год. В 2018 г. из числа родившихся детей в семье 32,7 % составляют первые дети; 36,3% – вторые; 19,9% – третьяи; 11,1% – четвертые и последующие.

Таблица 2.3

Демографические показатели ЯНАО на 2015-2018 гг. [96]

Показатели	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год
Численность населения, чел.	539 985	534 104	536 049	538 547
Естественный прирост, чел.	6091	5436	4916	4688
Из них:				
- городское население;	4914	4376	3869	*
- сельское население	1177	1060	1047	
Число прибывших, чел.	2785	2292	2268	2257
Число выбывших, чел.	47807	39774	37581	37787
Коэффициент естественного прироста населения за год, (на 1000 человек населения), %	11,3	10,2	9,1	8,7

*данные на момент исследования отсутствовали.

Ежегодно сокращается и численность прибывших в Ямalo-Ненецкий автономный округ. Основное количество мигрантов прибывает из государств СНГ, из них больше всего мигрантов из Украины (в 2018 г. из 329 чел. прибывших мигрантов – 110 человек из Украины).

Среди основных причин, побуждающих мигрантов приезжать в этот климатически суровый регион, личные и семейные обстоятельства, а также поиск работы. Для большинства трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья именно трудовая деятельность является основополагающим мотивом.

Численность выбытия населения превалирует над прибытием. Так, доля выбывших в 2017 г. составляет 7% от общей численности населения. Миграционная убыль по итогам 2018 г. составила 1 735 человек.

Согласно статистике, из региона уезжают в основном трудоспособные граждане среднего возраста (в 2016 г. – 71,2% от общего числа выбывших). На рисунке 2.2 представлены показатели миграции населения в 2016-2017 гг.

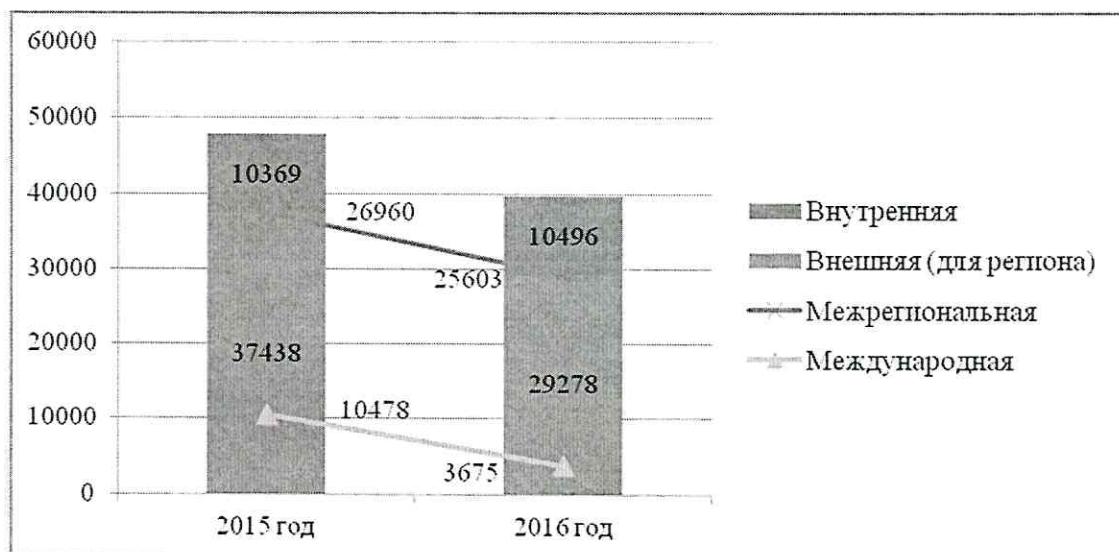

Рисунок 2.2. Миграция населения ЯНАО
в 2016-2017 гг., человек

Среди основных причин – неоднородность социально-экономических условий проживания, уровня и качества жизни населения округа, сложность климатических условий.

Данная тенденция прогнозируется и в будущем, так, численность выбывшего населения в 2019 г. составит 539,4 тыс. человек, а к 2021 году она достигнет 540,1 тыс. человек. При этом число выехавших будет включать в себя не только пенсионеров, для которых в округе разработана и реализуется программа переселения, но и лиц трудоспособного возраста [193].

Вместе с тем анализ возрастного состава (рисунок 2.3) показал, что, несмотря на постепенное снижение количества человек трудоспособного возраста, их доля остается преобладающей в общей численности населения автономного округа.

Важно подчеркнуть, что снижение трудоспособности вызвано в округе в том числе и высокой смертностью жителей трудоспособного возраста национальных посёлков и тундрового населения (несчастные случаи, алкого-

лизация, возрастание суицидальных проявлений, а также проблемы с транспортом быстрого реагирования). И этот факт очень значим, так как в ямальских селах и посёлках проживает в основном коренное население (ненцы, ханты, коми-зыряне, селькупы), традиционно имеющее большие семьи (семья с 4-мя детьми считается малодетной), ведущие в основном кочевой образ жизни.

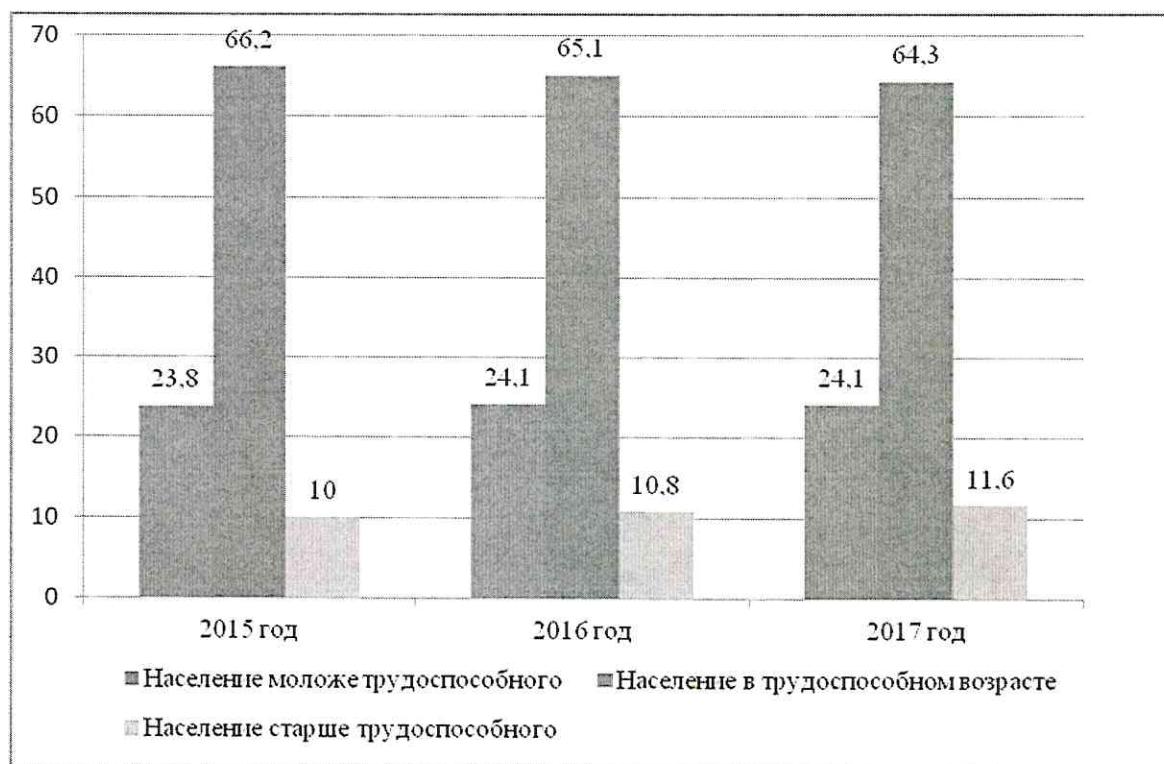

Рисунок 2.3. Возрастной состав населения ЯНАО,
% от общей численности

Кроме того, сокращение численности сельского населения в округе (за исследуемый период 2015-2017 гг. на 17,7%) происходит как вследствие высокой младенческой смертности, так и в результате значительного оттока молодежи репродуктивного возраста в города.

В то же время, согласно предварительному прогнозу социально-экономического развития ЯНАО на 2019-2024 гг., численность населения трудоспособного возраста с 2021 г. будет ежегодно увеличиваться, и к 2024 году достигнет 353,3 тыс. человек. Достижение данного показателя имеет

важные последствия, поскольку он во многом определяет возможности социально-экономического развития округа [190].

Таким образом, для формирования человеческого потенциала необходимо улучшить демографическую ситуацию в Арктическом регионе с учетом сохранения количественного-качественного состава населения, а также создания условий для сохранения и развития аборигенного социума и др.

Не менее значимыми критериями развития человеческого потенциала являются занятость и уровень жизни населения.

Ситуация на рынке труда ЯНАО формировалась под влиянием процессов, происходящих в социально-экономической, трудовой и финансовой сферах. Численность рабочей силы в возрасте 15-72 лет в 2018 г. составила 314,9 тыс. человек, что больше на 1,9 тыс. от показателя 2017 г. (313 тыс. человек).

Ямало-Ненецкий автономный округ по уровню занятости является лидером по России (см. таблицу 2.4.). Превалирование мужской занятости имеет объективный характер, так как обусловлено спецификой производственной деятельности, где востребован в большей степени мужской труд.

Таблица 2.4

Уровень занятости населения в возрасте 15-72 лет по полу и виду поселения в 2017 г., % [201]

	Все население	Из них:		Из них	
		Мужчины	Женщины	Городское население	Сельское население
Российская Федерация	65,5	71,5	60,1	67,4	59,7
Тюменская область, в том числе:	68,5	74,4	63,0	69,9	62,6
ХМАО - Югра	71,5	76,5	66,8	72,1	64,6
ЯНАО	74,2	78,4	70,2	75,2	69,0
Тюменская область без автономных округов	62,9	70,4	56,0	63,9	60,9

Для округа закономерностью является и то, что занятость городского населения выше сельского. В то же время необходимо подчеркнуть, что сельское население в основном задействовано в традиционных для Арктического региона видах деятельности, характерных для коренных малочисленных народов Севера: оленеводстве, рыболовстве, охоте.

Анализ возрастных характеристик занятого населения ЯНАО показал, что в его составе преобладает население в трудоспособном возрасте 30-49 лет (см. таблицу 2.5). В наибольшей степени именно их совокупность знаний и квалификации подтверждает способность представителей власти и бизнеса округа к сохранению и рациональному использованию человеческого потенциала.

Таблица 2.5
Состав занятого населения в возрасте 15-72 лет по возрастным группам
в 2017 г., в % к итогу [201]

	Занятые - всего	в том числе в возрасте, лет						Средний возраст, лет
		15-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-72	
Российская Федерация	100	0,5	20,1	28,1	24,1	21,7	5,3	40,8
Тюменская область, в том числе:	100	0,4	20,1	31,1	25,4	20,7	2,3	39,8
ХМАО - Югра	100	0,4	18,8	30,8	25,8	21,9	2,3	40,2
ЯНАО	100	0,2	17,2	31,9	27,9	21,2	1,7	40,2
Тюменская область без автономных округов	100	0,6	23,1	31,2	23,8	18,8	2,5	39,0

Средний возраст занятого населения в округе – 40,2 года, что совпадает со средним возрастом как по Тюменской области, так и по России в целом (см. таблицу 2.6). Тем не менее, при формировании демографической политики округа необходимо учитывать проблему старения, которая является достаточно серьезной и для Ямала, и для страны в целом, оказывая существенную нагрузку на трудоспособное население.

Так, согласно прогнозам ООН, к 2050 г. около 22% населения Земли станут пенсионерами, при этом в развитых странах на каждого работающего

будет приходиться по пенсионеру, а в России к этому времени доля населения старше 60 лет будет составлять около 37,2%.

Таблица 2.6

Состав занятого населения в возрасте 15-72 лет по уровню образования
в 2017 г., в % к итогу [201]

Заня- ные — все- го	выс- шее	среднее профес- сиональ- ное - всего	в том числе имеют образование				сред- нее об- щее	основ- ное об- щее	не имеют основ- ного обще- го			
			из него		по про- граммам подготов- ки специ- алистов среднего звена	по про- граммам подготов- ки квали- фициро- ванных рабочих и служащих						
			по про- граммам подготов- ки специ- алистов среднего звена	по про- граммам подготов- ки квали- фициро- ванных рабочих и служащих								
Российская Федерация	100	34,2	25,7	36,6	19,2	17,4	3,3	0,2				
Тюменская область, в том числе:	100	36,5	27,1	33,2	18,9	14,3	2,9	0,1				
ХМАО - Югра	100	38,3	24,4	33,8	15,4	18,4	3,5	0,0				
ЯНАО	100	42,0	26,9	30,4	18,7	11,7	0,7	0,1				
Тюменская область без автономных округов	100	31,8	30,8	33,8	23,7	10,1	3,3	0,3				

Анализ состава занятого населения по уровню образования показал превалирование специалистов с высшим образованием (42%) и со средне-профессиональным (26,9%), что в первую очередь обусловлено структурой производства, где в высокотехнологичных отраслях востребованы специалисты, имеющие необходимые для этого знания и опыт.

Результаты анализа распределения численности занятых по видам экономической деятельности (см. приложение 7) показали, что наибольшее число мужчин занято в отраслях нефтегазового комплекса (24,4 %) и в сфере транспорта (44,4 %). Женщины преимущественно работают в сферах образования (21,5 %), здравоохранения и оказания социальных услуг (13,3 %).

будет приходиться по пенсионеру, а в России к этому времени доля населения старше 60 лет будет составлять около 37,2%.

Таблица 2.6

Состав занятого населения в возрасте 15-72 лет по уровню образования
в 2017 г., в % к итогу [201]

	Заня- нья- тие — все- го	в том числе имеют образование						
		выс- шее	среднее профес- сиональ- ное - всего	из него		сред- нее об- щее	основ- нов- ное об- щее	
				по про- граммам подготов- ки специ- алистов среднего звена	по про- граммам подготов- ки квали- фициро- ванных рабочих и служащих			
Российская Федерация	100	34,2	25,7	36,6	19,2	17,4	3,3	0,2
Тюменская область, в том числе:	100	36,5	27,1	33,2	18,9	14,3	2,9	0,1
ХМАО - Югра	100	38,3	24,4	33,8	15,4	18,4	3,5	0,0
ЯНАО	100	42,0	26,9	30,4	18,7	11,7	0,7	0,1
Тюменская область без автономных округов	100	31,8	30,8	33,8	23,7	10,1	3,3	0,3

Анализ состава занятого населения по уровню образования показал превалирование специалистов с высшим образованием (42%) и со средне-профессиональным (26,9%), что в первую очередь обусловлено структурой производства, где в высокотехнологичных отраслях востребованы специалисты, имеющие необходимые для этого знания и опыт.

Результаты анализа распределения численности занятых по видам экономической деятельности (см. приложение 7) показали, что наибольшее число мужчин занято в отраслях нефтегазового комплекса (24,4 %) и в сфере транспорта (44,4 %). Женщины преимущественно работают в сферах образования (21,5 %), здравоохранения и оказания социальных услуг (13,3 %).

Уровень безработицы в ЯНАО за последние 5 лет имел тенденцию к снижению и в 2018 г. составлял 2,1 % (в 2017 г. – 3,2 %). Коэффициент напряженности на рынке труда также снижался. Данные факты свидетельствуют о положительных тенденциях на рынке труда Ямало-Ненецкого автономного округа, характеризующихся уменьшением численности безработного населения, созданием востребованных рабочих мест, сформировавшейся благоприятной обстановкой для развития трудовой активности граждан.

Из числа обратившихся в 2018 г. за содействием в трудоустройстве 54,2% составляют граждане, не занятые трудовой деятельностью. В сравнении с 2017 г. структура граждан, ищущих работу, существенно не изменилась. Так за исследуемый период в число безработных в основном входят высвобожденные работники, уволенные в связи с ликвидацией предприятия, либо сокращением численности или штата (8,2%), выпускники образовательных организаций (4,7%) и инвалиды (4,6%) (рисунок 2.4).

Численность безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости населения автономного округа, на 31 декабря 2018 г. составила 1 805 человек, что на 258 человек меньше, чем в 2017 г. (2 063 человека).

Рисунок 2.4. Категории граждан, обратившихся
в органы службы занятости ЯНАО, %

В составе безработных граждан численность женщин составляет 981 человек, или 54,3%, молодежи 16-29 лет – 466 человек, или 25,8%, граждан, проживающих в сельской местности – 443 человека, или 24,5%, граждан, стремящихся возобновить трудовую деятельность после длительного (более года) перерыва – 525 человек, или 29,1%, граждан, впервые ищущих работу (ранее не работавшие) – 203 человека, или 11,2 %, граждан предпенсионного возраста – 131 человек, или 7,3 %, инвалидов – 126 человек, или 7,0 %, детей-сирот – 33 человека, или 1,8 %.

По профессионально-квалификационному составу среди безработных граждан 37,0% имеют низкий уровень образования, в том числе:

- лица, имеющие среднее общее образование – 17,8%;
- лица, имеющие основное общее образование – 18,9%;
- лица, не имеющие основного общего образования – 0,3%.

Удельный вес безработных граждан, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, составляет соответственно 30,4% и 32,7%.

Уровень регистрируемой безработицы с начала 2018 г. снизился на 0,06 процентных пунктов и составил 0,58% от численности экономически активного населения (на 31 декабря 2017 г. – 0,64%).

В то же время, потребность в работниках, заявленная работодателями в органы службы занятости населения округа в 2018 г., составила 51 828 единиц. По состоянию на 31 декабря 2018 г. в региональном банке вакантных рабочих мест зарегистрирована 10 161 вакансия, из них 65,4% – по рабочим профессиям.

Наиболее востребованными на рынке труда являются: водители автомобиля, профессии (специальности) строительной отрасли (электрогазосварщик, монтажник, инженер, маляр, электромонтер, производитель работ (прораб), облицовщик-плиточник и другие), врачи различной специализации, медицинские работники среднего и младшего звена, учителя и др. (см. приложение 7).

Дефицит рабочих кадров по видам экономической деятельности отмечается в строительстве (34,9%), транспортировке и хранении (8,8%), добыче полезных ископаемых (8,5%), здравоохранении (6,1%), торговле (5,6%) и образовании (5,5%) (рисунок 2.5).

Рисунок 2.5. Спрос на рынке труда ЯНАО, %

Таким образом, ситуация на рынке труда в ЯНАО является стабильной. Уровень экономической активности (76,4%) и занятости населения (74,9%) опережает значение показателей по Российской Федерации и Уральскому федеральному округу.

Одной из самых важных социальных категорий для развития человеческого потенциала, а следовательно, и социального потенциала региона, являются показатели качества жизни населения, характеризующие составляющие человеческих потребностей и возможности их удовлетворения (материальные, духовные и социальные). В свою очередь, наиболее важным показателем качества жизни выступает уровень доходов населения, основным ин-

струментом измерения которого является баланс денежных доходов и расходов населения (рисунок 2.6).

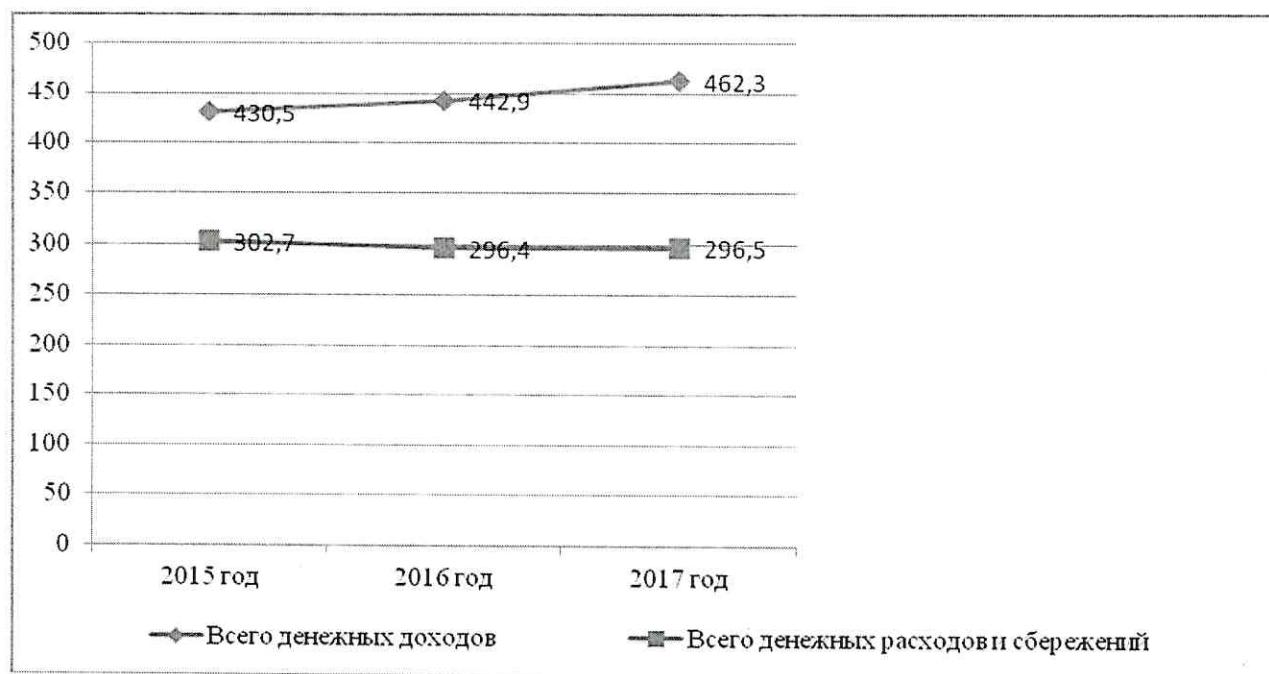

Рисунок 2.6. Баланс денежных доходов и расходов населения, млрд рублей

Можно констатировать, что с 2015 г. уровень денежных доходов населения ЯНАО постепенно увеличивается. В то же время наблюдается снижение уровня денежных расходов, свидетельствующее о падении покупательской способности населения при среднегодовом росте цен на товары народного потребления.

В структуре доходов населения значительную долю занимает оплата труда наемных работников, социальные выплаты и доходы от предпринимательской деятельности (приложение 8).

Согласно данным Федеральной службы статистики, в 2018 г. по уровню среднемесячной номинальной начисленной заработной платы Уральский федеральный округ, куда входит и ЯНАО, находился на 2-м месте по России (см. рис. 2.7.).

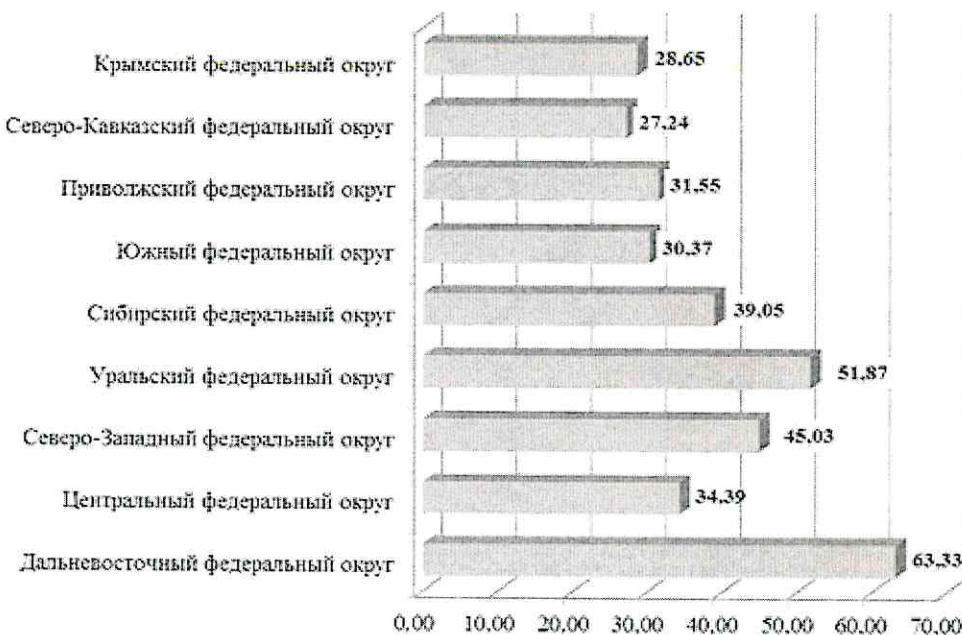

Рисунок 2.7. Номинальная заработная плата в федеральных округах РФ
в 2018 году, тыс. рублей

Наибольший уровень оплаты труда наблюдается в сферах добычи полезных ископаемых, их транспортировки и хранения, нефте- газопереработки, финансовой и страховой деятельности. Наименьший уровень заработной платы характерен для сельского и лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства, оптовой и розничной торговли, деятельности гостиниц и предприятий общественного питания (приложение 10).

В бюджетном секторе экономики среднемесячная заработная плата работников постепенно увеличивается (приложение 11). Однако значительный рост уровня оплаты труда в 2018 г. обусловлен, прежде всего, реализацией Указов Президента РФ, в связи с чем все целевые показатели повышения заработной платы отдельным категориям работников бюджетной сферы были достигнуты.

Реальные денежные доходы также имеют тенденцию к росту. Так, в 2017 г. они составили 101,4% при 96,3% и 98,4% в 2016 и 2015 гг. соответственно. Это свидетельствует о постепенном, хотя и незначительном улуч-

шении уровня жизни населения ЯНАО, а также небольшом повышении благосостояния и покупательной способности.

Вместе с тем структура расходов отражает преобладание доли покупки продуктов питания над оплатой услуг (таблица 2.7).

Таблица 2.7

Затраты населения на покупку товаров и оплату услуг
в 2015-2017 гг., млрд. рублей

№ п/п	Виды затрат	2015 год	2016 год	2017 год
1	Покупка товаров и оплата услуг, всего	190,6	184,3	196,1
2	Покупка товаров	144,8	135,3	140,3
3	Оплата услуг, в том числе:	38,7	41,2	45,7
	оплата жилищных, коммунальных услуг и услуг гостиниц	10,8	12,7	13,0
	оплата бытовых услуг	1,8	2,0	2,0
	оплата услуг системы образования	1,6	1,6	1,6
	расходы на путевки в санатории, дома отдыха, туризм и медицинские услуги	2,3	2,6	2,6
	расходы на кино, театры и другие зрелища	0,6	0,6	0,6
	оплата транспортных услуг	12,0	12,4	16,5
	оплата услуг связи	8,6	8,2	8,0
	прочие услуги	1,0	1,1	1,3
3	Оплата товаров и услуг с использованием банковских карт за рубежом	7,0	7,8	10,0

Затраты на продукты питания в среднем составляют 31,9%, на приобретение непродовольственных товаров в среднем расходуется 36,3%, составляя значительную часть, что свидетельствует о низком уровне благосостояния населения региона, что требует значительного внимания со стороны органов власти и местного самоуправления в направлении создания условий для улучшения данного положения. Кроме того, эти результаты свидетельствуют и о высоком уровне инфляции и снижении реальных доходов населения.

Особенно негативно такие результаты выглядят на фоне экономически развитых стран, где расходы на приобретение продуктов питания составляют 8,7 % (в Великобритании – около 10,0 %, в Нидерландах – 10,6 %, менее 12 %

расходуют жители Ирландии, Финляндии, Австрии, Норвегии и Швейцарии). А если учесть, что население Ямало-Ненецкого округа живет в экстремальных природно-климатических условиях, и от его трудовой и социальной активности во многом зависит как развитие экономики, так и национальная безопасность России, то данное положение дел можно считать существенным недостатком управленческой деятельности федеральных и окружных органов власти.

Распределение населения по величине среднедушевых доходов позволяет определить долю людей, находящихся за чертой бедности. Согласно статистическим данным, в 2018 г. в Ямало-Ненецком автономном округе 1,7 % населения имели недостаточно денежных средств для обеспечения минимальных потребностей. Среди малоимущих граждан 0,5 % безработных, 21,9 % экономически неактивного населения. При этом в сельских поселениях значительно большее число малоимущего населения по сравнению с городами, так в 2018 г. в сельских поселениях количество малоимущих составило 57,3%, в городах - 42,7 %, что связано, в первую очередь, с ограничением возможности трудоустройства и самореализации в индивидуальной трудовой деятельности.

В РФ в качестве стандарта допустимого минимального дохода принята величина прожиточного минимума, представляющая собой стоимостную оценку потребительской корзины и обязательных платежей и сборов (см. приложение 12). В I квартале 2018 г. прожиточный минимум для детей составлял 15908 руб., для трудоспособного населения – 16680 руб., в IV квартале 2018 г. эта сумма уже составляла 15328 руб. и 16260 руб. соответственно. Подобное уменьшение искусственно сокращает численность людей, которые живут за чертой бедности, при этом у органов регионального управления появляется возможность перераспределения выплат и предоставления социальных льгот за счет экономии бюджетных средств на эти цели.

В связи с вышесказанным важно оценить неравенство в распределении общего объема денежных доходов населения. Такую оценку можно получить

с помощью индекса концентрации доходов (коэффициент Джинни) (см. рис.2.8).

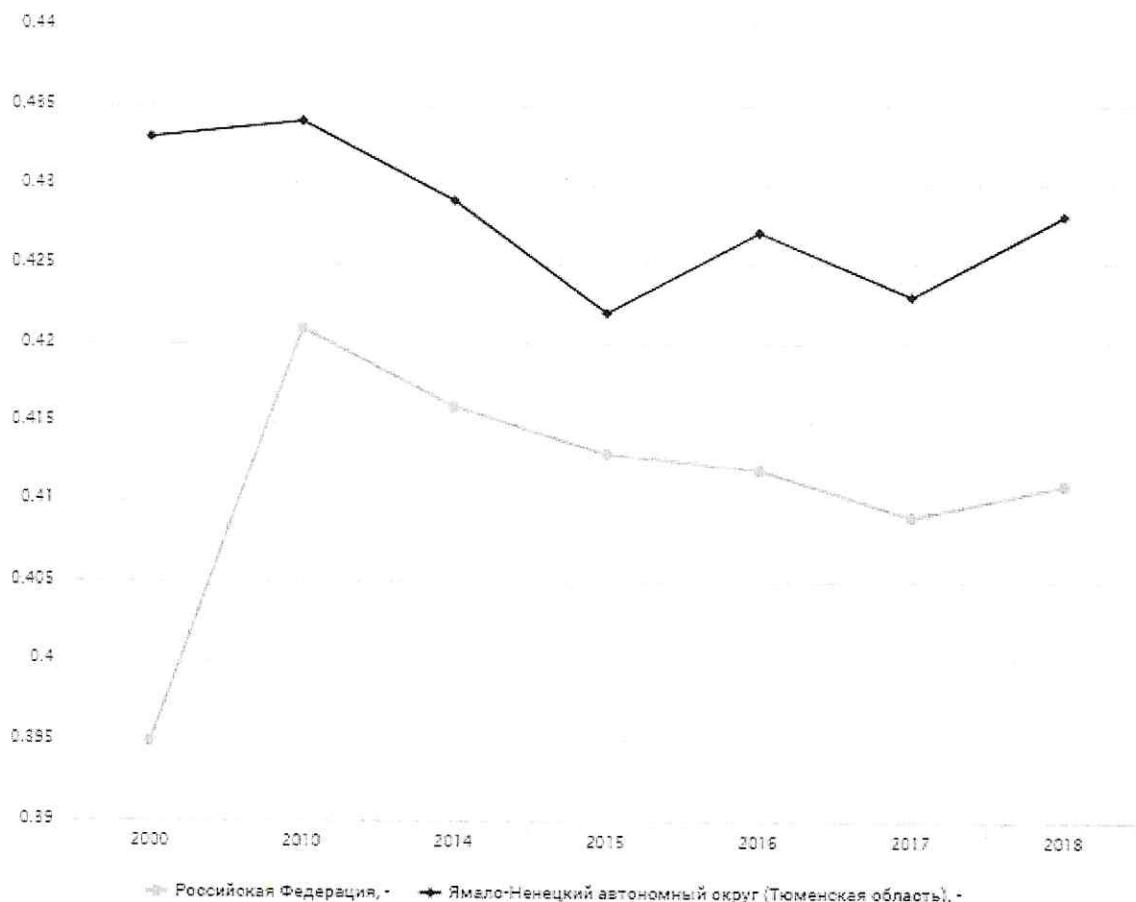

Рисунок 2.8. Коэффициент Джинни (индекс концентрации доходов),% [96]

Если значение индекса «0» соответствует абсолютному равенству, а значение «1» – абсолютному неравенству, то, оценивая степень неравенства в распределении доходов населения ЯНАО, можно констатировать ее возрастание, указывающее на значительное расслоение общества. Кроме того, этот показатель значительно выше, чем в целом по Российской Федерации.

Повышение внимания к проблемам неравенства связано с пониманием того, что процесс расслоения общества негативно влияет на развитие и рациональное использование социального потенциала региона. Обеднение значительной части населения ведет к деградации человеческого потенциала, прежде всего в сельской местности и в малых городах округа. Определенную

роль в решении обозначенной проблемы играет повышение качества образования как подрастающего поколения, так и непрерывного образования и переобучения старших возрастных групп.

Следовательно, качество образования является важным критерием формирования и развития человеческого потенциала. Сфера образования на территории ЯНАО представлена детскими дошкольными учреждениями (174 ед.), общеобразовательными школами (131 ед.), образовательными школами-интернатами (3 ед.), центрами дополнительного образования (39 ед.) и образовательными учреждениями среднего профессионального образования (8 ед.).

Кроме того, на Ямале реализовывает образовательную деятельность и 61 организация дополнительного образования детей в сфере физкультуры и спорта, культуры и молодежной политики.

Уровень охвата услугами дошкольного образования составляет 75,9 % в 2018 г. при 75,2 % в 2017 г., что свидетельствует об их перегруженности. Данную ситуацию планируют изменить только к 2020 г. путем ввода в эксплуатацию 31 детского сада на условиях муниципально-частного партнерства. Учитывая прогнозируемый в ближайшие годы рост рождаемости, проблема нехватки детских дошкольных учреждений может стать весьма острой для властных структур.

В рамках школьного образования в автономном округе в 2018 г. обучалось около 70 тыс. школьников, при увеличении их количества на 1 тыс. человек по сравнению с 2017 г. Число обучающихся, приходящихся на 1 педагога в дневных государственных (муниципальных) общеобразовательных учреждениях региона, составляет 11,13 человек, в дневных негосударственных школах, лицеях и гимназиях – 9,35 человек.

В образовательных организациях округа постоянно осуществляется работа по содействию социальной интеграции и развитию детей с ограниченными возможностями здоровья, а также проводится работа и с одаренными детьми, направленная на развитие талантов, исследовательскую деятельность.

ность, подготовку к олимпиадам, конференциям, конкурсам, соревнованиям. Кроме того, ведется большая работа с детьми, стоящими на учете в комиссии по делам несовершеннолетних, в том числе по защите их прав.

В ЯНАО более 82% детей (с учетом сферы культуры, молодежной политики, физической культуры и спорта) охвачены дополнительным образованием. Округ является лидером среди субъектов РФ в данном направлении, по темпам роста опережая, таким образом, установленные федеральные ориентиры.

Необходимо отметить и позитивную динамику охвата инженерно-техническим творчеством: в 2018 г. в 436 объединениях технической направленности занимались более 10 760 обучающихся. Это способствует ориентации молодежи на получение профессионального образования технического профиля. Так, по состоянию на 1 октября 2019 г. в ЯНАО функционировало 14 образовательных организаций высшего образования (10 государственных, 4 негосударственных) с общей численностью студентов 92 490 человек.

Таким образом, система образования округа включает разнопрофильные организации и создает доступные условия для успешной социализации и эффективной самореализации детей и молодежи, ориентированной на инновационную и социально-направленную деятельность, способствующую развитию и использованию человеческого потенциала Арктического региона.

Сохранность человеческого потенциала как социальной характеристики общества, как накопленного запаса физического и нравственного здоровья, во многом обусловлена состоянием системы здравоохранения в регионе.

В ходе проведенного анализа выявлено, что основными проблемами в сфере медицинского обслуживания в ЯНАО являются, прежде всего, транспортная недоступность медицинских учреждений и нехватка узких специалистов. Кроме того, в медицинских учреждениях округа не в полном объеме используется приобретенное дорогостоящее высокотехнологичное оборудование из-за недостаточной квалификацией медицинского персонала.

В 2018 г. мощность действующих амбулаторно-поликлинических учреждений составляла 13,2 тыс. посещений в смену, а стационарных отделений – 4607 коек.

Стационарная помощь сельскому населению предоставляется в центральных районных больницах и 14 участковых больницах (численность кочевого фонда – 1033), а также в 12 врачебных амбулаториях. В силу территориальной и природно-климатической специфики ЯНАО жителям отдаленных поселков и тундровому населению медицинскую помощь оказывают медицинские работники 5-и передвижных медицинских отрядов и 4-х отделений санитарной авиации, радиус обслуживания которых составляет до 570 км.

В системе здравоохранения округа работает 15 467 человек, в том числе 2 449 врачей, 71 провизор, 6 827 специалистов со средним профессиональным медицинским образованием, 36 фармацевтов; врачей клинических специальностей в 2018 году было 1 623 человека.

Однако укомплектованность медицинским персоналом ежегодно уменьшается. Так, например, численность среднего медперсонала уменьшилась за 2017-2018 гг. на 2,2 %, нехватка в 2018 г. составила 8,4 %. Укомплектованность врачами амбулаторной и стационарной службы также недостаточна, в 2018 г. врачи амбулаторно-поликлинической службы составили 87 %; врачи стационарной службы – 86,8%;

Таким образом, устойчивое развитие системы здравоохранения ЯНАО предусматривает привлечение в округ медицинских кадров, узких специалистов, врачей общей практики в целях улучшения развития медицинской помощи и обеспеченности населения медицинским персоналом, а также стимулирование их деятельности.

Усиленная пропаганда здорового образа жизни, а также профилактика факторов риска заболеваний, качественная диагностика, лечение и реабилитация будут способствовать поддержанию качества жизни населения округа, а следовательно, создавать благоприятные условия для дальнейшего эффективного развития человеческого потенциала.

Результаты проведенного анализа показывают усложнение процесса формирования социального потенциала региона, появление новых требований и ограничений к использованию его ресурсных возможностей, развитию человеческого потенциала как сложного, внутренне дифференциированного явления. Это предопределяет рост значения институционального структурного компонента социального потенциала. Именно институты и механизмы обратной связи способны обеспечить более эффективное регулирование процесса формирования, развития и использования социального потенциала региона. В предыдущей главе уже отмечалась доминантная роль государственных, региональных и местных институтов регулирования социально-экономических процессов в Арктическом регионе в силу его специфики. Социологическое исследование, результаты которого представлены далее, позволило выявить достаточно высокий уровень доверия населения прежде всего к местным и региональным органам власти, основой которого является ответственность и соучастие. В то же время результативность деятельности властных институтов не может быть достигнута без функционирования комплементарных институтов предпринимательства, конкуренции, а также без взаимодействия с формальными и неформальными объединениями, существующими в данном территориальном социальном сообществе. Именно их взаимодействие поддерживает институциональный баланс, кроме того, суровые условия Арктического региона, необходимость не только бережного, но и рационального отношения как к хрупкой северной природе, так и к человеку, усиливает значение комплементарных институтов.

За последние десятилетия в ЯНАО, несмотря на трудности и противоречия, развивается среднее и мелкое предпринимательство, способствующее диверсификации добывающей экономики региона и развитию ее инновационной составляющей. Так, наряду с мегапроектами (проект Северного широтного хода, модернизация и увеличение объемов транспортировки по Северному морскому пути на основе создания сети портов, эксплуатация законсервированных месторождения с целью создания производства минеральных

удобрений и их транспортировка в Китай, Индию, Японию и др.) большое внимание уделяется организации средних и малых производств на основе использования продукции Новоуренгойского газохимического комбината в рамках бизнес-инкубатора и технопарка г. Новый Уренгой, созданию пилотной ветро-дизельной электростанции для изолированных населенных пунктов, и многому другому. Сложности развития малого предпринимательства обусловили необходимость мер поддержки со стороны органов региональной власти, прежде всего структур, работающих с представителями малого и среднего бизнеса, таких как «Гарантийный фонд поддержки малого предпринимательства Ямало-Ненецкого автономного округа», «Фонд финансовой поддержки субъектов малого предпринимательства Ямало-Ненецкого автономного округа», «Центра инноваций социальной сферы Ямало-Ненецкого автономного округа» и др. Кроме того, инициируются и поддерживаются различного рода конкурсы и бизнес-проекты, например, проект «Своё дело», «Время действовать», «Мой бизнес» и др. [95].

Вместе с тем обращает на себя внимание проблема сохранения патернализма и социального инфантилизма в отношениях доминантных формальных институтов, в первую очередь органов власти и крупного бизнеса, и комплементарных институтов, в том числе неформальных. Можно предположить, что ее преодоление в значительной мере связано с развитием территориального социального сообщества. В округе предпринимается ряд мер в данном направлении – расширяется взаимодействие представителей органов управления и жителей городов и поселков через проведение публичных слушаний, опросов по значимым для населения вопросам, встреч и собраний с представителями административных структур, обращения граждан в органы местного самоуправления. Все это формирует благоприятную среду для развития институтов гражданского общества широкого спектра: ветеранских, культурно-национальных, религиозных, молодежных, женских организаций и объединений, в том числе коренных малочисленных народов Севера.

Ведущим институтом гражданского общества является Общественная палата ЯНАО, которая выступает в качестве дискуссионной площадки представителей гражданского общества и органов управления, обеспечивая интересы населения округа. Развитию партнерских взаимоотношений органов управления и институтов гражданского общества способствуют более 200 общественных, наблюдательных и консультативных советов, создаваемых при региональных и муниципальных органах власти (Совет представителей КМНС, Совет по развитию малого и среднего предпринимательства, Молодежные советы и др.), вовлечение жителей в решение вопросов развития их городов и поселков, в том числе через средства массовой информации «Северный ветер», «Полярный круг», официальные сайты администрации. Активно реализуется начатый в 2017 г. проект «Живем на Севере», позволяющий жителям округа участвовать в онлайн-опросах (платформа «Решай») и выдвигать свои предложения и идеи (платформа «Предлагай»), что расширяет спектр взаимодействия, усиливает обратную связь. В рамках данного проекта только за 2018 г. было опубликовано около 800 обсуждений, более 3 000 идей, за которые получено свыше 1 000 000 голосов жителей Ямала.

Как показал анализ, в условиях повсеместного распространения сети Интернет существенно меняется коммуникационная среда, позволяющая представителям органов власти и формальных и неформальных объединений территориального сообщества взаимодействовать при помощи новых технологий связи, а сами СМИ утратили роль уникального посредника между населением и властью. При этом увеличение скорости коммуникации, возможность охвата и сегментации целевой аудитории, ее способность перейти от массивного наблюдения к созданию собственного информационного продукта, позволили жителям самостоятельно организовывать общественные события – пикеты, демонстрации, акции поддержки, что облегчило создание и функционирование формальных и неформальных институтов гражданского общества. Так, в 2018 году по данным Министерства Юстиции Российской Федерации, на территории ЯНАО зарегистрировано 877 общественных объ-

единений. Они не только используют для реализации своих идей «круглые столы», конференции, конкурсы, акции, гражданские форумы, «горячие линии», но и расширяют спектр образовательных и социальных услуг, особенно в тех сферах, где не работают государственные структуры и частный бизнес. Следует отметить, что в округе созданы благоприятные условия для развития и поддержки общественных организаций и объединений, содействие им со стороны региональных и муниципальных органов власти реализующих меры финансовой, информационной и методической подготовки осуществляется постоянно и системно [165].

Результаты анализа позволяют констатировать, что в условиях Арктического региона институциональная составляющая социального потенциала приобретает особую значимость. Опираясь на современные информационные технологии, формальные и неформальные институты повышают уровень открытости процессов управления и эффективности решения задач в области формирования, развития и использования социального потенциала региона.

Таким образом, важнейшим условием поступательного движения Ямало-Ненецкого автономного округа, а значит и Арктического региона в целом, является преумножение его социального потенциала. Анализ современного состояния социального потенциала региона показал, что все выделенные в диссертационном исследовании его структурные компоненты – ресурсный, человеческий и институциональный – находятся на достаточно высоком уровне развития, однако имеющиеся противоречия и недостатки требуют своевременного и эффективного регулирования государственных, региональных и местных органов власти. При этом управление формированием, развитием и использованием социального потенциала зависит от создаваемой инфраструктуры обеспечения данного процесса, включая, помимо ресурсообеспечения, человеческие и институциональные компоненты. В этом смысле основная задача региональных и муниципальных органов власти – вырабатывать все базовые решения в ходе общественного обсуждения с обязательным вовлечением широкого круга представителей бизнеса, науки и обра-

зования, гражданских объединений. Также очевидно, что процесс развития социального потенциала должен соответствовать внешней среде, в которой он протекает, в том числе новым условиям сетевого общества, экономики знаний и социально-политической ситуации, т.е. знание и коммуникация становятся в этих условиях ключевыми ресурсами развития, обеспечивая инновационную составляющую и определяя конкурентные преимущества Арктического региона.

2.2. Социальный и человеческий потенциал в Арктике (по результатам социологического исследования)

Разнообразие компонентов социального потенциала, новые тенденции в их изменении, возросшая актуальность формирования, развития и использования социального потенциала Арктического региона, рассмотренные ранее в диссертационном исследовании, обусловили особую значимость социологического исследования, посвященного базовым аспектам жизнедеятельности человека на территориях Арктической зоны Российской Федерации.

В Ямalo-Ненецком автономном округе, как одном из наиболее перспективных в Арктическом регионе, коллективом социологов ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет» с участием автора данного диссертационного исследования в 2016-2018 гг. были проведены социологические исследования, целью которых являлось выявление основных проблемных точек развития социального потенциала данного региона.

В исследовании приняло участие 588 человек, что соответствует генеральной совокупности. Из числа опрошенных 42,8 % – это постоянно проживающие в ЯНАО, еще 2,7% – представители коренных малочисленных народов Севера, выделенные отдельной социальной группой. Остальные 54,5% респондентов – это люди, менее трех лет назад переехавшие в ЯНАО, и люди, работающие на территории региона вахтовым методом.

Классификация социальных групп по времени их пребывания в условиях Крайнего Севера наиболее полно отвечает целям диссертационного исследования, так как позволяет объективно оценить желание людей жить и работать в экстремальных условиях Арктики, и, тем самым, более полно раскрыть человеческий и социальный потенциалы развития Арктического региона.

В предыдущей главе диссертации определено, что социальный потенциал региона включает в себя базовые структурные элементы – ресурсный, человеческий и институциональный потенциалы. В данном социологическом исследовании основное внимание направлено на человеческий потенциал, так как именно его развитие в большей степени дает возможность повышения эффективности использования социального потенциала округа.

Цель проведенного социологического опроса жителей ЯНАО раскрывается в следующих задачах:

1. Выявление с точки зрения респондентов наиболее остро стоящих на территории региона проблем.
2. Самооценка респондентами уровня своего материального благосостояния.
3. Привлекательность для населения Ямала тех или иных сфер занятости.
4. Оценка респондентами современного состояния запасов сырьевых ресурсов на территории региона и уровня загрязненности среды обитания, а также их предпочтения при выборе традиционных для Севера продуктов питания.
5. Самооценка опрошенного населения своего здоровья, оценка ими уровня медицинского обслуживания в Ямalo-Ненецком автономном круге, а также выявление тех условий, которые являются наиболее важными для сохранения человеческого потенциала на приемлемом для его воспроизведения и развития уровне.

6. Выявление степени доверия населения Ямала к властным структурам и различным общественным организациям и социальным институтам.

7. Оценка удовлетворенности населения региона элементами социальной инфраструктуры.

8. Определение респондентами понятия «жизненный успех» и их мнение относительно будущего детей.

В исследовании приняли участие 35,6% мужчин и 64,4% женщин. Возрастная структура респондентов показана на рисунке 2.9.

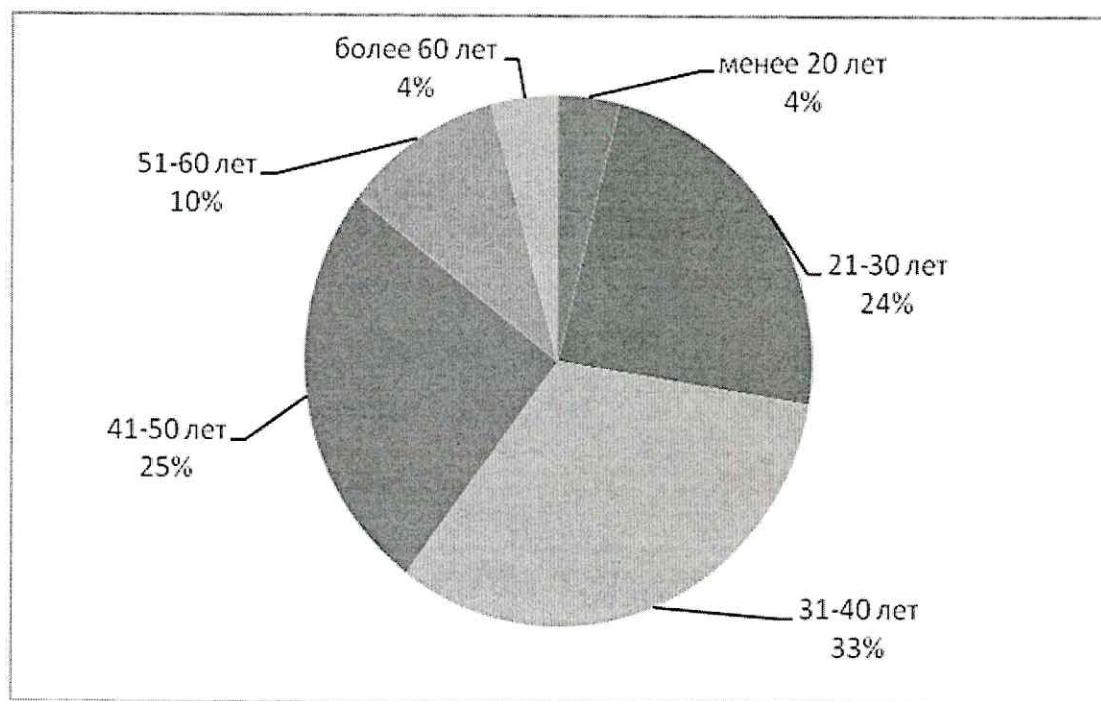

Рисунок 2.9. Возрастной состав респондентов
(в % к числу опрошенных)

Таким образом, большинство респондентов, принявших участие в социологическом опросе, находится в трудоспособном возрасте.

Структура опрошенных жителей по их брачному статусу распределена практически одинаково – 59,5% опрошенных состоят в браке, остальные холосты или не замужем.

Образовательный уровень респондентов представлен на рисунке 2.10

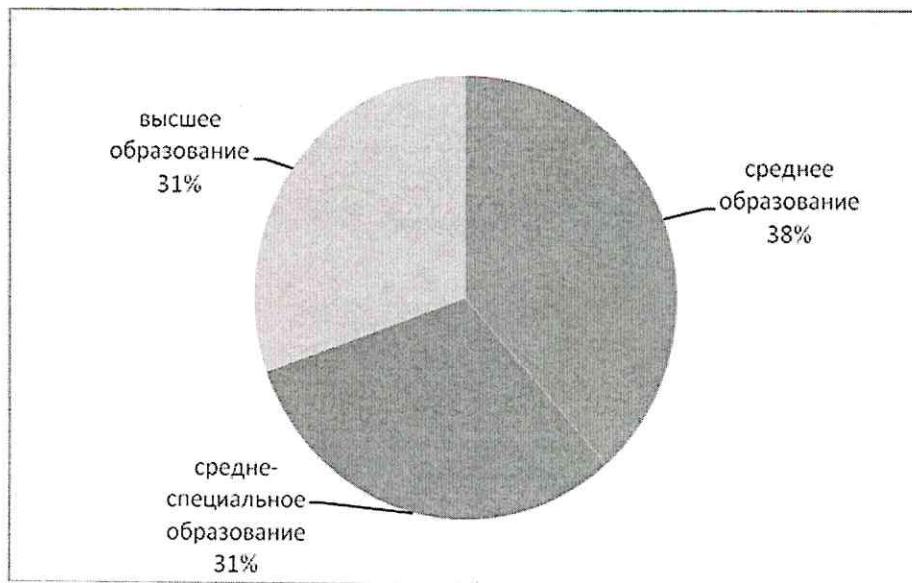

Рисунок 2.10. Образовательный статус респондентов
(в % к числу опрошенных)

Как видно из рисунка 2.10, образовательный уровень жителей ЯНАО, принявших участие в анкетировании, не достаточно высокий, более половины из них имеют среднее и средне-специальное образование. Видимо, это связано с тем, что профессиональная деятельность для основного состава работников на объектах нефтяной и газовой промышленности (прежде всего, персонала, работающего вахтовым методом) не предполагает наличия высшего образования как обязательного условия трудоустройства.

Далее был определен состав респондентов согласно их занятости (см. рис. 2.11). Основное количество опрошенных занято в нефтегазовой отрасли (28,6%), еще 18,4 % трудится в сфере обслуживания, 13,3% являются безработными, 10,9% опрошенных являются индивидуальными предпринимателями или ведут частный бизнес в иных организационно-правовых формах, 4,1% опрошенных заняты традиционным промыслом.

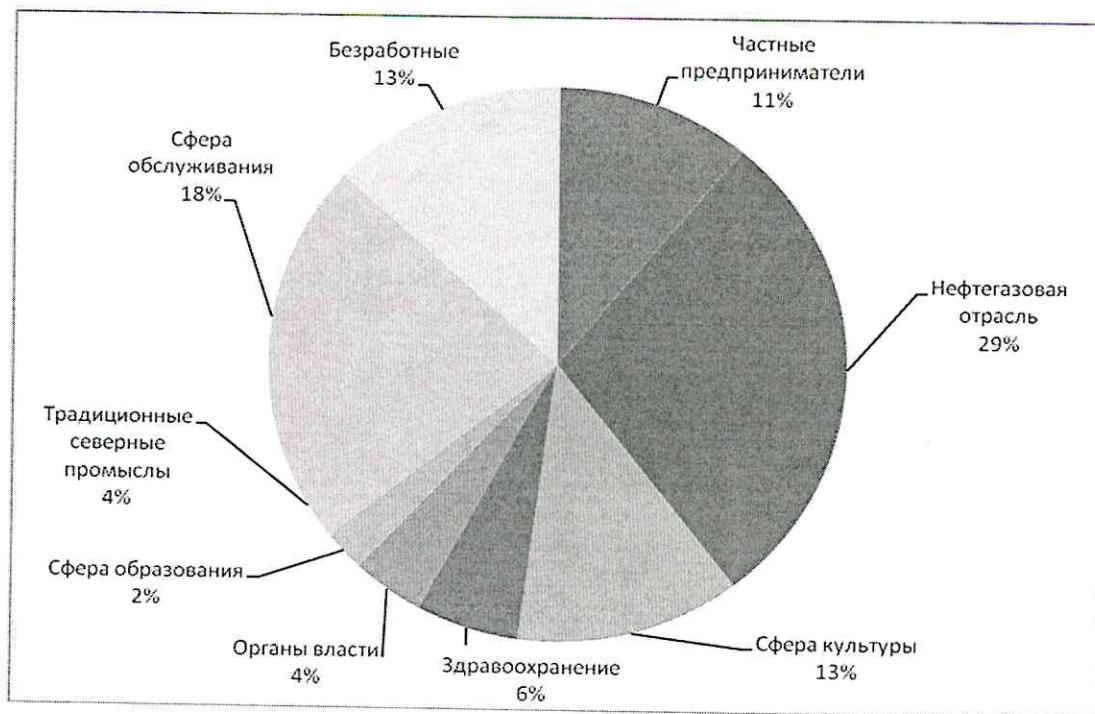

Рисунок 2.11. Сфера занятости респондентов
(в % к числу опрошенных)

В процессе анализа результатов оценки респондентами своего материального положения (рис. 2.12) было выявлено, что только 7,7% из них считают себя материально обеспеченными людьми.

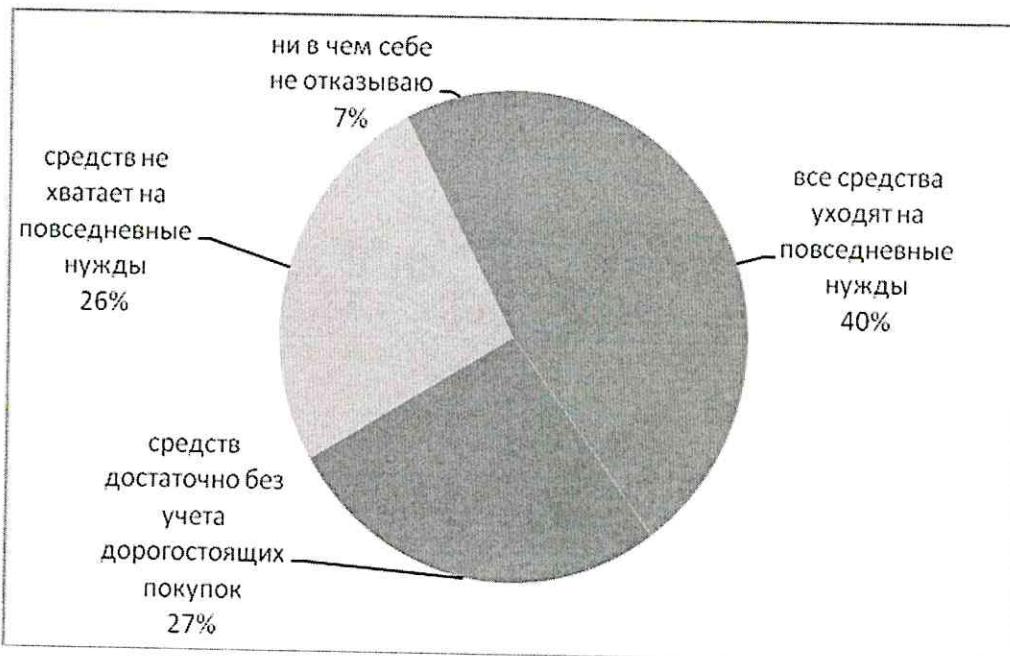

Рисунок 2.12. Оценка респондентами своего материального положения
(в % к числу опрошенных)

Около 40% опрошенных утверждают, что их доходов хватает только на повседневные нужды, а еще 25,8% отмечают, что еле сводят концы с концами. Данные результаты согласуются с тем, что среди первоочередных проблем жители ЯНАО назвали увеличение расходов при одновременном снижении доходов. И если мнение респондентов о структуре расходов коррелирует со статистическими данными, представленными в предыдущем параграфе, то число относимых себя к малоимущим значительно превышает официальные данные – 25,8% против 1,7 % тех, кто находится за чертой бедности.

Материальное положение респондентов в зависимости от их социально-статусных характеристик показано в приложении 13.

Считает себя наиболее обеспеченными только незначительная часть опрошенных, входящих в социальную категорию постоянно проживающих в регионе жителей, в основном мужчин, работающих в нефтегазовой отрасли и имеющих высшее образование. Такой результат имеет объективный характер, так как работа в нефтегазовой отрасли согласно статистическим данным, проанализированным в предыдущем параграфе диссертационного исследования, является высокооплачиваемой в отличие от других сфер занятости.

Среди респондентов, указавших на то, что уровень их доходов позволяет еле сводить концы с концами, преобладают люди, приехавшие на Север недавно, в силу объективных причин либо еще не трудоустроенные, либо занятые не престижным трудом, так как большинство из них имеют лишь среднее образование, и их ожидания высоких «северных» заработков не оправдываются в полной мере.

Важно было выявить и оценку своего материального положения представителями коренных малочисленных народов севера. Так, в основном представители КМНС считают, что они достаточно обеспечены, хотя и не могут позволить себе крупных покупок. Видимо, это связано не столько с

высоким уровнем их доходов, сколько с их непрятательностью и укладом жизни, который приучил их довольствоваться минимумом.

Вахтовый персонал, приезжающий работать в Арктику на временной основе, в своем большинстве отмечают достаточно высокий уровень материального положения, хотя и не могут себе позволить купить дорогостоящие товары, такие как автомобиль престижной марки, квартиру и т.п. Около 40% из них отмечают, что доходов хватает только на необходимые нужды, т.е. на покупку продуктов питания, оплату счетов и потребительских товаров повседневного спроса.

Женщины, имеющие семью, более пессимистичны в оценке своего материального положения, чем мужчины, очевидно, это связано с тем, что на их плечи ложится распределение расходов из семейного бюджета.

Анализируя материальное положение жителей ЯНАО, принявших участие в социологическом опросе, в зависимости от сферы их деятельности, можно отметить, что высокообеспеченными себя считают, прежде всего, работники нефтегазовой отрасли и сферы обслуживания. С другой стороны, среди тех, кто относит себя к низкообеспеченным категориям, больше всего частных предпринимателей и безработных. Видимо, люди, относящиеся к представителям малого и среднего бизнеса, и по большому счету являющиеся социальным потенциалом региона, рассчитывали на более высокие доходы от своей деятельности, и тут субъективно присутствует доля разочарованности, либо все свои свободные средства они вкладывают в развитие бизнеса, и, действительно, денег на удовлетворение повседневных потребностей остается не так много.

Работники сфер культуры и образования, в большинстве своем, оценивают свой уровень материального положения как средний, т.е. их доходов хватает на повседневную жизнь

Таким образом, результаты оценки респондентами своего материального положения свидетельствуют о недостаточно высоком его уровне, что в совокупности с тяжелыми условиями жизнедеятельности и дорогими продуктами

тами питания усложняет возможность укрепления здоровья, получения образования, а значит снижает развитие человеческого потенциала, поэтому проблема денежных доходов некоторых категорий населения должна стать предметом пристального внимания органов управления округом. Безусловно, в ЯНАО, как отмечалось выше, действуют различные социальные программы поддержки малообеспеченных социальных групп, но, видимо, это не полностью закрывает насущные проблемы малообеспеченных жителей округа. Такие выводы полностью подтверждают проведенный ранее анализ формирования и развития человеческого потенциала в Ямalo-Ненецком автономном округе.

Одним из способов улучшения материального положения жителей региона может стать смена сферы трудовой деятельности. Поэтому важно было узнать, какая отрасль, по мнению респондентов, является для этого наиболее привлекательной (рисунок 2.13).

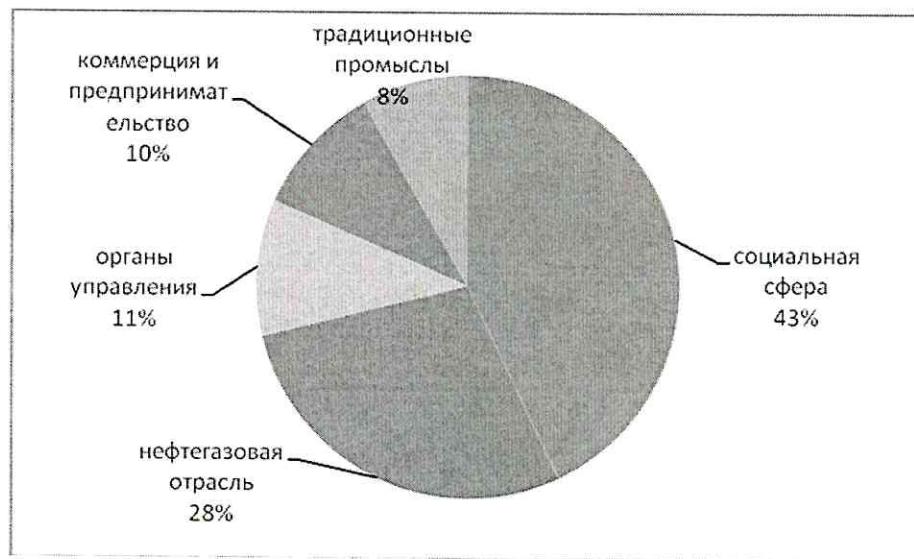

Рисунок 2.13. Привлекательность сфер занятости
(в % к числу опрошенных)

Около половины жителей округа в качестве привлекательного вида деятельности назвали социальную сферу. К ней, по мнению опрошенных, относятся сферы обслуживания и торговли, культуры и образования, а также здравоохранения.

На втором месте по привлекательности стоит нефтегазовая промышленность. Практически равномерно по уровню привлекательности распределилось мнение тех, кто хотел бы развивать свой бизнес, стать индивидуальным предпринимателем, и теми, кто хотел бы поступить на гражданскую службу и/или работать в органах законодательной или исполнительной власти региона.

В зависимости от социально-статусных характеристик мнение жителей ЯНАО, принявших участие в социологическом исследовании, распределилось следующим образом (приложение 14).

Так, желание работать в социальной сфере высказывает около половины респондентов, недавно связавших свою жизнь с Арктикой. На втором месте по привлекательности для них являются нефтегазовые компании.

Для опрошенных, давно живущих на Севере, привлекательность социальной сферы и нефтегазовой промышленности в качестве желаемого трудоустройства практически равнозначна. Так считает 15,1% и 12,6% соответственно из 13,2% постоянно живущих в ЯНАО людей, принявших участие в опросе.

Рассматривая пол респондентов, можно отметить, что женщины традиционно хотели бы трудиться в социальной сфере, а мужчины выбирают нефтегазовую отрасль, но, тем не менее, предпочтение ими отдается и социальной сфере.

Возрастные рамки, семейный статус и уровень образования опрошенных мало влияют на их выбор предпочтительной сферы занятости. Это, прежде всего, нефтегазовая отрасль, что неудивительно, так как именно она является образующей сферой занятости арктического региона, а также социальная сфера и органы регионального управления. Представляется, что привлекательность именно этих сфер трудоустройства, по мнению респондентов, связана с их надеждой на создание условий для роста материального достатка, а также то, что они являются наиболее стабильными с точки зрения сохранения рабочих мест.

Сфера деятельности респондентов показала лишь незначительные отличия в их оценке привлекательности тех или иных направлений трудоустройства. Так, около 30% работающих в нефтегазовой отрасли не видят необходимости в смене работы, примерно 40% хотели бы при возможности сменить нефтегазовое предприятие на учреждение социальной сферы, еще 20% мечтают заняться частным бизнесом или стать государственными служащими.

А вот больше половины работников социальной сферы считают именно эту сферу деятельности наиболее привлекательной, и менять они ничего не планируют. Однако около 30% из них, при возможности, стали бы государственными служащими, еще около 10% открыли бы свое дело.

Таким образом, значительных отклонений между привлекательностью тех сфер деятельности, где трудятся респонденты, и других сфер трудоустройства результаты социологического исследования не показали. В основном жители Ямало-Ненецкого автономного округа довольны своим текущим местом работы и не предполагают ее менять, что позволяет считать ситуацию с занятостью в данном регионе стабильной с точки зрения сохранения рабочих мест.

Следующий блок анкеты касался оценки респондентами экологической безопасности ЯНАО. Мнение опрошенных относительно современного состояния природно-сырьевых условий и ресурсов показало, что 23,8% из них считают данное состояние удовлетворительным, еще 31,4% отмечают незначительное истощение сырьевых ресурсов. И хотя только 7,6% и 9,7% (соответственно) жителей Ямала указывают на полное истощение природно-сырьевых ресурсов, а также на значительное загрязнение окружающей среды нефтепродуктами, тем не менее, как хорошее состояние экологии оценивают лишь 14,5% опрошенных (см. рис. 2.14).

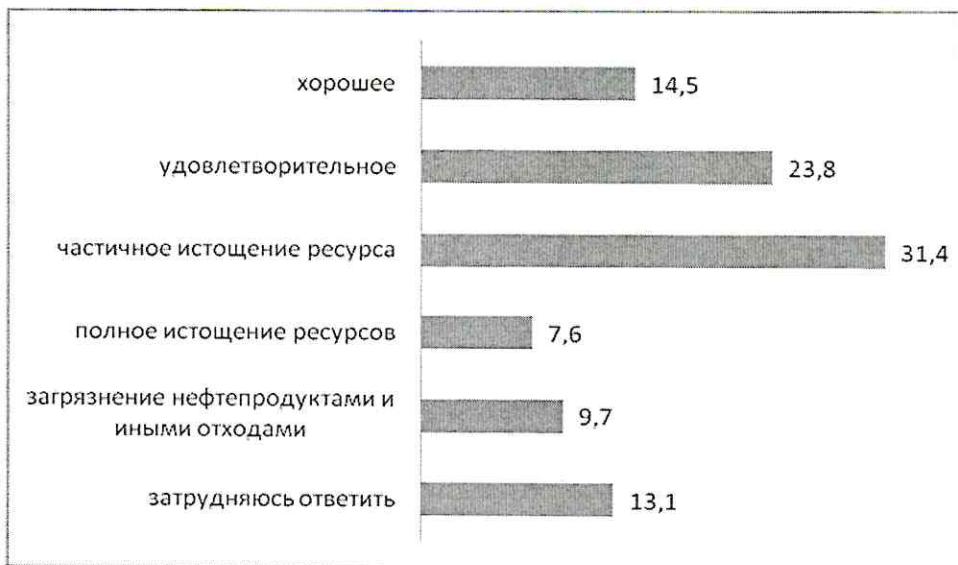

Рисунок 2.14. Состояние экологии в ЯНАО (в % к числу опрошенных)

Обращает на себя внимание факт признания состояние экологии в ЯНАО удовлетворительным в основном теми респондентами, кто недавно прибыл в регион или работает вахтовым методом, преимущественно это люди в возрасте от 31 до 40 лет, имеющие среднее образование и работающие в нефтегазовой промышленности. Такая точка зрения респондентов, оценивших состояние экологии и природно-сырьевых ресурсов как удовлетворительное, выглядят объективно, т.к. это, в первую очередь, люди, которые невольно, в силу своих профессиональных обязанностей, имеют отношение и к истощению этих ресурсов, и к загрязнению окружающей среды (приложение 15). Кроме того, у них отсутствует идентификация с данным территориальным сообществом и регионом, а потому мало волнует состояние окружающей среды, не сформирована потребность в бережном отношении к хрупкой северной природе. В этом направлении предстоит целенаправленная работа и администрации предприятий, и представителей органов местного самоуправления, и различных социальных сообществ.

Закономерно, что в большей степени обеспокоены истощением природных ресурсов жители, связавшие свою судьбу с Арктикой, а также проживающие на этой территории с глубокой древности коренные малочисленные народы севера. Лишь единицы из них указывают, что экология региона

является хорошей. Кстати, среди них практически нет тех, кто не отметил бы факт значительного загрязнения среды обитания нефтепродуктами и промышленными отходами.

Примечателен и тот факт, что чем выше уровень образования респондентов, тем больше их волнует уровень загрязненности окружающей среды и истощение запасов природных ресурсов. Такую же обеспокоенность относительно экологической обстановки в Арктической зоне высказывают, прежде всего, работники социальной сферы и люди, имеющие частный бизнес. Однако необходимо отметить и то, что среди опрошенных, занятых в традиционных северных промыслах, многие или удовлетворены состоянием окружающей среды, или не имеют четкой позиции по этому поводу.

Вместе с тем, как уже отмечалось ранее, проблема сохранения хорошей экологической ситуации стоит на первом месте среди проблем, на первоочередность решения которых указывали респонденты. И данные результатов оценки состояния природной среды в арктическом регионе подтверждают выводы о необходимости принятия управленческих решений, способствующих обеспечению экологической безопасности региона.

Сохранность природной среды является залогом сбережения уникальной кладовой арктической зоны – наличия северных сортов ягод, произрастающих в тундре (морошки, брусники и клюквы), оленеводства, дающего уникальную возможность экспорта и потребления на внутреннем рынке оленины и продуктов, изготовленных из этого экологически чистого диетического мяса, а также добычи уникальных видов рыбы, многие из которых, в том числе и по причине ухудшения экологической обстановки региона, на сегодняшний день занесены в Красную книгу. Все указанные традиционные продукты питания, производимые в арктическом регионе, богаты минералами, витаминами и иными полезными веществами, а потому способны поддерживать здоровье жителей Крайнего Севера в суровых климатических условиях.

Поэтому в социологическом опросе важным являлся вопрос о включении в рацион жителей ЯНАО именно этих видов пищи (см. рис. 2.15).

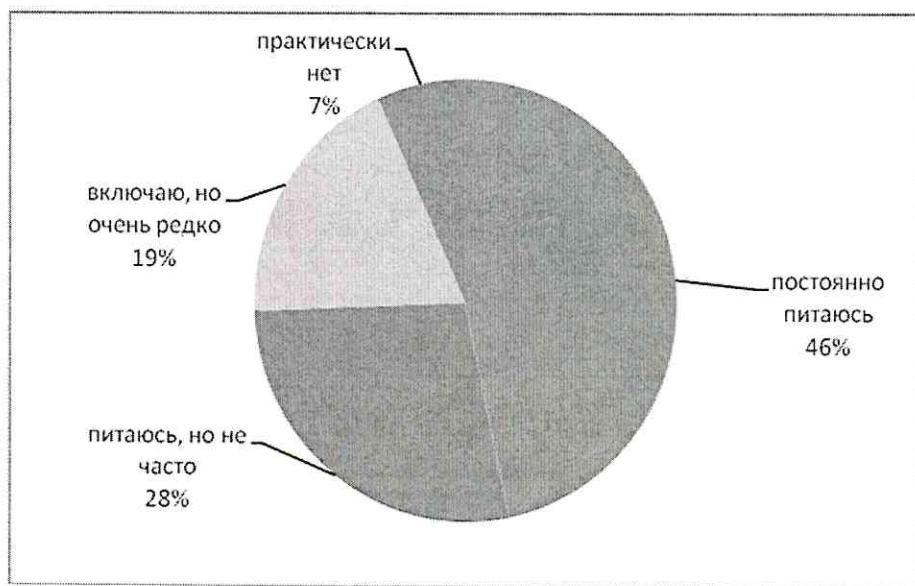

Рисунок 2.15. Включение традиционных продуктов в рацион жителей ЯНАО (в % к числу опрошенных)

Результаты опроса показали, что большинство респондентов либо постоянно, либо часто (46,6% и 27,7% соответственно) питаются традиционными для Севера продуктами питания. И только незначительное число опрошенных (16,8%) не употребляют подобную пищу вообще.

В приложение 16 показаны предпочтения опрошенных жителей ЯНАО относительно употребления ими традиционных продуктов питания, производимых на северных территориях, в зависимости от их статусных характеристик.

Среди тех, кто не употребляет северную традиционную еду, больше всего старожилов в возрасте от 31 до 40 лет, имеющих семью, получивших высшее образование и работающих в сфере обслуживания. Тем не менее, эти категории респондентов представлены незначительным количеством. В своем большинстве, люди, живущие в Арктической зоне, предпочитают включать в свой рацион традиционные для севера продукты, такие как оленина, муксун, щекур, морошка и пр.

Как уже отмечалось, результаты социологического опроса показали важность для северян сохранения здоровья, что подтверждается и вопросами о значимости для них природной среды обитания и восполнения витаминов за счет включения пищи, которую данная среда обитания им предоставляет.

Оценка респондентами своего здоровья выглядит очень оптимистично. Только 9,7% респондентов указали на наличие серьезных хронических заболеваний. И хотя абсолютно здоровыми себя считают лишь 22,1% опрошенных, больше половины (52,8%) отмечают, что их здоровье находится на удовлетворительном уровне.

На хронические заболевания указывают больше всего старожилы, хотя половина из них оценивает свое здоровье как удовлетворительное. Никто из представителей коренных малочисленных народов Севера, принявших участие в анкетировании, не считает себя полностью здоровым, но и хронически больным тоже (Приложение 17).

Недавно прибывшие в ЯНАО мигранты, а также рабочие-вахтовики считают себя полностью здоровыми людьми, что является основанием для утверждения о достаточно высоком уровне человеческого потенциала, необходимого для динамичного развития социального потенциала региона.

Как ни странно, но меньше всего хронических заболеваний имеют люди в возрасте старше 60 лет, а примерно половина опрошенных в возрасте от 31 до 40 лет и 62% опрошенных в возрасте от 41 до 50 лет считают себя здоровыми людьми.

Семейное положение респондентов незначительно влияет на состояние здоровья, также как и их образовательный статус. Однако половина людей с высшим образованием или часто болеют, или имеют хроническое заболевание.

Подвержены хроническим заболеваниям больше, чем другие респонденты (в зависимости от сферы занятости), работники, занятые в области обслуживания населения. Работники же нефтегазовых предприятий указывают на хороший уровень своего здоровья. Здесь, безусловно, надо отметить и тот

факт, что нефтегазовые компании уделяют большое внимание поддержанию здоровья своих сотрудников, из чего и вытекают такие позитивные оценки своего физического и физиологического потенциала. Аналогичные результаты можно отметить и у работников социальной сферы, и у государственных служащих.

Сохранность здоровья людей, а, значит, и сохранность человеческого потенциала во многом зависит от уровня медицинского обслуживания.

Только 6,7% респондентов считают уровень медицинского обслуживания высоким, чуть более половины (57,3%) оценивают уровень как средний, а 36,1% отмечают, что медицинское обслуживание в ЯНАО находится на очень низком уровне.

В силу этого необходимо проанализировать, какие именно социальные группы не получают медицинское обслуживание на должном уровне, для того, чтобы разработать и претворить в практику необходимые для исправления ситуации управленческие решения (приложение 18).

Около 50% новосёлов и вахтовиков указывают на низкий уровень медицинского обслуживания, тогда как те респонденты, которые давно проживают в Ямало-Ненецком автономном округе, оценивают медицинское обслуживание как среднее. Вероятно, те, кто могут сравнивать уровень медицинского обслуживания в другой местности и в других регионах, в силу их недавнего там проживания, видят различия между прежним и настоящим уровнями и понимают, что медицинское обслуживание в Арктическом регионе, где и так существует много факторов риска потери здоровья, находится на ненадлежащем уровне.

Пол, возраст, семейное положение и уровень образования не дают резких различий в оценке медицинского обслуживания. Относительное большинство всех респондентов в зависимости от этих статусных характеристик считают, что медицинское обслуживание находится на среднем уровне. Особенно недовольны медицинским обслуживанием работники сферы образования, сферы обслуживания и сотрудники нефтегазовых компаний.

Среди причин недовольства медицинским обслуживанием основными являются отсутствие необходимых лекарственных препаратов (59,5% опрошенных) и медицинских работников должной квалификации (33,0%). Среди иных недостатков медицинского обслуживания северяне отмечают отсутствие систем электронной очереди на прием к врачу, отсутствие узких медицинских специалистов, недостаточное количество и качество медицинского оборудования.

Полностью удовлетворены существующим уровнем медицинского обслуживания всего лишь 9,2% северян, еще 1,4% из них вообще не нуждаются в медицинском обслуживании.

Исходя из социально-статусных характеристик, мнение опрошенных жителей ЯНАО представлено в приложении 19.

Больше всего респонденты недовольны отсутствием необходимых лекарств и медикаментов, а вот на недостаток квалифицированного медицинского персонала указывают в большей степени постоянно проживающие на Ямале жители. Среди вахтового персонала и новоселов, в свою очередь, больше тех, кто в первую очередь отмечает низкую оснащенность лекарственными препаратами в регионе. Кроме того, важно отметить, что женщин среди них больше, чем мужчин.

Наиболее острой для всех возрастных категорий является проблема приобретения лекарственных препаратов, значимость остальных недостатков системы медицинского обслуживания региона выглядит по-разному. Так, если респонденты в возрасте от 31 до 40 лет считают важной проблемой отсутствие необходимого медицинского оборудования и узких специалистов, то респонденты в возрасте от 21 до 30 лет указывают на сложности попадания на прием к врачу. Интересным кажется и тот факт, что среди тех, кто либо доволен уровнем медицинского обслуживания, либо не обращается к врачам в принципе, больше всего северян в возрасте старше 60 лет.

Отличие мнений респондентов в зависимости от их семейного положения и образования не выявлено, распределение их оценок полностью совпадает с общей картиной.

Результаты исследования показали, что к числу тех опрошенных, кто никогда не обращается к врачам, относятся индивидуальные предприниматели, безработные и работники, занятые в традиционных северных промыслах. В абсолютном большинстве их процент не значителен, но, тем не менее, среди респондентов других сфер такие все же отсутствуют.

Среди тех, кто недоволен отсутствием необходимого современного оборудования и нехваткой узких специалистов, больше всего сотрудников нефтегазовых предприятий и работников сферы обслуживания. А на низкую квалификацию медицинского персонала больше других указывают индивидуальные предприниматели, работники сферы культуры и нефтегазовых предприятий.

И хотя отличия в тех или иных случаях незначительны, тем не менее можно отметить, что разные социальные и статусные характеристики респондентов влияют на их мнение относительно тех или иных недостатков в сфере медицинского обслуживания на территории Ямalo-Ненецкого автономного округа.

Далее респонденты назвали те факторы, которые, по их мнению, являются основополагающими для сохранения здоровья жителей Арктического региона. (см. рис. 2.16).

На первое место жители Ямала, принявшие участие в опросе, ставят необходимость повышения доступности медицинского обслуживания. Также они уверены в том, что использование современных технологий диагностики и лечения с помощью высокотехнологичного медицинского оборудования может стать залогом сохранения их здоровья.

И хотя улучшение экологической ситуации не является приоритетным фактором решения данной проблемы, тем не менее экологическая составляющая присутствует в числе условий сохранения здоровья северян, и это обя-

зательно нужно учитывать при разработке региональных программ по повышению эффективности медицинского обслуживания.

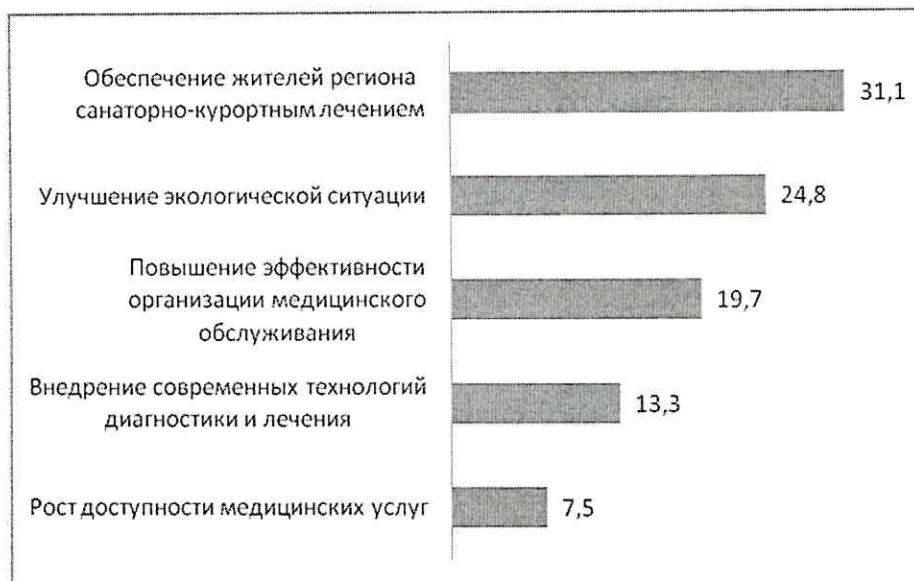

Рисунок 2.16. Факторы сохранности здоровья (в % к числу опрошенных)

Зависимость ответов респондентов по поводу сохранения их здоровья от социально-статусных характеристик представлена в приложении 20.

Так, опрошенные, имеющие длительный срок проживания на Ямале, больше, чем другие социальные группы, считают необходимым в целях сохранения их здоровья сделать все возможное для прекращения ухудшения состояния среды обитания. Они скептически относятся к санаторно-курортному лечению, предполагая, что оно будет мало способствовать улучшению их физического и эмоционального состояния. Совершенно не видят смысла в этом факторе для сохранения здоровья и коренные малочисленные народы Севера. В то же время недавно прибывшие в округ мигранты или вахтовый персонал отмечают значимость санаторно-курортного лечения для решения проблем со здоровьем. Возможно, у постоянно проживающего в округе населения, и, тем более, у коренных малочисленных народов Севера, поездки в санатории выпадают из их привычного уклада жизни, поэтому не являются значимым фактором сохранения здоровья.

Среди тех, кто считает необходимым улучшить экологическую ситуацию в Арктической зоне проживания, больше женщин, чем мужчин. Среди приоритетных условий сохранения здоровья мужчины отмечают повышение доступности медицинского обслуживания и улучшение его организации, и если с первым утверждением женщины солидарны, то на второе место они ставят внедрение в органы здравоохранения передовых диагностических технологий и современных методов лечения заболеваний.

Возрастной статус жителей ЯНАО мало влияет на их предпочтения, только респонденты в возрасте от 31 до 40 лет несколько выделяются, так как они больше обеспокоены экологической обстановкой в округе, а из тех, кто считает важным фактором сохранности здоровья санаторно-курортное лечение, больше респондентов в возрасте от 31 до 50 лет.

О необходимости внедрения современных методов лечения и современного медицинского оборудования больше других говорят работники нефтегазовых предприятий, с другой стороны, улучшение организации медицинского обслуживания не является для них приоритетом.

Положение безработного заставляет данную категорию респондентов ставить во главу угла доступность медицинских услуг и улучшение организации их предоставления, что, безусловно, носит объективный характер, так как с точки зрения доступности медицинского обслуживания они являются самым незащищенным слоем населения.

Вызывает интерес тот факт, что представители органов власти считают организацию медицинского обслуживания в регионе совершенной и не нуждающейся в улучшении, а работники сферы образования не связывают экологические проблемы со здоровьем, удовлетворены методами лечения и не нуждаются в санаторно-курортном лечении.

Таким образом, определяя необходимость приоритетного решения проблем, связанных со здоровьем жителей ЯНАО, на первое место должны быть поставлены, прежде всего, доступность предоставления медицинских услуг, кадровые преобразования с целью привлечения квалифицированного

медицинского персонала и разработка здоровьесохраняющих технологий, связанных с улучшением экологической ситуации в регионе, улучшением качества питьевой воды, уменьшением вредных выбросов в атмосферу, использованием экологически безопасного оборудования и т.п.

Следующий блок вопросов касается состояния социальной инфраструктуры в Ямало-Ненецком автономном округе. Анализируя результаты оценки северянами элементов социальной инфраструктуры региона, надо отметить, что около половины респондентов (49,1%) негативно оценили транспортное обслуживание, на втором месте – качество питания, мобильной связи и доступа в Интернет (см. табл. 2.8). Меньше всего недовольства вызывает организация и качество образования детей. И хотя торговое и бытовое обслуживание не вызывает резкой критики опрошенных жителей Ямала, тем не менее число полностью удовлетворенных этим элементом социальной инфраструктуры весьма незначительно (16,7%). Оценивая условия для досуга, респонденты отмечают, что они либо полностью (31,2%), либо частично (41,3%) отвечают их потребностям.

Тем не менее, несмотря на не очень позитивные оценки социальной инфраструктуры, а также недовольство большинства респондентов своим материальным положением и уровнем здравоохранения, на вопрос «удалась ли Вам жизнь?», лишь 7,9% ответили отрицательно.

Таблица 2.8

Уровень удовлетворенности элементами социальной инфраструктуры ЯНАО (в % к числу опрошенных)

Элементы инфраструктуры	Полностью удовлетворен	Частично удовлетворен	Не удовлетворен
Образование детей	39,2%	39,7%	21,1%
Торговля и бытовое обслуживание	16,7%	54,3%	29,0%
Условия для досуга	31,2%	41,3%	27,5%
Транспортное обслуживание	14,2%	36,7%	49,1%
Связь и интернет	31,4%	37,4%	31,2%
Качество питания	31,4%	37,6%	31,0%
Жизнь в целом	39,4%	52,7%	7,9%

Полностью удовлетворены своей жизнедеятельностью 39,4% северян, а еще 52,7% считают, что все происходящее в их жизни достаточно стабильно, и вряд ли они хотят кардинальных перемен.

Мнение респондентов, в зависимости от социально-статусных характеристик социальных групп относительно элементов инфраструктуры, значительно различается (приложение 21). Так, недавно прибывшие на постоянное место жительства опрошенные удовлетворены, в первую очередь, условиями для получения образования их детей, качеством продуктов питания и организацией досуга. В отличие от них, проживающее долгое время на Ямале население и коренные малочисленные народы Севера недовольны как качеством питания, так и возможностями досуговых мероприятий. Также нет среди них и большинства, считающего оптимальным уровень образования детей. Единственное, что их устраивает больше, чем вахтовый персонал и новоселов, это качество мобильной связи и доступа в Интернет. Поэтому относительно того, удалось ли их жизнь в целом, они менее оптимистичны, чем опрошенные из числа мигрантов и вахтовиков.

Женщин, оценивающих позитивно социальную инфраструктуру региона, гораздо больше, чем мужчин, которые более осторожны в своем отношении как к самим элементам инфраструктуры, так и в оценке своей жизнедеятельности.

Возрастной статус респондентов определил приоритетность тех или иных элементов. Так, если все возрастные группы достаточно высоко оценили уровень организации досуга в округе, то молодежь до 20 лет имеет прямо противоположное мнение, что скорее всего связано не с условиями досуговой деятельности, а с их желанием разнообразить свое свободное время. Также меньше среди них тех, кто позитивно оценил уровень образования. Если другие возрастные группы оценивают условия предоставления образовательных услуг опосредованно, через своих детей, то данная возрастная категория, недавно окончившая школу, судит эту составляющую по собственному опыту.

Больше всего считающих, что жизнь удалась, наблюдается среди респондентов в возрасте от 21 до 40 лет. А респондентов в возрасте старше 60 лет, отмечающих успешность своего жизненного пути, очень мало, видимо их опыт показал, что прожить жизнь можно было бы по-другому.

Семейное положение респондентов также выявило отличие во мнении опрошенных. Так, женатые пары в большей степени довольны образованием и качеством связи, а холостые наиболее оптимистичны в отношении возможности проведения своего досуга и также считают, что их будущие дети получат качественное образование.

Респонденты с высшим образованием наиболее положительно оценили уровень мобильной связи и Интернета. Опрошенные же, имеющие среднее образование или среднее профессиональное образование, наивысшую оценку поставили качеству образовательных услуг в школах и дошкольных учреждениях.

В зависимости от сферы занятости оценки респондентов также различны. Например, индивидуальные предприниматели позитивно высказываются, прежде всего, о качестве мобильной связи и о качестве продуктов питания. А работники нефтегазовых компаний предпочтение в своих оценках отдают образовательному уровню и возможности проведения досуга.

Кстати, сами работники сферы образования весьма негативно относятся как к школьному, так и к дошкольному образованию в регионе, а также к торговому и бытовому обслуживанию. Важно подчеркнуть, что никто из них не считает, что выбрал правильный жизненный путь.

Сотрудники органов власти солидарны с индивидуальными предпринимателями в том, какие элементы социальной инфраструктуры находятся на достойном уровне. Также их мнение совпадает с мнением работников, связанных с традиционными промыслами Севера, в том, что транспортное обслуживание в ЯНАО может носить только отрицательную отметку, никто из этих двух категорий не отметил транспортное обеспечение как удовлетворительное.

Среди тех, кто считает, что их жизнь полностью удалась, больше всего респондентов, работающих в нефтегазовой отрасли, в сфере обслуживания и, как ни странно, безработных. Скорее всего, так считают домохозяйки, которые могут позволить себе не работать, а, например, воспитывать детей.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что социально-статусные характеристики респондентов влияют на мнение северян, и можно говорить не о существующем уровне того или иного элемента социальной инфраструктуры, а о том, какие элементы предпочтительнее и нужнее для той или иной социально-статусной группы.

Следующий блок социологического исследования выявил мнение респондентов об уровне их доверия к органам власти, политическим и общественным организациям и к ближайшему окружению (см. табл. 2.9)

Таблица 2.9

Уровень доверия органам власти и общественным организациям

Органы власти и общественные организации	Полностью доверяю	В основном доверяю	Не доверяю	Затрудняюсь с ответом
Уровень доверия				
Властные структуры Федерального уровня власти	27,1	38,7	14,3	19,9
Окружные органы власти	25,5	34,0	11,6	15,6
Местные органы власти	35,2	34,1	18,0	12,7
Политические деятели	12,4	31,6	28,4	27,6
Религиозные служители	17,7	24,5	24,1	33,8
Общественные деятели	30,6	35,7	13,5	20,2
Средства массовой информации	17,8	47,9	14,9	19,4
Окружающие люди	27,5	43,4	14,3	14,8
родственники	68,4	22,9	0,8	7,9

Примечательно, что многие жители Ямала, принявшие участие в опросе, не стали отвечать на этот вопрос. Наибольшее число затруднившихся с ответом оказалось в вопросе об уровне доверия к религиозным служителям (каждый третий респондент не смог поставить оценку), второе и третье места

по отсутвию оценок принадлежат политическим деятелям относительно того, доверяют или нет тем или иным структурам респонденты (27,6%), и общественным организациям (20,2%).

Такие результаты свидетельствуют как о недостаточном влиянии этих социальных институтов, так и об отсутствии взаимодействия респондентов с ними.

Результаты опроса выявили отсутствие полного доверия респондентов к политикам (депутатам разного уровня и т.п.). В данном случае скорее выражалось мнение к ним как к конкретным людям, а не как к членам партий, которые они представляют. Интересен и тот факт, что только незначительное количество респондентов (17,7% и 17,8% соответственно) указывают на полное доверие как религиозным организациям, так и средствам массовой информации. Получается, что достаточно разные по сущности и по роли воздействия социальные институты, призванные формировать нравственные и гражданские ценности общества, не пользуются абсолютным доверием населения.

Однако если религиозные организации не стали тем институтом, которому так или иначе доверяют респонденты, то средства массовой информации получили доверие практически половины (47,9%) опрошенных жителей ЯНАО.

Говоря о полном доверии к тем или иным социальным институтам и органам власти, постоянно проживающее на Ямале население отдает предпочтение своим близким и общественным организациям (приложение 22). Коренные малочисленные народы Севера больше доверяют окружающим их людям, чем своим близким, а на втором месте по уровню доверия у них стоят федеральные органы власти.

Недавно прибывшие в Арктический регион люди и вахтовый персонал, принявшие участие в опросе, свое полное доверие выражают, помимо родственников, общественным организациям, а также федеральным органам власти и окружающим их людям.

Сравнивая результаты опроса по половому признаку, надо отметить, что мнение мужчин и женщин совпадает относительно родственников (полное доверие к ним высказало больше половины респондентов), а вот если женщины отмечают свое абсолютное доверие окружающим их людям и местным органам власти, то у мужчин полным доверием пользуются, в первую очередь, местные органы власти и общественные организации.

Возрастной статус респондентов не влияет на их отношение к близким людям, большинство опрошенных, независимо от возраста, заявляет о полном к ним доверии.

Если рассматривать уровень доверия возрастных групп опрошенных по отношению к различным органам власти, то полным доверием пользуются, прежде всего, местные органы власти. На второе место респонденты в возрасте от 21 до 40 и от 51 и выше ставят окружные органы власти, а опрошенные в возрасте от 41 до 50 лет отмечают свое полное доверие (2-е место в рейтинге) федеральным властным структурам.

Нет доверия к религиозным организациям ни у кого из респондентов старше 61 года. Также его мало и у молодого поколения (до 30 лет). Общественные организации пользуются полным доверием практически у всех возрастных групп, кроме молодежи в возрасте до 20 лет. Эта же возрастная группа практически в своем большинстве негативно относится к СМИ, указывая на отсутствие своего доверия к ним. В свою очередь, респонденты в возрасте от 41 до 50 лет высказали свое негативное отношение, прежде всего, к политическим деятелям и религиозным организациям, отмечая, что не доверяют им.

Семейный статус и уровень образования особых отличий в уровне доверия населения к социальным институтам и органам власти не выявил.

В зависимости от сферы деятельности мнение респондентов значительно отличается друг от друга, и только по одному элементу доверия к тем или иным социальным институтам оно совпадает, все они в своем большинстве доверяют членам своей семьи. В других случаях полным доверием,

например, индивидуальных предпринимателей, пользуются органы местной власти, а также живущие и работающие рядом с ними люди. Работники же нефтегазовой сферы доверяют, прежде всего, местным и федеральным органам власти.

Оценивая свое доверие к тем или иным социальным институтам, сами работники органов власти выражают свою полное доверие в первую очередь общественным организациям, а во вторую – федеральным органам власти.

Работники сферы обслуживания на первые места поставили также общественные организации и федеральные властные структуры.

Учителя и педагоги дошкольных учреждений доверяют, прежде всего, федеральному уровню властных структур, во вторую очередь – местным органам власти. Однако никто из них не выразил полного доверия ни политикам, ни религиозным служителям, ни средствам массовой информации.

Таким образом, наибольшим доверием среди ветвей властных структур пользуются местные органы власти, а среди социальных институтов безоговорочным доверием – семья, родные и близкие люди, а также общественные организации.

Анализируя причины предпочтений респондентов, можно предположить, что отсутствие полного доверия к федеральным и региональным органам власти связано с несколькими причинами. Во-первых, деятельность местных органов власти происходит на глазах респондентов, и они могут быть более уверены в своем отношении к ним. Во-вторых, поддержка и доверие предполагают, что эффективность деятельности органов местной власти находится на достаточно высоком уровне. Видимо, это и является причиной высокого к ним доверия. Полного же доверия к федеральным и региональным органам власти не наблюдается, по всей видимости, в связи с непопулярными реформами (отмены социальных выплат, увеличение пенсионного возраста и т.п.), а также отсутствием у населения достоверной информации об их деятельности.

Если же сравнивать уровень доверия по отношению к тем или иным социальным институтам, то традиционно семья выделяется из их общего перечня. Однако отсутствие у большинства респондентов полного доверия к религиозным организациям позволяет утверждать, что они не так сильны в своем влиянии на людей, жизнедеятельность которых проходит в суровых условиях Крайнего Севера, где среди ценностных ориентаций людей значительное место занимают те, которые связаны в первую очередь с их материальными и физическими потребностями. Средства же массовой информации также не пользуются абсолютным доверием респондентов, и это объяснимо в силу потока негативной информации, которую зачастую СМИ просто «смаивают».

Результаты анализа основных элементов человеческого потенциала в арктическом регионе не были бы полными без оценки респондентами понятия «жизненный успех». Им было предложено оценить три пары прямо противоположных высказываний, в которых и содержался ответ на их понимание успеха в жизни (см. табл. 2.10).

Таблица 2.10

Понимание жизненного успеха (в % к числу опрошенных)

Категории «жизненного успеха»	%
Иметь только те доходы, которые заработаны честным трудом	67,0
Иметь любые доходы, не важно как они были получены	22,1
Стремится к душевному равновесию	69,7
Стремится иметь больше и влиять на других	23,7
Невозможность переступить через моральные правила и нормы	60,5
Мир жесток, поэтому можно переступать через моральные нормы и правила	25,9

Так 67,0% респондентов считают, что должны рассчитывать только на те доходы, которые получены честным трудом, однако 22,1% полагают, что главное – это материальный достаток, и не важно, каким путем он получен,

т.е. цель оправдывает средства. Остальные опрошенные жители Ямала не смогли определится с приоритетом в этом вопросе.

Душевное равновесие как залог жизненного успеха рассматривают 69,7% опрошенных, 23,7% определяют, что для достижения успеха в жизни необходимо любыми путями добиваться лучшего для себя, в том числе и возможности влиять на окружающих людей. 60,5% северян, принявших участие в опросе, не смогут нарушить свои моральные правила и нормы в стремлении к успеху в жизни.

Тем не менее, 25,9% опрошенных высказывают свое пренебрежение нормами морали, мотивируя это несовершенством общественных норм и правил.

Таким образом, можно утверждать, что хотя доля опрошенных северян, определяющих для себя жизненный успех как отсутствие любых ограничений этического характера при достижении цели, не так велико, тем не менее, если сложить их с теми, кто не стал отвечать на этот вопрос, то почти половина людей, живущих в достаточно экстремальных условиях Арктической территории, достаточно прагматичны, главным для них является материальное благополучие, достигнутое любой ценой, отсутствие или пренебрежение моральными нормами и общественными ценностями, они стремятся к реализации себя, отрицая при этом чувства и переживания окружающих их людей и т.п.

Среди этих людей больше недавно приехавших на Ямал новоселов и вахтового персонала (приложение 23). Далее их портрет можно охарактеризовать как мужчин в возрасте преимущественно от 31 до 40 лет, неженатых и работающих в нефтегазовых компаниях. Эти статусно-социальные характеристики людей, оценивающих жизненный успех как достижение материального благополучия без оглядки на какие-либо принципы и нормы, представляется достаточно объективной, так как, как правило, для людей, работающих вахтовым методом, либо переехавших на Север, основным мотивом яв-

ляется возможность высокого заработка. Все остальные характеристики также подтверждают данный вывод.

Последняя оценка респондентов касалась их видения дальнейшей судьбы своих детей. Практически все респонденты (95,9%) считают, что дети должны самостоятельно определять свою жизнь (см. табл. 2.11), а суждения о том, какова должна быть их жизнь, продемонстрировали различные точки зрения опрошенных.

Таблица 2.11

Видение респондентами судьбы детей (в % к числу опрошенных)

Пользоваться всеми благами цивилизации	56,6
Сохранить привычный уклад жизни	43,2
Дети должны самостоятельно выбрать свой путь	95,9

Так, 56,6% северян, принявших участие в социологическом исследовании, предполагают, что дети не связуют свою судьбу с Севером, считая, что они должны иметь возможность жить в комфортном мире, где не будет суровых и экстремальных условий жизнедеятельности, и они смогут пользоваться всеми благами цивилизации. А 43,2% ямальцев верят, что их дети останутся на Севере и продолжат семейную традицию.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволили оценить качественные характеристики населения ЯНАО на индивидуальном уровне, а также степень реализации жизненных стратегий. Констатировать достаточно высокий уровень формирования и развития человеческого потенциала позволяют такие факты, как отношение к семье и образованию детей, адаптированность к суровым условиям Арктического региона, региональная сплоченность постоянного населения округа, его культурно-ценностные ориентации.

Вместе с тем ряд вопросов требуют пристального внимания региональных и местных органов власти, а также изменения позиции самих жителей Ямало-Ненецкого автономного округа. К ним относятся не только улучшение

демографической ситуации, совершенствование системы здравоохранения, развитие инфраструктуры, повышение доходов всего населения округа, но, в первую очередь, решение проблем жителей сел и небольших поселков, прекаризации занятости. Вне всякого сомнения, необходимо сохранение человеческого потенциала коренных малочисленных народов Севера через поддержку их здоровья, традиционных форм жизнедеятельности, развитие социальной активности, так как они являются хранителями духовности, культуры, традиций, нравственности коренных жителей Арктических территорий.

Одним из ключевых моментов должно стать более рациональное использование человеческого потенциала, в том числе сельских территорий и КМНС, а также повышение активности жителей округа, их участие с привлечением вновь прибывших в принятии и реализации решений органами управления, стремлении к живому участию в судьбе родных городов и поселков.

Таким образом, статистический анализ социального потенциала и результаты проведенного исследования свидетельствуют, что, несмотря на жесткие и некомфортные условия жизнедеятельности в Арктической зоне, сформированный человеческий потенциал имеет позитивные тенденции в своем развитии. Это доказывает, что на Ямале в своем большинстве живут и работают люди, которые являются самым важным и ценным элементом социального потенциала этого региона.

2.3. Модели и сценарии формирования социального потенциала в Арктической зоне РФ

Построение моделей и сценариев формирования социального потенциала в ЯНАО при постановке и решении управленческих задач в органах власти всех уровней и форм требует создания системы сбора, хранения, накопления, обработки и анализа огромного количества структурированных и неструктурных данных по всем информационным потокам процессов и

явлений в жизнедеятельности Арктической зоны РФ, которые могут быть реализованы через инновационные специализированные компьютерные средства, такие как интеллектуальные информационно-аналитические системы, платформа обработки больших данных (Big Data), интеллектуальный анализ данных (Data Mining), электронные симуляторы и единые хранилища данных разноплановых типов и форм. Создаваемый при этом виртуальный полигон сможет обеспечить решение социальных и экономических проблем региона, мониторинг и прогноз развития территорий, формирование базы альтернативных сценариев повышения эффективности управленческой деятельности с привлечением экспертов в любой области человеческого знания.

Для того, чтобы построить модели и предложить сценарии формирования социального потенциала Арктической зоны РФ (на примере ЯНАО РФ), представляется необходимым разработать платформу интеллектуальной информационно-аналитической системы в виртуальном пространстве, для чего, прежде всего, необходимо обосновать методологию и технологию описания и стандартов централизованного хранения данных управленческих и социально-экономических процессов арктических территорий, позволяющих стимулировать качественные и количественные показатели жизнедеятельности на них. Именно взаимосвязи показателей, критериев, факторов и условий жизнедеятельности населения Арктики смогут определить оптимальные сценарии развития и формирования социального потенциала северных территорий. Для анализа этих взаимосвязей используется аналитический инструментарий интеллектуальной информационно-аналитической системы управленческой деятельности как программного решения комплексной аналитики факторов влияния на формирование социального потенциала, альтернативные сценарии которого помогут стимулировать развитие всех процессов жизнедеятельности и повысить эффективность управления арктическими территориями.

Проектирование и внедрение в информационном пространстве единого хранилища данных даст возможность сформировать полный набор информа-

ции об объектах управления и систему ее классификации и кодирования для реализации процессов для управленицев (моделирования, прогнозирования, управления) в режимах онлайн и оффлайн.

Программно-аппаратное решение интеллектуальной аналитической системы управленческой деятельности представляет собой организационно-программно-технический комплекс на платформе технического, информационного и программного обеспечения поддержки управленческих решений для повышения эффективности всех процессов жизнедеятельности арктических территорий, включая блоки – подсистемы сбора информации (специализированное ПО и технические решения – базы данных, компьютеры, сервера, сайты предприятий и государственных учреждений (органы власти и др.), социальные сети, мессенджеры, системы поиска информации, средства измерения интернета вещей и т.д.), ее хранения (специализированное ПО, разработанное хранилище данных, компьютеры, сервера), передачи информации (специализированное ПО, каналы связи, локальные сети и Интернет), обеспечения информационной безопасности, анализа и структурирования информации (специализированное программное обеспечение, средства и методы ситуационного анализа, управления бизнес-процессами, проектами, моделирование и прогнозирование, OLAP-кубы, интеллектуальный анализ данных, технологии обработки больших данных, личные кабинеты экспертов, электронная площадка обсуждения проблем с многооконным интерфейсом, виртуальный модератор организации интерактивного обсуждения экспертов и др.), визуализации и представления информации (специализированное ПО, интерактивные панели, комплексные дисплейные системы, озвучивание и управление визуализации голосом, технологии коллективной работы с информацией, мобильные приложения и др.).

На платформе предлагаемой интеллектуальной информационно-аналитической системы формируется система постановки и принятия управленческих решений для информационно-аналитической поддержки процедур и процессов оперативного моделирования и анализа, прогнозирования сцена-

риев формирования социального потенциала, постановки и принятия эффективных управленческих решений, что дает возможность создать виртуальный ситуационный центр решения проблем арктических территорий.

Очевидно, что при реализации автоматизированной интеллектуальной информационно-аналитической системы формирования социального потенциала арктического региона возможны определенные риски, в первую очередь социальные, такие как сложность внедрения результатов экспериментов на виртуальном пространстве в реальную управленческую деятельность властных структур. Поэтому проведение социальных экспериментов на виртуальном пространстве и обеспечение возможности их внедрения в реальную жизнь на виртуальном ситуационном центре для мониторинга, моделирования и проектирования управленческих сценариев формирования социального потенциала для властных структур на арктических территориях позволит преодолеть эти риски.

Предполагается, что основными этапами оптимизации управленческих решений на базе виртуального центра будут следующие:

1. Создание принципиальной схемы исследуемого объекта (правительственного органа), которая будет реализовывать целевые параметры своей деятельности.
2. На базе принципиальной схемы имитирование различных сценариев работы без необходимости вложения средств в реальную инфраструктуру.
3. Решение задачи оптимизации исходных и целевых параметров деятельности на базе результатов сценариев.

Создаваемый виртуальный ситуационный центр будет представлять собой электронный симулятор постановки и принятия управленческих решений для руководителей и управленцев министерств, ведомств, органов власти разных уровней и форм. Он сможет обеспечить информационно-аналитическую поддержку процедур и процессов для оперативного анализа,

моделирования, прогнозирования сценариев формирования и оптимизации социального потенциала арктических территорий.

Базисом виртуального симулятора управленческой деятельности в региональном и городском управлении будет являться виртуальный информационный полигон, на котором будут проводиться эксперименты по решению проблем в управлении любыми объектами, и интеллектуальная информационно-аналитическая система разработки альтернативных сценариев формирования и оптимизации социального потенциала арктических территорий.

Предлагаемая для реализации системы платформа представляет собой комплекс программных средств, включающий SQL Server, SAP платформу, позволяющую хранить структурированную и неструктурированную информацию, облачные технологии, библиотеки Python и R для создания модулей аналитики, платформу больших данных на основе HADOOP.

Информационная база, созданная на платформе хранилища данных структурированной и неструктурированной информации в рамках проводимой социодиагностики представляет собой набор качественных и количественных показателей из статистики, результатов социологических исследований, из открытых и закрытых баз данных (см. рисунок 2.17). Методы и средства обработки таких данных в хранилище позволяют их преобразовать в единый формат.

Рисунок 2.17. Этап социодиагностики

Компьютерные инновационные технологии опираются, прежде всего, на исследование и анализ информации объектов реального мира. Огромное количество такой информации находится в открытом и закрытом доступе в сети Интернет, локальных сетях государств, производственных отраслей, предприятий, властных структур и т.д. Эта информация в виде данных, таких как факты, текст, графики, картинки, звук, видео, может быть представлена в форме, пригодной для хранения, передачи и обработки. И хотя технические данные представляют собой любую информацию, с которой так или иначе можно взаимодействовать, технологическую пригодность для извлечения ценности информации имеют те данные, которые можно обрабатывать средствами вычислительной техники.

Объектами социальных экспериментов на виртуальном пространстве будут являться различные уровни социального потенциала, каждый из которых определяется своим собственным набором социальных и экономических показателей, агрегированных в индексы. Таким образом, создается информационно-социологический полигон показателей и индексов объектов управления, что является исходной базой постановки и решения управленческих задач для руководителей [16].

Создаваемая виртуальная реальность представляет собой полигон для социальных экспериментов и дает возможность разработать на базе информационных и математических моделей основные сценарии формирования социального потенциала арктической зоны РФ [14].

На создаваемом информационно-социологическом полигоне в виртуальном пространстве проводятся эксперименты по моделированию, прогнозированию и повышению эффективности постановки и принятия управленческих решений. Предлагаемые рекомендации по результатам социальных экспериментов на виртуальном пространстве становятся основой для разработки новых нормативно-законодательных актов по развитию территорий, отраслевых предприятий, финансовых, банковских и образовательных структур, корректировке нормативно-законодательной базы, обоснованию и внедрению комплекса мероприятий, направленных на формирование социального потенциала Арктической зоны РФ.

Методика разработки сценариев формирования социального потенциала арктического региона на виртуальном пространстве следующая.

Все социальные показатели агрегируются в индексы, которые характеризуют определенные уровни социального потенциала северных территорий. В процессе проведения экспериментов на полигоне изменяется содержание наборов различных социальных, экономических, экологических и социокультурных показателей (индексов) для того, чтобы проследить тенденции изменения других показателей (индексов) и выявить набор оптимальных изменений для выявления наиболее эффективного и оптимального социального потенциала северных территорий (максимизация всех индексов). На первом этапе определяются индексы, подлежащие изменению, на втором – они изменяются, на третьем – выявляются произошедшие по результатам второго этапа изменения с другими индексами. На четвертом этапе экспериментирования разрабатываются сценарии формирования различных уровней социального потенциала от самого низкого до высокого, до идеального в имею-

щихся условиях жизнедеятельности северных территорий. Так происходит постановка управленческой задачи на полигоне.

На этапе решения управленческой задачи выявляются наиболее эффективные сценарии формирования социального потенциала Арктической зоны РФ, высокие уровни которого характеризуются оптимальными наборами всех показателей (индексов), и когда происходит замена ими неэффективных наборов индексов, определяющих низкие значения социального потенциала, происходит рост социального потенциала северных территорий.

Специфические шкалы, определенные граничные значения тенденции изменения описывают в каждой модели свои наборы индексов (социальных показателей), которые присваиваются определенным уровням социального потенциала, формируя множество уровневых системных элементов объекта исследования, которые изменяются от своего самого низкого до самого высокого значения, и это можно определить как идеальный уровень. Так строится социолого-информационный полигон, на котором имеются образы и подобразы социального потенциала, - прямое свойство, - со своим набором косвенных свойств (социологических признаков).

Таким образом, происходит постановка управленческой задачи в геометрическом пространстве косвенных свойств. В этом пространстве выявляются связи между прямым свойством, то есть уровнем социального потенциала Арктической зоны, и косвенными свойствами, то есть социальными, экономическими, экологическими, социокультурными показателями (индексами). Такие взаимосвязи используются при прогнозах прямого свойства по наборам косвенных свойств.

Разработка сценариев формирования социального потенциала северных территорий базируется на специальном математическом инструменте: технологии распознавания образов, использующие при решении задач в условиях неопределенности и при наличии данных различных форматов, огромных объемов неструктурированной информации, в результате чего исходная информация об объектах расплывчата и неоднозначна [15].

Кроме этого, на информационно-социологическом полигоне применяются методы интеллектуального анализа данных (Data Mining), в том числе нейронные сети и машинное обучение для формирования образов социального потенциала Арктической зоны.

Социальные явления и процессы имеют свою специфику. Они многофакторны, историчны, отдельные элементы их взаимодействуют друг с другом и внешней средой, связаны между собой сложными связями, подвержены воздействию субъективных факторов, трудны для квалификации и этим существенно отличаются от моделей, которые используются в естественно-научных и технических исследованиях [217].

Общеизвестно, что существуют основные характеристики данных, и именно они определяют возможности вычислительной техники их хранить, обрабатывать и анализировать.

В первую очередь – это объем данных, измеряемый от малых до больших величин: от битов, байтов, килобайтов, мегабайтов, гигабайтов, терабайтов до петабайтов, экзабайтов (1 бит – 0 или 1, байт – 8 бит и т.д.). Так называемые малые данные могут обрабатываться на персональном компьютере, обработка больших данных требует специальных технологий, в частности, платформ Big Data, технологий Hadoop, MapReduce и др.

Следующая характеристика – структурированность. Структурированными данными являются упорядоченные некоторым определенным образом данные, при этом организованные для того, чтобы обеспечить возможность применить к ним некоторые действия, например, визуальный или машинный анализ. Можно сказать, что это данные, различные части информации в которых разделены не визуально (для человека), а при помощи различных методов и структур, то есть для облегчения понимания их компьютером. В некоторых базах данных информация упорядочена в вертикальных столбцах, которые называются полями, и горизонтальных строках, называемых записями. В таких структурах все записи содержат один и тот же набор полей, а в полях присутствует один и тот же набор записей. Такая структура применяется в

реляционных базах данных. Что касается слабоструктурированных данных, которые используются для прогнозной аналитики, то они требуют иных подходов для своего анализа.

Следующая характеристика данных, от которой зависят способы и методы хранения, обработки и анализа данных – это однородность данных, и в рамках этого параметра данные могут быть однородными или однотипными с одинаковым форматом, и неоднородными, или данными с различными форматами.

Есть еще несколько характеристик данных, которые в той или иной мере влияют на выбор принципов обработки и анализа данных, такие как доступность данных, то есть состояние информации (ресурсов автоматизированной информационной системы), при котором субъекты, имеющие права доступа, могут реализовывать их беспрепятственно. Или связанность данных, которое может затруднить их извлечение из источников и дальнейшую их обработку [47].

Таким образом, неструктурированные и неоднородные данные, как и данные большого объема, требуют специализированных технологий обработки данных, таких как платформы Big Data, технологии Hadoop, MapReduce и др. Эти платформы и технологии могут эффективно обрабатывать так называемые большие данные.

В результате сбора, передачи, обработки данных формируется информация, чаще всего разнородная и слабоструктурированная, и на основе возникновения распределенных взаимосвязей между отдельными элементами этой информации образуются истинные знания. Достаточно часто получаемый результат не определен, но, получая информацию, формируются знания, и эти знания могут способствовать определению конкретного результата сбора и обработки информации.

По сравнению с данными, информация несет смысловое содержание. И тем более третий уровень – знания. То есть если рассматривать эти понятия с философской точки зрения, то знания и информация – понятия более высокого

го уровня, чем данные. «Данные» – это фактически количественные и качественные параметры, характеризующие объекты, предметы, явления и процессы, причем формализованные. Эта категория возникла достаточно недавно, с появлением инструментария обработки данных (ЭВМ). Понятие «информации» определяет сущность процессов внутри информационной системы и касается элементов этой системы, в то время как понятие «знание», скорее всего, ориентировано на качество процессов. Категория «знание» является основным в системе постановки и принятия управленческих решений.

Постановка и реализация управленческих решений возможны только на основе анализа информации, но из-за ее огромного количества человеку очень сложно ее обработать без специальных методов. Технология Data Mining, или обнаружение знаний в данных, дает возможность находить новые, действительные и потенциально полезные знания в имеющихся базах информации. Применение Data Mining базируется на системах баз данных, статистике и искусственном интеллекте [220].

Развитие информационных технологий предопределило создание Data Mining как интеллектуального анализа данных или метода обработки и анализа больших объемов данных. Особое место и роль в этой области занимают базы данных как средство хранения, накопления, обработки и управления информацией. Появились новые модели данных, такие как объектно-ориентированные, объектно-реляционные, дедуктивные [227].

Таким образом, технологии Data Mining ценные тем, что при их реализации наблюдается четкая ориентация на практическую составляющую любого исследования. Обработка сырых данных через формирование информации и получение конкретного знания ведет к достижению конкретного результата, четкая постановка задачи способствует созданию готового приложения, при помощи которого можно решать любые проблемы.

В подавляющем большинстве случаев, когда проводятся эксперименты с социальными объектами с большими объемами данных, сложно получить четкие представления по их содержанию и структуре, обосновать цель, кон-

крайтизировать ее в задачи, обосновать и определить закономерности их жизнедеятельности, выработать основные направления повышения эффективности всех процессов. Представляется, что в таких условиях будет действенна методология построения моделей в системе постановки и принятия управленческих решений с использованием математического инструментария, в частности, технологии распознавания образов. Тогда не будет необходимости делать обоснование в рамках стройной теории, которая может объяснить механизмы их управления [11].

Следовательно, исследуя процессы формирования социального потенциала Арктической зоны РФ, можно применить технологию распознавания образов, скорректировать этапы проведения экспериментов на виртуальном пространстве и выделить основные критерии формирования социального потенциала – уровни, которые описываются при помощи определенного набора характеризующих их косвенных свойств. Тогда содержательная часть информационно-социологического полигона будет определяться наборами данных критериев (свойств) [32].

Так, например, для того, чтобы сформировать оптимальный социальный потенциал арктических территорий, необходимо для низких значений уровня социального потенциала определить те критерии и показатели, которые надо изменить, чтобы перейти к более высокому (вплоть до самого высокого) значения уровня социального потенциала. На информационно-социологическом полигоне строятся объекты, каждый из которых характеризуется своим значением уровня социального потенциала, начиная дискретно от низкого до самого высокого. Эти объекты формируют образы так называемого прямого свойства, создавая прогнозную модель. Таким образом, при постановке управленческой задачи на информационно-социологическом полигоне устанавливается связь между уровнем социального потенциала (прямое или целевое свойство) и комплексом косвенных свойств (социологических признаков), который определяет этот уровень.

Косвенные свойства – это и есть признаки, количественно или качественно характеризующие уровень социального потенциала. Для их измерения проводятся социологические исследования, в том числе анкетирование, анализ вторичных документов, используются материалы статистики, в результате массивы этих признаков формируют информационно-социологический полигон. Прямое свойство – уровень социального потенциала, характеризуется набором определенных косвенных свойств.

Итак, информационно-социологический полигон включает в себя образы по прямому свойству: уровню социального потенциала арктических территорий в пространстве косвенных свойств – социологических признаков. Каждый образ определяется своими значениями наборов показателей. ЭВМ строит зависимости прямого свойства от сочетаний косвенных свойств, по-разному влияющих на образы, которые могут пересекаться по различным значениям косвенных свойств, могут содержать свои подобразы как скопления точек внутри образов.

Образы и рациональные комплексы косвенных свойств коррелированы между собой и формируют информационно-социологический полигон, на котором происходит постановка и решение управлеченческой задачи.

Содержательная часть постановки управлеченческой задачи по разработке сценариев формирования социального потенциала Арктической зоны РФ заключается в следующем.

Вещественное пространство информационно-социологического полигона включает в себя множество точек в геометрическом пространстве со своими значениями косвенных свойств, из которых формируются образы и подобразы прямого целевого свойства и соответствующих им наборов косвенных свойств, которые используются при решении управлеченческой задачи с использованием так называемой пространственной проективной меры сходства.

В данном случае задача осложнена тем, что социальный потенциал представляет собой интеграцию из трех потенциалов: человеческого, ресурс-

ного и институционального. Предлагается в качестве прямого целевого свойства использовать интегральный индекс социального показателя как суммарную величину трех индексов потенциалов, включенных в него.

Таким образом, процессы формирования социального потенциала объекта исследования проходят на виртуальном полигоне в пространстве показателей, в частности, социальных, экономических, экологических, социокультурных. Так, например, социальный и экологический блоки показателей представлены на рисунках 2.18 и 2.19.

Экономическая подсистема в модели представлена в разрезе межотраслевых взаимодействий, что влияет не только на полноту описания экономической подсистемы, но и на описание ее взаимодействия с социальной и экологической подсистемами.

Рисунок 2.18. Блок социальных показателей

Рисунок 2.19. Блок экологических показателей

Далее на этапе постановки задачи на виртуальном полигоне в геометрическом пространстве строятся образы социального потенциала от самого низкого значения до максимально высокого (рисунок 2.20).

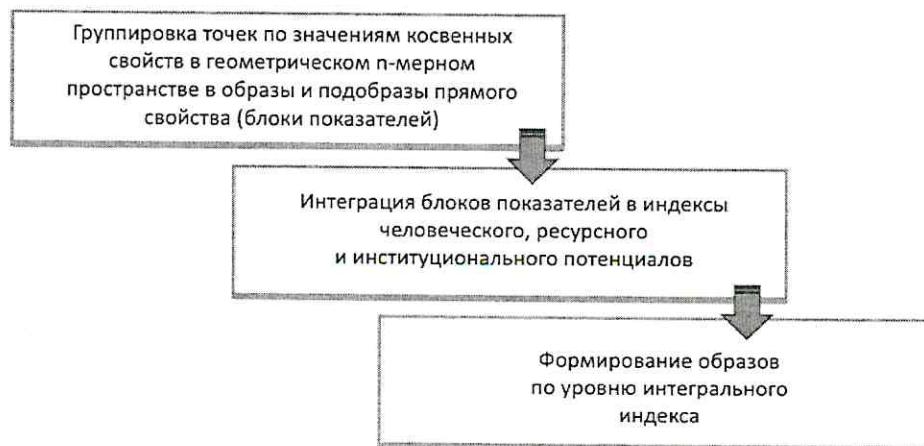

Рисунок 2.20. Постановка управленческой задачи на полигоне

Этап решения задачи включает приведение объектов с низким уровнем социального потенциала к высокому путем изменения соотношения косвенных свойств с использованием расчетной базы информационно-социологического полигона. Такие объекты сравниваются с точками образов

и подобразов полигона в пространстве косвенных свойств при помощи их рационального комплекса, индивидуальных информативностей и учета приоритетности сочетаний косвенных свойств.

При выполнении решающего правила оцениваемый объект соотносится с прямым целевым свойством того образа, с которым его множественная проективная мера сходства максимальна. Если взять пример прямого целевого свойства – уровень социального потенциала, то, при изменении соотношения косвенных свойств искомого объекта, можно добиться максимальной проективной меры сходства с образом группы прямого целевого свойства – высокий уровень социального потенциала Арктической зоны РФ.

На рисунке 2.21 представлены образы сформированного из составляющих социального потенциала в двумерном пространстве как пример группировки точек в образы и подобразы.

Рисунок 2.21. Социальный потенциал в пространстве косвенных свойств

Естественно, процесс этот происходит в многомерном геометрическом пространстве. Так, для того, чтобы построить образы и подобразы человеческого потенциала с использованием социального блока индексов, необходима группировка показателей, характеризующих ресурсы, определяющие этот тип потенциала: демографические, трудовые, образовательные, инновационные, научные, социально-психологические, социально-политические, социокультурные, культурно-информационные, здоровья и др.

Арктическая зона сегодня занимает примерно более одной трети территории РФ, но при этом дает 60% объема валютных поступлений от экспорта, и это реализуется при доле населения около 1% от населения всей страны. Огромные сырьевые ресурсы требуют своего освоения (добычи, переработки, транспортировки и сбыта), и эту задачу можно решить при повышении эффективности человеческого потенциала, овладении людьми на крайнем севере широчайшим набором компетенций современного общества.

Наличие коренных малочисленных народов усложняет кадровое обеспечение неоиндустриального освоения Арктики, так как наряду с решением этих задач требуется сохранить этнокультурные условия жизнедеятельности аборигенных этносов. Ситуация усугубляется и миграционными настроениями проживающего на этой территории приезжающего населения, которому сложно жить и работать в суровых условиях Севера. Вахтовой метод работы в Арктической зоне РФ не спасает положения с освоением месторождений полезных ископаемых, так как людей не хватает для решения всех проблем жизнедеятельности этих территорий, хотя и остается основной возможностью кадрового обеспечения арктических проектов. Фактически численность работников вахтового метода составляет почти половину от всех работающих, и прогнозы в этом аспекте неутешительны - к 2020 году, по оценкам экспертов, их количество может дойти до 80-85%, а в нефтегазовых компаниях – до 95-100% от всех работающих на территориях Арктической зоны РФ [273, р. 132-142].

Человеческий потенциал арктического региона включает в себя людей, их количество и качество, участвующих в проектах по освоению территорий региона, жизнедеятельность которых (жизнь, работа, профессионально-культурные компетенции, здоровье) связана полностью с Арктической зоной. Одной из важнейших составляющих являются компетенции, которые человек приобретает в результате получения своего образования, повышения квалификации в дальнейшем и самообразования. Специфика жизнедеятельности Арктики предъявляет особые требования к профессионально-

образовательной подготовке кадров, и учет этой специфики может в значительной мере интенсифицировать человеческий потенциал при освоении северных территорий, на которых уже наблюдается достаточно большой дефицит кадров в разных отраслях, в частности, в строительстве (52 %), в образовании, в транспорте и связи и т.д.

Образы и подобразы институционального потенциала строятся в геометрическом пространстве показателей, определяющих взаимодействие между индивидами, включенными в организации и социальные группы; коллективные действия, формирующие отношения между социальными акторами; взаимодействия внутри элементов социальной территориальной общности через нормативно-ценостные и культурные характеристики; организационно-управленческие механизмы, направленные на создание институциональной среды для управляемого роста социального потенциала.

При формировании образов и подобразов ресурсного потенциала используются показатели, характеризующие его блоки, такие как ресурсно-сырьевой (природные ресурсы и запасы региона), производственный (субъекты хозяйственной деятельности в регионе), инфраструктурный (элементы инфраструктуры региона), инновационный (научно-технические структуры региона), финансовый, потребительский и некоторые другие.

Интегральный индекс социального потенциала Арктической зоны РФ формируется в едином хранилище данных, примерная структура которой представлена на рисунке 2.22.

Индексы показателей по каждой составляющей социального потенциала (ресурсный, человеческий, институциональный потенциалы) формируют свои комплексные индексы, которые при небольшом преобразовании и комплексировании группируются в единый интегральный индекс социального потенциала Арктического региона.

IIISР (интегральный индекс социального потенциала)

где n – количество составляющих социального потенциала, в нашем случае – 3 (ресурсный, человеческий и институциональный);
 $j = 1, 2, 3$ – номер составляющей социального потенциала;
 x_j – значение соответствующей составляющей социального потенциала.

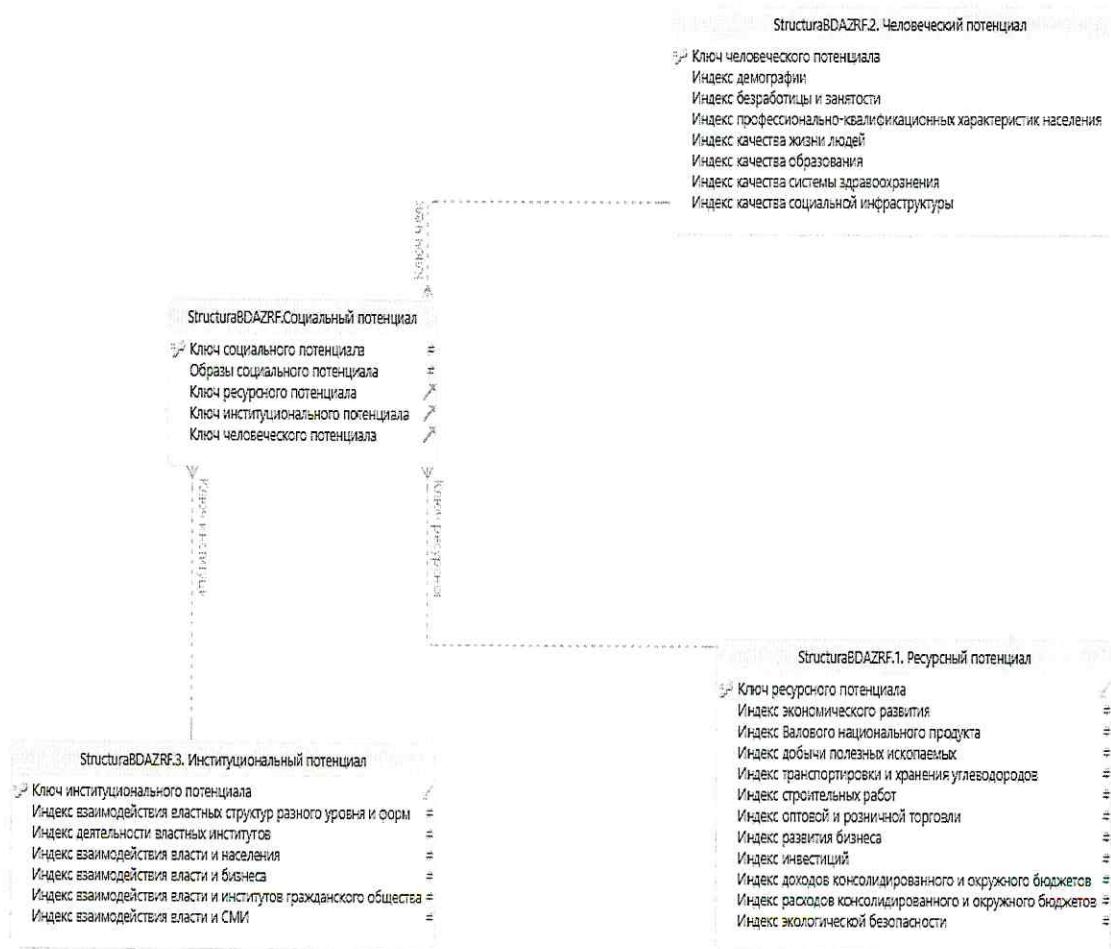

Рисунок 2.22. Структура единого хранилища данных по социальному потенциалу АЗ РФ

Таким же образом формируются и комплексные индексы составляющих социального потенциала - путем интеграции показателей из единого хранилища данных Арктического региона, в котором хранится информация,

приведенная к единому формату, из проведенных авторских социологических исследований, материалов государственной статистики, результатов вторичного анализа данных социологических исследований.

На этапе постановки задачи на информационно-социологическом полигоне будут сформированы образы прямого целевого свойства, причем при проведении новых итераций постановки задачи формируются новые образы. Создается своеобразная вычислительная база различных образов, используемых на этапе решения управленческой задачи, в частности, оценки новых объектов в смысле принадлежности их к образам информационно-социологического полигона [237].

Следовательно, при постановке и принятии управленческих решений на виртуальном полигоне строятся различные модели, и вычислительные результаты моделирования участвуют при организации реализации решения задачи. В процессе вычислений изменяются значения уровней социального потенциала, границы его образов и подобразов в геометрическом пространстве косвенных свойств, и происходит корректировка прямого свойства – самого социального потенциала. Именно обратная связь в процессе построения образов в пространстве косвенных свойств, определения их рациональных комплексов дают возможность достигнуть эффективных результатов [231].

Построение прогнозных моделей на информационно-социологическом полигоне при постановке и принятии управленческих решений позволяет выявить альтернативные сценарии формирования социального потенциала Арктической зоны РФ на базе вычисленных критериев в процессе многочисленных итераций, что дает возможность осуществить управление процессами жизнедеятельности северных территорий.

Реализация результатов экспериментов на виртуальном пространстве планируется на разработанном виртуальном ситуационном центре, своеобразном симуляторе системы управления с доступом к нему экспертов – ученых, руководителей властных структур, градообразующих предприятий, управ-лен-

цев, в той или иной мере участвующих в постановке и принятии управленческих решений в определенных областях человеческого знания.

Решение управленческой задачи на информационно-социологическом полигоне происходит следующим образом. На основе сформированной структуры информационной базы исходных показателей и индексов социального потенциала Арктической зоны и построенных образов его разных значений, от высокого до низкого, была сформулирована задача - повысить уровень социального потенциала, в частности, увеличить индексы человеческого, ресурсного и институционального потенциала, - которая решалась при проведении социальных экспериментов на виртуальных информационно-социологических полигонах путем прогнозирования (интеллектуальный анализ данных, нейронные сети, методика распознавания образов) оптимальных сочетаний значений исходных показателей, из которых формируются соответствующие индексы, для того, чтобы достичь максимального уровня социального потенциала на территориях Арктической зоны. Схематично в трехмерном пространстве этот процесс можно изобразить следующим образом (рисунок 2.23).

Рисунок 2.23. Схема формирования образов социального потенциала АЗ РФ в геометрическом пространстве его составляющих (человеческая, ресурсная, институциональная)

Предполагается, что на базе платформы социального экспериментирования в дальнейшем будут сформированы прогнозные сценарии формирования социального потенциала Арктической зоны: оптимистический, вероятностный, пессимистический, и предложены меры по их реализации.

В основе обработки, анализа и использования результатов социологических исследований лежат семантические технологии, которые предоставляют возможность данные о социально-экономической ситуации в Арктической зоне РФ, находящиеся в открытом доступе, и результаты социологических исследований, неоднородные по своей структуре, преобразовать в единый, приемлемый для информационной системы, формат обработки [310].

Разработка информационной системы Арктической зоны РФ потребовала изучения проблем информатизации социологического исследования, которые заключаются в необходимости использования неформализованных данных, оперативного доступа к информации, а также проблемы кодификации элементов неструктурированного массива текстовых данных (рис. 2.24).

Главной задачей является информационная поддержка проведения данного рода исследований, реализацию которой будет сопровождать интеграция разработанных и внедренных индивидуальных информационных элементов системы (подсистемы, модули, базы данных, документы, дела, технологии, открытые и закрытые источники информации) в единую управляющую автоматизированную информационную систему [17].

Платформа Big Data является базисом в разрабатываемой интеллектуальной информационно-аналитической системе комплексного этносоциологического мониторинга неоиндустриального освоения Арктической зоны РФ. Аналитика проведенных исследований в Арктической зоне осуществляется с помощью технологий интеллектуального анализа - Data Mining [29].

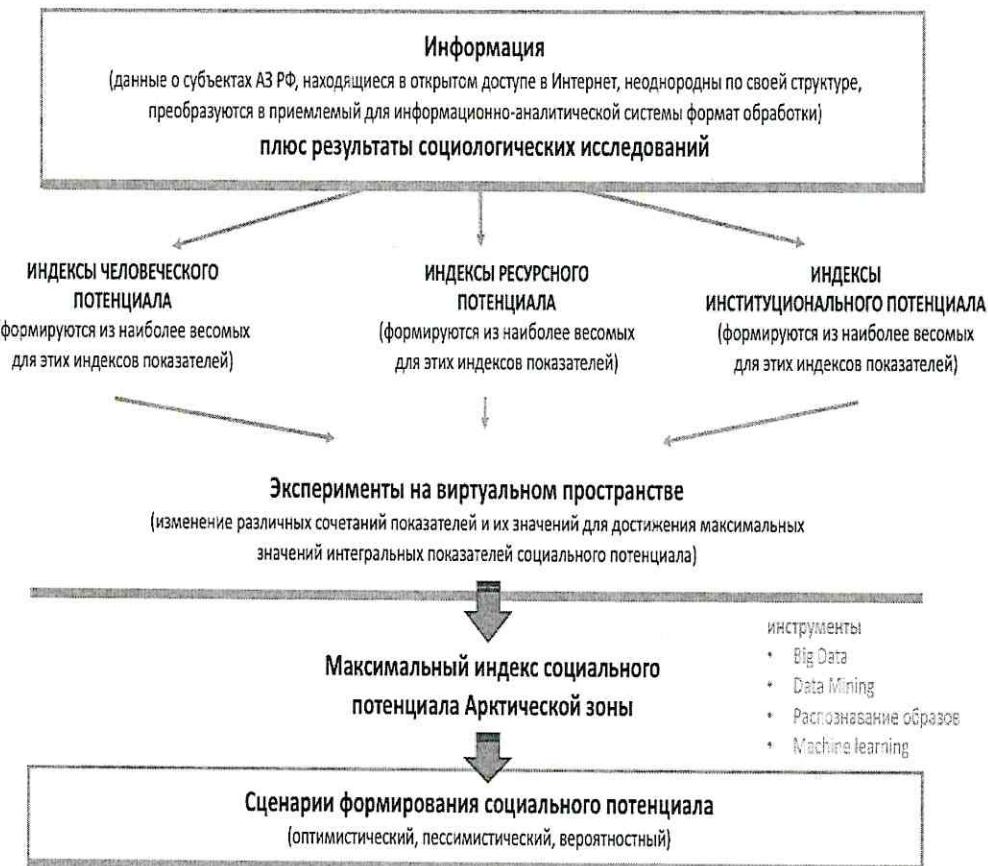

Рисунок 2.24. Обработка и анализ информации при формировании социального потенциала Арктической зоны РФ

Таким образом, управленцы получили инструментарий для повышения эффективности деятельности органов власти, отраслевых предприятий, образовательных, финансовых и банковских структур, включающий в себя:

- разработку схемы предметной области;
- формирование алгоритма функционирования микро- и макропоказателей для сеанса моделирования (экономические, социо-демографические, специфические показатели предметной области и иные);
- задание начальных условий моделирования и получение желаемого результата;
- моделирование с возможностью выбора промежуточных решений и корректировки конечных результатов;

- аналитику результатов прогноза и причин, повлекших отклонение от желаемого результата.

Ключевыми преимуществами предлагаемого подхода видятся:

- хранилище данных структурированной и неструктурированной информации, собранной из различных источников и преобразованных к единому формату;
- обширный набор предобученных модулей для моделирования экономических, социальных, политических, технических, производственных показателей жизнедеятельности Арктической зоны РФ;
- механизм создания собственных моделей в интерфейсе виртуального полигона;
- обширное использование алгоритмов аналитики, машинного обучения (Machine learning), Data mining и Big data;
- визуализация информации для эффективной постановки и принятия управленческих решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Арктический регион Российской Федерации, став концентрацией геополитических и экономических интересов страны, превратился в самостоятельный субъект государственного управления. Изменение статуса Арктики определено, прежде всего, потребностью в безопасности Российского государства, во многом зависящей от развития северных территорий, имеющих внешнюю границу протяженностью свыше тысячи километров и прямой доступ к Северному морскому пути, а также хранящих основные запасы стратегического сырья.

В условиях противоречивых процессов глобализации и регионализации именно регион как территориальная, административная и социальная структура современного общества определяет многие социально-экономические процессы и формирует повседневные практики его жителей.

Интегративным показателем динамики Арктического региона является формирование, развитие и использование социального потенциала. При этом социальный потенциал представлен в диссертационном исследовании как совокупность возможностей региона для достижения основной цели управления – создания благоприятных условий жизнедеятельности и повышения качества жизни его населения. Применение системного подхода позволило исследовать социальный потенциал через взаимосвязь его структурных элементов – ресурсного, человеческого и институционального потенциалов региона. Социальный потенциал как действительная характеристика состояния региона и как возможность его развития в диссертационном исследовании представлен на примере Ямало-Ненецкого автономного округа.

ЯНАО не только крупнейший по площади субъект в арктическом регионе России, но и по уровню социально-экономического развития он также входит в число лидеров. Перспективы развития округа связаны с его позиционированием как одного из главных ресурсодобывающих центров страны. В то же время сохранение лидирующих позиций и эффективное использование

экономических и производственных мощностей региона зависит от развития человеческого потенциала. Диверсификация производства, совершенствование транспортной и социально-экономической инфраструктуры, развитие социальной сферы имеют главной целью повышение качества и расширение возможностей реализации человеческого потенциала.

Вместе с тем, возникновение новых идей и разработка прорывных проектов развития Арктического региона не достижимы без актуализации институциональной составляющей. Основной функцией институтов государственного, регионального и местного управления должна стать координация и организация совместной деятельности всех членов территориального сообщества по формированию, развитию и результативному использованию социального потенциала региона на основе учета интересов различных социальных групп. В сложных природно-климатических условиях Севера, на фоне нерешенности многих социальных проблем и недостаточно высокого уровня жизни населения округа, важным аспектом консолидации сил является поиск, привлечение и активизация внутренних ресурсов формальных и неформальных институтов территориального сообщества для решения вопросов развития социального потенциала Арктического региона.

В сложившихся условиях и поставленных задачах развития социально-го потенциала региона доказала свою эффективность методология построения моделей в системе постановки и принятия управленческих решений с использованием математического инструментария, в частности, технологии распознавания образов, на виртуальном информационно-социологическом полигоне, что позволило разработать и обосновать альтернативные сценарии развития социального и человеческого потенциала. В процессе вычислений и формирования образов прямого свойства (социальный потенциал) в геометрическом пространстве косвенных свойств (комплекса показателей, определяющих конкретные значения прямого свойства) были осуществлены постановка и решение задачи достижения оптимального уровня социального по-

тенциала, определяющего возможности и перспективы развития Арктического региона.

Таким образом, проведенный теоретический и эмпирический анализ позволил доказать, что социальный потенциал Арктического региона, проявляясь в структурной взаимосвязи трех компонентов – ресурсного, человеческого и институционального, - обуславливает перспективы развития и качественное разнообразие субъектов Российской Арктики на основе их модернизации и социального реформирования. Государственное управление формированием, развитием и использованием социального потенциала, сохраняя функции влияния и контроля, способствует активизации деятельности территориальных социальных сообществ в данной сфере, создавая новые дискурсы и практики соуправления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалкин, Л. И. Парадоксы измерения человеческого капитала /Л. И. Абалкин. – Текст: непосредственный // Вопросы экономики. – 2009. – №9. – С. 51–70.
2. Агранат, Г. А. Аляска – новая модель развития / Г. А. Агранат. – Текст: непосредственный // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. – 2003. – № 6. – С. 37–60.
3. Александр Дж. После неофункционализма: деятельность, культура и гражданское общество / Александр Дж. – Текст: непосредственный // Социология на пороге XXI века: Основные направления исследования. – Москва: Интеллект, 1999. – С.186–205.
4. Аргунова, В. Н. Человеческий потенциал современного российского региона: жизненные стратегии и инновационные ресурсы (на примере Ивановской области) / В. Н. Аргунова. – Текст: непосредственный // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. – 2013. – № 1. – (Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии). – С. 28–36.
5. Арктика на пороге третьего тысячелетия (ресурсный потенциал и проблемы экологии) / под ред. И. С. Грамберга, Н. П. Лаверова. – Санкт–Петербург: Наука, 2000. – 247 с. – Текст: непосредственный.
6. Артоболевский, С. С. Западный опыт реализации региональной политики: возможности и ограничения практического использования / С.С. Артоболевский. – Текст: непосредственный // Региональные исследования. – 2008. – № 3. – С. 3–16.
7. Артюхов, А. В. Молодёжь на Крайнем Севере: проблемы социализации и жизненного самоопределения (на примере городов и поселений Ямало–Ненецкого автономного округа) / А. В. Артюхов, Б. С. Павлов, А. В. Стожаров. – Екатеринбург, Салехард: Ин–т экон. УрО РАН, 2000. – 437 с. – Текст: непосредственный.
8. Афанасьев, Д. В. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели / Д. В. Афанасьев, Т. А. Гужавина, А. А.

- Мехова. – Текст: непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6. – С. 110–125.
9. Баранов, С. В. Особенности и сценарии социально-экономического развития современного Севера России / С. В. Баранов – Москва: Экономика, 2010. –238 с. – Текст: непосредственный.
10. Барбаков, О. М. Алгоритмы математического обеспечения. Комплекс распознавания «Эврика» / О. М. Барбаков, Е. М. Шапошникова. – Текст: непосредственный // Труды ЗапСибНИГНИ «Методы геологической интерпретации комплексных геофизических данных» / под ред. Ю. А. Будянского. – Тюмень, 1989. – С. 99–104.
11. Барбаков, О. М. Региональное управление: реалии и перспективы: монография / О. М. Барбаков. – Санкт-Петербург: Лань, 1999. – 317с. – Текст: непосредственный.
12. Барбаков, О. М. Система управления регионом: Детерминанты, информационные технологии, модели: диссертация... доктора социологических наук: 22.00.08 / О. М. Барбаков. – Тюмень, 1999. – 319 с. – Текст: непосредственный.
13. Барбаков, О. М. Регион как объект управления / О. М. Барбаков. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2002. – № 7. – С. 96–100.
14. Барбаков, О. М. Методика создания виртуальных полигонов в системе вузовского управления / О. М. Барбаков, О. М. Горева. – Текст: непосредственный // Академический вестник № 1: сборник научных трудов. – Тюмень: Тюменский государственный институт мировой экономики, управления и права (ТГИМЭУП), 2007. – 192 с. – С. 17–23.
15. Барбаков, О. М. Моделирование в системе управления городом / О. М. Барбаков. – Текст: непосредственный // Математические методы и модели в управлении, экономике и социологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2008. – С. 33–43.
16. Барбаков, О. М. Методология проведения социального эксперимента на

- виртуальном пространстве / О. М. Барбаков, В. Г. Киселев. – Текст: непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. – №8. – Социология. – Тюмень: Изд–во ТГУ, 2012. – С. 61–67.
17. Барбаков, О. М. Информационный менеджмент: учебное пособие / О. М. Барбаков, Ю. А. Зобнин, А. С. Еропкина. – Тюмень: Издательство ТюмГНГУ, 2014. – 272 с. – Текст: непосредственный.
18. Барбакова, К. Г. Интеллектуальный и нравственный потенциал общества и личности как основа перспективного развития региона / К. Г. Барбакова. – Текст: непосредственный // Глобализация, федерализм и региональное развитие: сборник тезисов. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2001. – С. 106–109.
19. Барковский, А. Н. Экономический потенциал Российской Арктики в области природных ресурсов и перевозок по СМП / А. Н. Барковский, С. С. Алабян, О. В. Морозенкова. – Текст: непосредственный // Российский внешнеэкономический вестник. – 2014. – № 12. – С. 44–48.
20. Бек, У. Общество риска: на пути к другому модерну / У. Бек. – Москва: Прогресс –Традиция, 2000. – 384 с. – Текст: непосредственный.
21. Беккер, Г. С. Человеческое поведение: экономический подход: избранные труды по экономической теории: перевод с английского / сост., науч. ред., послесл. Р. И. Капельюшников; предисл. М. И. Левин. – Москва: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с. – Текст: непосредственный.
22. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 956 с. – Текст: непосредственный.
23. Белоножко, М. Л. Специфика управления монопрофильными городами Тюменского севера / М. Л. Белоножко, Н. И. Крысин. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2002. – № 7. – С. 87–91.
24. Беляева, Л. А. Культурный и социальный капитал и напряженность социального пространства России / Л. А. Беляева. – Текст: непосредственный // Общественные науки и современность. – 2013. – № 5. – С. 51–64.

33. Будянский, Ю. А. Построение математической модели экономико-социологического ансамбля / Ю. А. Будянский, А. Н. Ермакова. – Текст: непосредственный // Труды ЗапСибНИГНИ «Экономические проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса» / под ред. Ю. А. Будянского. – 1990. – С. 25–34.
34. Бурдье, П. Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – Москва: SocioLogos, 1993. – 336 с. – Текст: непосредственный
35. Бурдье, П. Формы капитала / П. Бурдье. – Текст: непосредственный // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3.– № 5. – С. 60–74.
36. Бурдье, П. Социология социального пространства: пер. с фр. / П. Бурдье; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – Москва : Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 288 с. – Текст: непосредственный.
37. Бурдье, П. Поле экономики / П. Бурдье. – Текст: непосредственный // Социальное пространство: поля и практики. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. – С. 129–176.
38. Быченко, Д. Ю. Методологические основы исследования человеческого потенциала / Д. Ю. Быченко. – Текст: непосредственный // Известия Саратовского университета. – 2011. – Т. 11. – (Социология. Политология: вып. 2). – С.56–60.
39. Валеева, А. Ф. Интеллектуальный потенциал современного города: содержание, структура, функции и основные факторы / А. Ф. Валеева, М. А. Нураев. – Текст: непосредственный // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 1. – С. 134–137.
40. Ван Гиг Дж. Прикладная общая теория систем. В 2 книгах. Кн. 1 / Ван Гиг Дж. – Москва: Мир, 1981. – 336 с. – Текст: непосредственный.
41. Васильев, В. В. Методологические подходы к комплексному природохозяйственному выделению Арктической зоны России и определения ее южной границы / В. В. Васильев. – Текст: непосредственный // Развитие Севера

- и Арктики: проблемы и перспективы: тезисы докладов Всероссийской научно–практической конференции, Апатиты, 6–8 ноября 2013 г. – Апатиты, 2013. – С.14–17.
42. Воронин, Ю. А. Введение мер сходства и связи для решения геолого-геофизических задач / Ю. А. Воронин. – Текст: непосредственный // Доклады АН СССР, 199:5. – 1971. – С. 1011–1014.
43. Вебер, М. Избранные произведения: пер. с немецкого / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – Москва: Прогресс, 1990. – 808 с. – Текст: непосредственный.
44. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 томах. Т. 1 / М. Вебер. – Моства: изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – Социология. – 445 с. – Текст: непосредственный.
45. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – Москва: Прогресс, 1984. – 439 с. – Текст: непосредственный.
46. Вечкинзова, Е. А. К вопросу об определении понятия «Региональное развитие» / Е. А. Вечкинзова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2010. – №. 5. – С. 71–73.
47. Википедия: [сайт]. – URL: <https://ru.wikipedia.org>. – Текст: электронный.
48. Витязева, В. А. Социально-экономическое развитие Российского и зарубежного Севера / В. А. Витязева, Е. С. Котырло. – Сыктывкар, изд-во Сыктывкарского государственного университета, 2007. – 292 с. – Текст: непосредственный.
49. Воскобойников, А. Э. Системные исследования: базовые понятия, принципы и методология // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2013. – № 6 (ноябрь – декабрь). - URL: http://www.zpu-joumal.ru/e-zpu/2013/6/Voskoboinikov_Systems-Research/ (дата обращения: 12.09.2018). – Текст: электронный.
50. Всемирный банк. Доклад о мировом развитии за 2009 г. «Новый взгляд на экономическую географию». – Москва: Весь мир, 2009. – 404 с. – Текст:

непосредственный.

51. Выступление Владимира Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 25.05.2018. – <http://kremlin.ru/events/president/news/57556>. – Текст: электронный.
52. Гаврилова, Н. Ю. Основные тенденции в формировании населения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири в 60–80–е годы / Н. Ю. Гаврилова, В. П. Карпов. – Текст: непосредственный // Западная Сибирь: история и современность. – Тюмень, 2003. – Вып. 5. – С. 179–198.
53. Гаврин, А. С. Социальные проблемы Тюменского Севера на рубеже третьего тысячелетия / А. С. Гаврин. – Текст: непосредственный // Выбор пути. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2000.– С. 43–47.
54. Гагиев, Н. Н. Взгляды Российских и зарубежных ученых на проблему районирования и делимитации Северных территорий / Н. Н. Гагиев. – Текст: непосредственный // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – №20 (299). – С. 46–52.
55. Гайнанов, Д. А. Диагностика реализации социального потенциала регионов российской Арктики с позиций устойчивого развития / Д. А. Гайнанов, С. А. Кириллова, О. Г. Кантор. – Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. –2013. – № 376. – С. 132–136.
56. Гидденс, Э. Устроение общества. Очерки теории структурации / Э. Гидденс. – Москва: Акад. Проект, 2003. – 528 с. – Текст: непосредственный.
57. Гичиев, Н. С. Международный опыт повышения качества высшего образования / Н. С. Гичиев, Е. С. Павлюченко, Р. А. Атаханов. – Текст: электронный // Современные проблемы науки и образования: электронный журнал. – 2013. – № 5.
58. Голенкова, З. Т. Социальные группы современной России: генезис, реальность, перспективы: [монография] / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян. – Palmarium (academic publishing), 2012. – 136 с. – Текст: непосредственный.
59. Головнев, А. В. Этнологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Ямала. – Текст: непосредственный // Уральский исторический

- вестник. – 2014. – №2 (43). – С.143–153.
60. Горелов, Н. А. Инновационный аспект развития экономики и ее кадрового обеспечения (на примере Санкт–Петербурга). – Текст: электронный // КЭ. – 2015. – №9. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-aspekt_razvitiya-ekonomiki-i-ee-kadrovogo-obespecheniya-na-primere-sankt-peterburga (дата обращения: 11.11.2018).
61. Горлушкина, Н. Н. Задачи и методы интеллектуального анализа образовательных данных для поддержки принятия решений / Н. Н. Горлушкина, И. Ю. Коцюба, М. В. Хлопотов. – Текст: непосредственный // Образовательные технологии и общество. –2015. – №18(1). – С.472–482.
62. Горшков, М. К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность / М. К. Горшков. – Москва: Россспэн, 2003. – 510 с. – Текст: непосредственный.
63. Горяченко, Е. Е. Локальная территориальная общность в крупном городе (на примере Новосибирского Академгородка) / Е. Е. Горяченко, М. В. Литвинцева. – Текст: непосредственный // Крупные города и вызовы глобализации. – Смоленск: Ойкумена, 2003. – С.192–200.
64. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики / А. Г. Гранберг. – Москва: ГУ ВШЭ, 2006. – 495 с. – Текст: непосредственный.
65. Губенко, Д. В. «Глубинные» факторы регионального экономического роста. – Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2015. – №2(30). – С.105–115.
66. Гужавина, Т. А. Доверие в контексте неэкономических факторов модернизационного развития / Т. А. Гужавина. – Текст: непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 4. – С. 190–194.
67. Гурьев, В. И. Основы социальной статистики / В. И. Гурьев. – Москва: Финансы и статистика, 1991. – 176 с. – Текст: непосредственный.
68. Гутман, Г. В. Управление региональной экономикой / Г. В. Гутман, А. А. Мироедов, С. В. Федин. – Москва: Финансы и статистика, 2002. – 173 с. –

Текст: непосредственный.

69. Гэлбрейт, Дж. К. Общество изобилия / Дж К Гэлбрейт. – Москва: Изд–во Олимп–Бизнес, 2018. – 404 с. – Текст: непосредственный.
70. Демкив, О. Социальный капитал: теоретические основания исследования и операциональные параметры / О. Демкив. – Текст: непосредственный // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 4. – С. 99–111.
71. Дзobelова, В. Б. Экономический потенциал регионов России на примере СКФО / В. Б. Дзobelова, А. В. Олисаева. – Текст: непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 8 (часть 3) – С. 557–561.
72. Диценко, Н. И. Доверие как социальный феномен и условие экономического роста Арктического региона / Н. И. Диценко, Г. Ф. Ромашкина, Г. С. Ромашкин. – Текст: непосредственный // II МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2015. – № 4 (24). – С. 29–34.
73. Дискин, И. Е. Социальный капитал в глобальной экономике. – Текст: непосредственный // Общественные науки и современность. – 2003. – №5. – С. 150–159.
74. Добрынин, А. И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, Е. Д. Цыренова. – Санкт –Петербург: Наука, 1999. – 309 с. – Текст: непосредственный.
75. Доклад о социально–экономической ситуации в Ямalo–Ненецком автономном округе за 2018 год. – URL: <http://de.gov.yanao.ru> (дата обращения: 25.04.19). – Текст: электронный.
76. Докторович, А. Б. Социальный потенциал как предмет системного исследования. – Текст: непосредственный // Россия и современный мир. – 2007. – № 3. – С. 179–189.
77. Докторович, А. Б. Социальные действия, взаимодействия и отношения. – Текст: непосредственный // Пространство и Время. – №2. – 2012. – С. 65–70.
78. Доктрина развития Северо–Запада России / под руководством П. Щед-

- ровицкого. – Санкт-Петербург: Издательский дом Corvus, 2001. – 36 с. – Текст: непосредственный.
79. Доронина, Ф. Х. Современные подходы к определению понятия «Регион» / Ф. Х. Доронина. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. – 2016. – № 1 (16). – (Экономика и управление). – С. 72–77.
80. Дорофеев, В. Д. Роль качества жизни в формировании человеческого капитала / В. Д. Дорофеев, Г. Н. Тугускина. – Текст: непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 127–133.
81. Дрегало, А. А. Социальная сфера жизнедеятельности региона / А. А. Дрегало, В. И. Ульяновский. – Текст: непосредственный // В НИР: Социальное пространство и потенциал региона. РГНФ. – № 05–03–48304 а/с. – С. 148–149, 157.
82. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение: пер. с фр. / Э. Дюркгейм; сост., вступ. ст. и примеч. А. Гофмана. – Москва: Канон, 1995. – 400 с. – Текст: непосредственный.
83. Ежегодное послание президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию от 01.12.2016 г. – Текст: непосредственный // Российская газета. – Столичный выпуск №274 (7142).
84. Замятиной, Н. Ю. Арктическая урбанизация как фронтир / Н. Ю. Замятиной. – Текст: непосредственный // Научный вестник ЯНАО. Обдория: история, культура, современность. – № 3(92). – 2016. – С. 114–120.
85. Заславская, Т. И. Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность. Статья 1. Социальные особенности и взаимодействия в проблемной институциональной среде / Т. И. Заславская, М. А. Шабанова. – Текст: непосредственный // Общественные науки и современность. – 2012. – № 4. – С. 5–23.
86. Заславская, Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т. И. Заславская. – Текст: непосредственный // ОНС: Общества, науки и современность. – 2005. – № 3. – С. 5–16.

87. Зевс Керравала. 10 главных принципов построения сети для цифровизации / Зевс Керравала. – 2016. – 11 с. – Текст: непосредственный.
88. Зернаев, А. С. Развитие теоретико-методологических аспектов оценки влияния параметров институциональной среды на социально-экономическую систему региона. – Текст: непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2013. – № 8–1 (151). (Экономика. Информатика). – С. 5–11.
89. Зборовский, Г. Е. Региональное социальное пространство как социологический феномен / Г. Е. Зборовский. – Текст: непосредственный // Социум и власть. – 2010. – № 4. — С.11–20.
90. Зубаревич, Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика. – Текст: непосредственный // Региональные исследования. – 2010. – № 2. – С. 3–14.
91. Иванов, В. Н. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления / В. Н. Иванов, В. И. Патрушев. – URL: <http://vuzlib.su>. – Текст: электронный.
92. Иванов, О. И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование) / О. И. Иванов; ИПРЭ РАН. СПбГУ. – Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2013. – 336 с.
93. Иванов, О. И. Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2014. – № 6. – С. 89–95.
94. Инвестиционный климат в России: опыт оценки и пути улучшения: доклад экспернского института. – Текст: непосредственный // Вопросы экономики. – 1999. – № 9. – С. 57–67.
95. Информация о ходе реализации мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Ямало-Ненецком автономном округе по состоянию на 01.04.2019 года. – URL: <https://de.yanao.ru/documents/reports/7905/> (дата обращения 23.06.2019). – Текст: электронный.
96. ЕМИСС. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/31018> (дата обращения

- 29.04.2019). – Текст: электронный.
97. Каргаполова, Е. В. Категория «потенциала региона»: специфика проблемного поля. – Текст: непосредственный // Научный потенциал регионов России на службу модернизации: межвузовский сборник научных статей. – Астрахань. – 2013. – №1. – С. 144–154.
98. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / под науч. ред. О. И. Шкарата. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с. – Текст: непосредственный.
99. Каширин, С. В. Институциональные факторы развития социального потенциала регионов / С. В. Каширин. – Текст: электронный // Управление экономическими системами. — 2015. — 1(73). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-faktory-razvitiya-sotsialnogo-potentsiala-regionov> (дата обращения 23.01.2019).
100. Кижава, А. В. Обеспечение экологической безопасности Арктического региона как важный вектор Российской политики / А. В. Кижава. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2016. – № 7. – С. 53–60.
101. Киричук, С. М. От местного управления к местному самоуправлению / С. М. Киричук. – Тюмень: Вектор Бук, 2005. – 262 с. – Текст: непосредственный.
102. Киричук, С. М. Российский север: экономическая роль и социальная ситуация / С. М. Киричук, А. Н. Силин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 24 (353). – С. 10–12.
103. Клемина, Т. Н. Управление человеческими ресурсами и результаты деятельности организации: теоретические дебаты и эмпирические исследования / Т. Н. Клемина. – Текст: непосредственный // Российский журнал менеджмента. – 2008. – Т. 6. – № 3. – С. 51–58.
104. Козина, Е. В. Проблемы определения и оценки экономического потенциала региона / Е. В. Козина, С. В. Гостева. – Текст: электронный // Науковедение: интернет–журнал. – 2016. – Том 8. – № 5

[http://naukovedenie.ru/PDF/99EVN516.pdf.](http://naukovedenie.ru/PDF/99EVN516.pdf)

105. Козырева, П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – 43–54.
106. Колесниченко, Е. А. Методические аспекты оценки ресурсного потенциала региона / Е. А. Колесниченко, Н. Н. Нестерова. – Текст: непосредственный // Вестник Тамбовского университета. – 2013. – № 6 (122). – (Гуманитарные науки). – С. 20–26.
107. Коллингвуд, Р. Дж. Новый Левиафан или человек, общество, цивилизация и варварство / Р. Дж. Коллингвуд. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 1991. – № 11. – С. 97–114.
108. Комаров, М. С. О понятии социального института / М. С. Комаров. – Текст: непосредственный. – Текст: непосредственный // Введение в социологию. – Москва: Наука, 2004. – 317 с.
109. Комплексные климатические стратегии для устойчивого развития регионов российской Арктики в условиях изменения климата (модельный пример Мурманской области). – Москва: РРЭЦ, ПРООН, 2009. – 47 с. – Текст: непосредственный.
110. Кондратович, Д. Л. Оценка качества жизни населения северного региона / Д. Л. Кондратович, М. В. Ульченко. – Текст: электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=15584> (дата обращения: 06.03.2019).
111. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (в ред. Постановлений Правительства РФ от 10.02.2017 N 172, от 28.09.2018 N 1151). – Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.
112. Концепция социально-экономического развития районов Севера: одобрена распоряжением Правительства РФ от 18.01.1992 № 107-р. – URL: <http://poisk-zakona.ru/265274.html>. – Текст: электронный.

113. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. – URL: <http://www.minregion.ru>. – Текст: электронный.
114. Конышев, В. Н. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? / В. Н. Конышев, А. А. Сергунин; под ред. И. В. Прокопьева. – Москва: РИСИ, 2011. – 194 с. – Текст: непосредственный
115. Коньков, А. Т. Социальный капитал и экономическое взаимодействие: монография. – Москва: Изд–во РУДН, 2007. – 224 с. – Текст: непосредственный
116. Корчак, Е. А. Уровень жизни населения регионов Севера и Арктики РФ / Е. А. Корчак. – Текст: непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2018. – № 7–3. – С. 605–609.
117. Костко, Н. А. Социальное управление развитием региона / Н. А. Костко. – Тюмень: ТГИМЭУП, 2003. – 284 с. – Текст: непосредственный.
118. Котлярова, С. Н. Подходы к исследованию состояния и развития инфраструктуры региона / С. Н. Котлярова. – Текст: непосредственный // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – №40 (223). – С. 23–28.
119. Критский, М. М. Человеческий капитал / М. М. Критский. – Л.: ЛГУ, 1991.–120 с. – Текст: непосредственный.
120. Кузнецова, О. В. Региональная политика России: дискуссионные вопросы современного этапа развития. – Текст: непосредственный // Региональные исследования. – №4 (54). –2016. – С.10–16.
121. Кургузов, В. Л. Культурный потенциал: проблема сущности и понятия. – Текст: непосредственный // Культура и цивилизация. – 2014. – № 3. – С. 18–34.
122. Курочкин, А. В. «Открытое правительство» как новая модель управления в условиях сетевого общества. – Текст: непосредственный // Вестник Санкт–Петербургского университета. – 2013. – № 4. – (Серия 6. Политология. Международные отношения). – С. 86–93.
123. Курочкин, А. В. Государственное управление и инновационная полити-

- ка в условиях сетевого общества: дис....док. полит. наук: 23. 00.02. – Санкт–Петербург, 2014. – 295 с. – Текст: непосредственный.
124. Куюнцева, И. И. Оценка интеллектуального капитала региона / И. И. Куюнцева, М. И. Куюнцева. – Текст: непосредственный // Terra economicus. – 2011. – Т. 9. – № 3. – Ч. 3. – С. 123–126.
125. Ландабасо, А. К вопросу о теории регионального развития. – Текст: непосредственный // Федерализм. – 1998. – №1. – С. 33–42.
126. Ларченко, Л. В. Современная Арктика: проблемы освоения и социально-экономического развития. – Текст: непосредственный // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 11. – С. 2–13.
127. Левашов, В. К. Устойчивое развитие общества: парадигма, модели, стратегия / В. К. Левашов. – Москва: Academia, 2001. – 176 с. – Текст: непосредственный.
128. Лексин, В. Н. Государственное управление развитием Арктической зоны Российской Федерации: задачи, проблемы, решения / В. Н. Лексин, Б. Н. Порфириев. – Москва: Научный консультант, 2016. – 194 с. – Текст: непосредственный.
129. Лесина, Л. А. Формирование профессионального потенциала: изучение самооценок молодежи / Л. А. Лесина. – Текст: непосредственный // XVIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 19–20 марта 2015 г. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. – С. 1302–1309.
130. Липов, В. В. Институциональная комплементарность и дуализм методологии исследования социально-экономических систем / В. В. Липов. – Текст: непосредственный // Теоретическая экономика. – 2013. – № 6. – С. 26–35.
131. Лукин, Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире: монография. – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. – 284 с. – Текст: непосредственный.
132. Лукин, Ю. Ф. Российская Арктика или Арктическая зона / Ю. Ф. Лу-

- кин. – Текст: непосредственный // Арктика и Север. – 2016. – №23. – С. 171–185.
133. Луман, Н. Понятие общества / Н. Луман. – Текст: непосредственный // Проблемы теоретической социологии. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1994. – С. 25–42.
134. Луман, Н. Решения в «информационном обществе» / Н. Луман. – Текст: непосредственный // Проблемы теоретической социологии: межвузовский сборник. Вып. 3 / отв. ред. А. О. Бараноев. – Санкт-Петербург: Изд–во Санкт-Петербургского университета. – 2000. – С. 29–42.
135. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории: пер. с нем. /Н. Луман; пер. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 641 с. – Текст: непосредственный.
136. Магомедов, Р. М. Методологические подходы к государственному регулированию регионального развития / Р. М. Магомедов, И. Ю. Гашимова. – Текст: непосредственный // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2017. – № 8 (82). – С. 39–47.
137. Малышева, Е. В. Образование коренных малочисленных народов Арктики: проблемы и перспективы развития / Е. В. Малышева, И. Л. Набок. – Текст: непосредственный //Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2015. – № 1(34). – С.139–144.
138. Мангейм, К. Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. / К. Мангейм. – Москва: Юрист, 1994. – 693 с. – Текст: непосредственный.
139. Маркин, В. В. Региональная социология и управление: дорожная карта взаимодействия / В. В. Маркин. – Текст: непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5 (35). – С. 135–142.
140. Маркин, В. В. Человеческий и социальный потенциал в реализации арктического проекта России / В. В. Маркин. – Текст: непосредственный // Человек в Арктике: инновационные технологии решения социальных проблем: монография / отв. ред. А. Н. Силин. – Тюмень: ТИУ, 2017. – С. 6–19.

141. Маркин, В. В. Пространственное развитие России: новые вызовы и социальные смыслы региональных политico-управленческих практик: тезисы доклада на Ученом совете ФНИСЦ РАН от 04.04.2018 г. / В. В. Маркин. – 2018. – Текст: непосредственный.
142. Маркс, К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1858 годов) / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Текст: непосредственный // Сочинения. – Изд. 2–е. – Москва: Издательство политической литературы, 1968. — Т. 46–1. – 560 с. – Текст: непосредственный.
143. Мартынов, В. Л. Границы Арктики и границы в арктике / В. Л. Мартынов, В. Ю. Кузин. – Текст: электронный // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2018. – №2 (16). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/granitsy-arktiki-i-granitsy-v-arktike> (дата обращения: 23.04.2019).
144. Капустин Б. Г. Гражданство и гражданское общество / Б. Г. Капустин. – Москва: Издательский дом Гос. ун-та ВШЭ, 2011. – С. 143–223. – Текст: непосредственный.
145. Маскайкин, Е. П. Потенциал развития региона: сущность, структура, методика оценки и направления развития / Е. П. Маскайкин, Т. В. Арцер. – Текст: непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2009. – № 21 (154). – (Экономика и менеджмент). – С. 47–53.
146. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы: пер. с англ. / А. Маслоу. – Москва: Смысл, 1999. – 425 с. – Текст: непосредственный.
147. Межевич, Н. М. Определение категории «Регион» в современном научном дискурсе / Н. М. Межевич. – Текст: непосредственный // Псковский регионологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 3–21.
148. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. – Москва: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с. – Текст: непосредственный.
149. Методология районирования территорий для управления формированием трудовых ресурсов в северных районах / Г. П. Лузин [и др.]. – Апатиты: Кольский научный центр ИЭП РАН, 1996. – 98 с. – Текст: непосредственный.

150. Мещерякова, Н. Н. Социологическая экспликация синергетических идей / Н. Н. Мещеряков. – Текст: непосредственный // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: IV Очередной Всероссийский социологический конгресс: Сессия 2. XIV Харчевские чтения. Измерения социологического знания. – Москва: Наука, 2003. – С. 336–344.
151. Министерство по делам Арктики и северных территорий (проект). – URL: http://politinfo.ru/images/data/gallery/0_46_po_delam_Arktiki.pdf (дата обращения: 23.04.2018).. – Текст: электронный.
152. Мозговая, Т. М. Социально-политическое доверие как объект социологического анализа: автореферат дис.... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Т. М. Мозговая. – Москва, 1999. – 25 с. – Текст: непосредственный.
153. Мосиенко, Н. Л. Социально-территориальная структура пространства городской агломерации / Н. Л. Мосиенко. – Новосибирск: ИЭОПП, 2010.– 164 с. – Текст: непосредственный.
154. Мостовая, Е. Б. Двойственность субъекта экономической деятельности / Е. Б. Мостовая; отв. ред. Л. М. Рувинская, В. П. Фофанов. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1993. – 222 с. – Текст: непосредственный.
155. Некрасов, Н. Н. Региональная экономика / Н. Н. Некрасов. – Изд. 2–е. – Москва: Экономика, 1978.–340 с. – Текст: непосредственный.
156. Неустроев, Н. Д. Образование на Севере как фактор развития коренных малочисленных народов / Н. Д. Неустроев, А. Н. Неустроева. – Текст: электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=10595> (дата обращения: 02.04.2019).
157. Нефедова, Т. Г. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России / Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш. – Текст: непосредственный // Региональные исследования. – 2010. – № 2. – С. 42–57.
158. Никитин, В. А. Некоторые проблемы разработки концептуальных основ теории социально работы / В. А. Никитин. – Москва: АНО «СПО «СОТИС», 2008. – 144 с. – Текст: непосредственный

159. Никулин, А. А. Полезные ископаемые Арктической зоны России: потенциал и перспективы освоения. – Текст: непосредственный // Проблемы национальной стратегии. – 2017. – №1(40). – С. 163–187.
160. Нилов, В. Методы измерения социального капитала и их использование в научных исследованиях / В. Нилов. – Текст: непосредственный // Социальная инноватика в региональном развитии: сборник материалов V школы молодых ученых. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. – С. 141–149.
161. Новикова, Н. И. Коренные народы Российского Севера и нефтегазовые компании: преодоление рисков / Н. И. Новикова. – Текст: непосредственный // Арктика: экология и экономика. – №3(11). –2013.–С. 102–111.
162. Новикова, С. С. Социология: история, основы, институционализация в России / С. С. Новикова. – Москва: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО "МОДЭК", 2000. – 306 с. – Текст: непосредственный.
163. Норт, Дуглас. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Дуглас Норт; пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с. – Текст: непосредственный.
164. Нураев, М. А. Теоретико-методологические основы исследования качества социального потенциала региона. – Казань: Изд–во Казанского университета, 2006. – 182 с. – Текст: непосредственный.
165. О состоянии гражданского общества в Ямало-Ненецком автономном округе в 2018 году: ежегодный доклад. – URL: <https://ks-yanao.ru/ofitsialno/ezhegodnyy-doklad-o-sostoyanii-grazhdanskogo-obshchestva-v-yamalonenskom-avtonomnom-okruge-v-2018.html> (дата обращения 07.09.2019). – Текст: электронный.
166. Общая социология / под общ. ред. проф. А. Г. Эфендиева. – Москва: ИНФРА–М, 2000. – 654 с. – Текст: непосредственный.
167. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю.

- Шведова. – Москва: А ТЕМП, 2013. – 880 с. – Текст: непосредственный.
168. Осадчая, Г. И. Потенциал социальный / Г. И. Осадчая. Текст: непосредственный // Социологическая энциклопедия. Т. 2 / руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин; главный редактор В. Н. Иванов. – Москва: Мысль, 2003. – С. 236–237.
169. Осипов, Г. В. Институциональная социология / Г. В. Осипов, А. И. Кравченко. – Текст: непосредственный // Современная западная социология: словарь. – Москва: Мысль, 1990. – С. 118–119.
170. Основной федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». – URL: <http://www.consultant.ru/document>. – Текст: электронный.
171. Основные положения региональной политики в Российской Федерации. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9452> (дата обращения 25.04.2018). – Текст: электронный.
172. Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и на дальнейшую перспективу № Пр-1969 от 18.09.2008. – Текст: непосредственный // Российская газета. – Столичный выпуск № 4877 (0) от 27 марта 2009 г.
173. Остапенко, Н. В. Оценка влияния институциональной среды на развитие малого предпринимательства. – Текст: непосредственный // Механизм регулирования экономики. – 2013. – № 3. – С. 156–163.
174. Остроумов, А. И. Региональная политика в современной России: состояние и тенденции развития / А. И. Остроумов, О. Ф. Остроумова. – Текст: непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12 (62). Часть 3. – С. 119–123.
175. Пальмов, С. В. Интеллектуальные системы и технологии / С. В. Пальмов. – Самара: ПГУТИ, 2017. – 196 с. – Текст: непосредственный.
176. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – Москва: Акад. Про-

- ект, 2002. – 832 с. – Текст: непосредственный.
177. Патнэм, Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм. – Москва: Ad Marginem, 1996. – 287 с. – Текст: непосредственный.
178. Петрина, О. А. Комфортная городская среда: тенденции и проблемы организации / О. А. Петрина, М. Е. Стадолин. – Текст: непосредственный // Вестник университета. — 2018. — № 6.— С. 34–38.
179. Погодин, Ю. А. Оценка качества институциональной среды с помощью индексов экономической свободы, демократизации и верховенства закона / Ю. А. Погодин. – Текст: непосредственный // Проблемы экономики. – 2006. – № 2 (9). – С. 3–107.
180. Полищук, Е. А. Социальный капитал и его роль в экономическом развитии / Е. А. Полищук. – Текст: непосредственный // Вестник Санкт–Петербургского университета. – Серия 5. – Экономика. – №1. – 2005. – С. 10–16.
181. Полищук, Л. И. Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния / Л. И. Полищук. – Текст: электронный // Официальный сайт Фонда «Либеральная миссия». – URL: <http://www.liberal.ru/articles/5265>.
182. Полян, П. М. Территориальные структуры в науке и практике / П. М. Полян, А. И. Трейвиш. – Текст: непосредственный // Новое в жизни, науке, технике. – Т. 12. –Москва: Знание, 1988. – С. 1–48.
183. Попов, А. И. Медико-социальные проблемы жителей Ямала: стресс и удовлетворенность жизнью / А. И. Попов, Т. Л. Попова. – Текст: непосредственный // Научный вестник ЯНАО. – 2015. – №3(88). – С. 63–66.
184. Попов, А. И. Теоретические основы формирования инновационно-креативной экономики: переход от homo economicus к модели homo creator / А. И. Попов, С. А. Иванов. – Текст: электронный // КЭ. – 2009. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-formirovaniya-innovatsionno-kreativnoy-ekonomiki-perehod-ot-homo-economicus-k-modeli-homo-creator> (дата обращения: 11.11.2018).

185. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 «Послание Президента Федеральному Собранию». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения 01.12.2018). – Текст: электронный.
186. Постановление законодательного собрания ЯНАО от 14 декабря 2011 года № 839 «О стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года» (с изменениями на: 15.12.2016). <http://docs.cntd.ru/document/424064239>. – Текст: электронный.
187. Постановление от 25 декабря 2013 года № 203–ПГ «Об утверждении Инвестиционной стратегии Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года» (с изменениями на 20 декабря 2018 года). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/428667633>. – Текст: электронный.
188. Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» № Пр–366 от 21.04.2014. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 24.04.2014. – Текст: электронный.
189. Постановление Правительства РФ от 21.04.2014 N 366 (ред. от 17.12.2014) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года». – Текст: непосредственный
190. Предварительный прогноз социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на 2019–2024 годы. – URL: <https://de.yanao.ru/activity/13/>. – Текст: электронный.
191. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года. – Москва: Март, 2013. – 354 с. – Текст: непосредственный.
192. Прогноз социально-экономического развития РФ на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов, разработанный Минэкономразвития России. – URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMacro/20151026>. – Текст: электронный.

193. Прогноз социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на 2019–2021 годы. – URL: <https://de.yanao.ru/activity/13/>. – Текст: электронный.
194. Программа «Цифровая экономика РФ» от 28 июля 2017 г. № 1632-р. – URL: <http://www.consultant.ru/document>. – Текст: электронный.
195. Протасов, А. С. Соотношение понятий «Регион» и «Региональная экономика» с позиций системного подхода / А. С. Протасов. – Текст: непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 53–56.
196. Павлова, Е. В. Методологический анализ понятия «социальный потенциал» / Е. В. Павлова. – Текст: непосредственный // Международный научный журнал «Иновационная наука». – 2015. – № 7. – С. 167–170.
197. Путин, В. В. «О стратегии развития России до 2020 года» – Выступление В. В. Путина на расширенном заседании Государственного совета 8 февраля 2008. – г. Москва. Кремль. – URL: www.president.kremlin.ru. – Текст: электронный.
198. Развитие потенциала молодежи в процессе профессионального образования: монография. – Курган: Изд–во Курганского гос. ун–та, 2010. – 110 с. – Текст: непосредственный.
199. Районирование Севера России: новые подходы / под ред. А. А. Аверкова, Н. А. Волгина. – Москва: Изд–во РАГС, 2011. – 173 с. – Текст: непосредственный.
200. Ракша, С. В. Институционализация социального капитала в рыночной экономике: автореферат дис... канд. экон. наук. – Ростов н/Дону, 2005. – 27 с. – Текст: непосредственный.
201. Распоряжение правительства РФ от 13.02.2019 N 207-Р «Об утверждении стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». – Текст: электронный // Кодексы и законы. Правовая навигационная система. – URL: https://www.zakonrf.info/rasporiazhenie-pravitelstvo-rf-207-r-13_022019/ (дата обращения 26.02. 2019).

202. Регионы России. Социально–экономические показатели. 2018: статистический сборник / Росстат. – Москва, 2018. – 1162 с. – Текст: непосредственный.
203. Рейтинг регионов России по экономическому потенциалу. – Текст: непосредственный // Рейтинги. – 2010.–№ 8. – С.10–12.
204. Римашевская, Н. М. Качественный потенциал населения России, взгляд в XXI век / Н. М. Римашевская. – Текст: непосредственный // Проблемы прогнозирования. – 2001. – № 3. – С. 37–39.
205. Российская Арктика: современная парадигма развития / под ред. акад. А. И. Татаркина. – Санкт-Петербург: Нестор–История, 2014. – 844 с. – Текст: непосредственный.
206. Савельев, А. В. Обзор подходов к определению понятия «Регион» / А. В. Савельев. – Текст: непосредственный // Известия Санкт–Петербургского государственного экономического университета. – 2013. – № 6 (84). – С. 146–148.
207. Сивелькин, В. А. Статистическая оценка инвестиционного климата на региональном уровне / В. А. Сивелькин, В. Е. Кузнецов. – Текст: непосредственный // Вопросы статистики. – 2003. – № 11. – С. 64–68.
208. Силин, А. Н. Социальные проблемы Арктического региона. – Тюмень: ТИУ, 2016.–241с. – Текст: непосредственный.
209. Скопина, И. В. Основные подходы к исследованию и оценке эффективности развития социальной инфраструктуры региона / И. В. Скопина, О. В. Скопин, А. А. Грабар. – Текст: непосредственный // Региональная экономик: теория и практика. – № 21 (56). – 2010. – С. 9–12.
209. Славин, С. В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. –Москва: Экономиздат, 1961. – 304 с. – Текст: непосредственный.
210. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – Москва: Феникс, 1994. – 688 с. – Текст: непосредственный.
211. Сморгунов, Л. В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке / Л. В. Сморгунов. – Санкт-

- Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2012. – 362 с. – Текст: непосредственный.
212. Соболева, И. В. Человеческий потенциал российской экономики. Проблема сохранения и развития / И. В. Соболева. – Москва: Наука, 2007. – 201 с. – Текст: непосредственный.
213. Соболева, И. В. Воспроизводство человеческого потенциала (теория, методология, приоритетные направления): диссертация... д-ра экон. наук: 08.00.01 / И. В. Соболева. – Москва, 2006. – 297 с. – Текст: непосредственный.
214. Совершенствование системы государственного экономического регулирования в регионах Севера России / коллектив авторов под рук. В. С. Селина, В. В. Васильева. – Апатиты: НЭП КНЦ РАН, 2002. – 224 с. – Текст: непосредственный.
215. Сорокин, П. А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика: учение о строении простейшего (родового) социального явления / П. А. Сорокин. – Москва: Наука, 1993. – 447 с. – Текст: непосредственный.
216. Социальный потенциал региона как фактор развития северных территорий: монография / А. А. Дрегало, В. И. Ульяновский, В. В. Брызгалов [и др.]; под ред. академика РАСН, проф. А. А. Дрегало, академика РАСН, проф. В. И. Ульяновского. – Архангельск: Изд-во СГМУ, 2008. – 4 00 с. – Текст: непосредственный.
217. Социологическое исследование: методы, методика, математика и статистика: словарь-справочник. – Текст: непосредственный // Социология. Т. 4 / под ред. Г. В. Осипова. – Москва: Наука, 1991. – С.178.
218. Спиридовон, С. П. Институциональные индикаторы качества жизни / С. П. Спиридовон, Е. В. Нижегородов, Б. И. Герасимов. – Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. – 136 с. – Текст: непосредственный.
219. Старцев, Я. Ю. Нормативное описание Российской Арктической политики: освоение сырьевой периферии или региональное развитие. – Текст: непосредственный // Дискурс–Пи. – 2016. – № 3–4. – С. 193–209.

220. Степанов, Р. Г. Технология Data Mining: Интеллектуальный Анализ Данных / Р. Г. Степанов. – Казань, 2008. – 58 с. – Текст: непосредственный.
221. Стоимость жизни и ее измерение / Л. Г. Зубова, Н. В. Ковалева, М. Д. Красильникова [и др.]; под ред. В. М. Рутгайзера, С. П. Шпилько. – Москва: Финансы и статистика, 1991. – 173 с. – Текст: непосредственный.
222. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. – Текст: электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. – 12.05.2009. – URL: http://www.mid.ru/foreignpolicy/official_documents-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/294430.
223. Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» от 10.07.2018. – URL: <http://legalacts.rn/doc/strategija-razvitiya-arkticheskoi-zony-rossiiskoi-federatsii-i/1>. – Текст: электронный.
224. Субетто, А. И. Управление качеством и выживаемость человека / А. И. Субетто. – Текст: непосредственный // Стандарты и качество. – 2011. – № 1, 2, 3. – С. 39–48.
225. Сукнёва, С. А. Демографический потенциал развития населения северного региона / С. А. Сукнёва. – Новосибирск: Наука, 2010. – 288 с. – Текст: непосредственный.
226. Татарко, А. Н. Социальный капитал современной России: психологический анализ / А. Н. Татарко. – Текст: непосредственный // Вестник МГГУ. Педагогика и психология. – 2012. – № 3. – С. 68–82.
227. Технологии анализа данных. Data Mining, Visual Mining, Text Mining, OLAP / А. А. Барсегян, М. С. Куприянов [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: БХВ–Петербург, 2007. – 384 с. – Текст: непосредственный.
228. Тихонова, Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2004. – №4. – С. 24–35.
229. Ткачева, Н. А. Трансформация миграционных процессов на Тюменском Севере: [монография] / Н. А. Ткачева. – Тюмень: Изд–во «Вектор Бук»,

- 2010.– 144 с.
230. Тобиен, М. А. Проблемы современной трактовки и измерения категории «человеческий капитал». – Текст: непосредственный // Вестник ВГУ. – 2014. – №2(2). – (Экономические науки). – С.106–118.
231. Подходы к районированию и определению границ Арктической зоны Российской Федерации / В. Э. Тоскунина, О. В. Губина, А. А. Проворова [и др.]. – Текст: непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6 (30). – С. 69–78.
232. Тофлер, Э. Метаморфозы власти: пер. с англ. / Э. Тоффлер. – Москва: Изд-во АСТ, 2003. – 669 с. – Текст: непосредственный.
233. Тургель, И. Д. Оценка потенциала саморазвития муниципальных образований: теория и практика: монография / И. Д. Тургель, А. А. Победин, О. М. Трофимова [и др.]. – Екатеринбург: УрИ РАНХиГС, 2012. – 212 с. – Текст: непосредственный.
234. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. – Москва: Научный мир, 1998. – 204 с. – Текст: непосредственный.
235. Турчинов, А. И. Социальный потенциал модернизации России: проблемы исследования / А. И. Турчинов. – Текст: непосредственный // Социальный потенциал модернизации России: материалы X межвузовской научно-практической конференции, Москва, РАГС, 27 апреля 2010 года. – Москва.: Изд–во РАГС. – 2010. – С. 8–11.
236. Указ Президента РФ от 09.05.2017 №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы». – URL: [/http://www.consultant.ru/document](http://www.consultant.ru/document). – Текст: электронный.
237. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер; под ред. Е. Л. Вартановой. – Москва: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
238. Фаузер, В. В. Демографический потенциал северных регионов России как фактор экономического освоения Арктики / В. В. Фаузер. – Текст: непосредственный // Арктика и Север. — 2013. — № 10. – С. 19–47.
239. Фаузер, В. В. Население северных регионов: от количественных показа-

- телей к качественному измерению / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер, В. А. Залевский. – Сыктывкар: Изд–во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. — 40 с. – Текст: непосредственный.
240. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года N 273–ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». – URL: <http://www.consultant.ru/document>. – Текст: электронный.
241. Форрестер, Дж. Мировая динамика / Дж. Форрестер; пер. с англ. А. Н. Ворошука, С. А. Пегова; под ред., с предисл. и послесл. Д. М. Гвишиани, Н. Н. Моисеева. – Москва: Наука, 1978. – 168 с. – Текст: непосредственный.
242. Фромм, Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни / Э. Фромм; пер. с англ. П. С. Гуревича. – Москва: Айрис–пресс, 2004. – 384 с. – Текст: непосредственный.
243. Хабермас, Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории / Ю. Хабермас. – Санкт-Петербург: Наука, 2001. – 380 с. – Текст: непосредственный.
244. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – 380 с. – Текст: непосредственный.
245. Хайруллина, Н. Г. Социологическая диагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. – Тюмень: Изд–во ТюмГНГУ, 2000. – 466 с. – Текст: непосредственный.
246. Хентце, И. Теория управления кадрами в рыночной экономике / И. Хентце, Й. Метцнер. – Москва: Международные отношения, 1997. – 664 с. – Текст: непосредственный.
247. Хмельницкий, С. А. Теория социального капитала: институциональный подход / С. А. Хмельницкий. – Текст: непосредственный // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2009. – №2. – С. 120–125.
248. Эволюция экономической категории «капитал». Человеческий капитал. Социальный капитал. – Текст: непосредственный // Экономика и управление.

- 2009. – №2 (18). – С. 28–32.
249. Человек в Арктике: инновационные технологии решения социальных проблем: монография / отв. ред. А. Н. Силин. – Тюмень: ТИУ, 2017. – 162 с. – Текст: непосредственный.
250. Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование: монография / В. Т. Смирнов, И. В. Сошников, В. И. Романчин, И. В. Скоблякова; под ред. д.э.н., профессора В. Т. Смирнова. – Москва: Машиностроение–1; Орел: ОрелГТУ, 2005. – 513 с. – Текст: непосредственный.
251. Чернавский, И. Ф. Инфраструктура сельскохозяйственного производства: (Вопросы теории и практики) / И. Ф. Чернавский. – Москва: Экономика, 1979. – 232 с. – Текст: непосредственный.
252. Черноусова, Л. Н. Социальное взаимодействие: понятие, уровни, методологические традиции / Л. Н. Черноусова. – Текст: непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 12. – Ч. 1. – С. 214–216.
253. Чубукова, И. В. Data Mining: пособие / И. В. Чубукова. – Интернет-университет информационных технологий, 2008. – 382 с. – Текст: непосредственный.
254. Шафиков, М. Т. Методология исследования научно-образовательного потенциала / М. Т. Шафиков. – Уфа: Гилем, 2003. – 164 с.. – Текст: непосредственный.
255. Шедъко, Ю. Н. Совершенствование механизмов управления устойчивым развитием региона: диссертация ... доктора экономических наук / Ю. Н. Шедъко. – Москва, 2016. – 354 с. – Текст: непосредственный.
256. Шедъко, Ю. Н. Параллели устойчивого развития и экономического роста в регионе: влияние внутреннего спроса / Ю. Н. Шедъко. – Текст: непосредственный // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2014. – Т. 188. – С. 68–77.
257. Шестаков, А. А. Эвристическая модель «*Homo Economicus*» и ее роль в

- формировании экономической теории / А. А. Шестаков. – Текст: непосредственный // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – № 8 (130). – С. 169–175.
258. Шнипер, Р. И. Регион: экономические методы управления. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. – 320 с. – Текст: непосредственный.
259. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 704 с. – Текст: непосредственный.
260. Штульберг, Б. М. Региональная политика России: теоретические основы, задачи и методы реализации / Б. М. Штульберг, В. Г. Введенский. – Москва: Гелиос АРВ, 2000. – 208 с. – Текст: непосредственный.
261. Штырбул, С. А. Социальный капитал и социальный потенциал: субъекты и функции: автореф. дис.... канд. экон. наук: 08.00.01 / С. А. Штырбул; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2010. – 27 с. – Текст: непосредственный.
262. Экологическая доктрина Российской Федерации. – Текст: электронный // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации: [сайт]. – – 16.01.2013. – – URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=133908>. – Текст: электронный.
263. Экономика США в будущем (проблемы и прогнозы) / пер. с англ. А. К. Арского, А. Н. Арянина, В. А. Бирюкова [и др.]; под общ. ред. В. И. Данилова–Данильяна. – Москва: Прогресс, 1982. – 512 с. – Текст: непосредственный.
264. Юдин, Б. Г. Концепция человеческого потенциала как программа исследований. – Текст: непосредственный // Человек – Философия – Гуманизм: основные доклады и обзоры Первого российского философского конгресса (4–7 июня 1997 г.). – Т. 9. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 47–54.
265. Юсупов, К. Н. Региональная экономика / К. Н. Юсупов, А. Р. Таймасов, А. В. Янгиров, Р. Р. Ахунов. – Москва: Кнорус, 2006. – 232 с. – Текст: непосредственный.

266. Юсуфов, М. М. Концептуализация понятия «Социальный институт» в современной социологии / М. М. Юсуфов. – Текст: непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – №4(9). – С. 162–166.
267. Ямало-Ненецкий автономный округ в цифрах: краткий статистический сборник (веб. версия) / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу - Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.– Т. 1. – 2017. – 75 с. – Текст: непосредственный.
268. Armstrong, T. Ethical Problems in Northern Development / T. Armstrong. – Direct text // Polar Record. –1978.–V. 19, N. 118. – P. 3–9.
269. Armstrong, M. A. Armstrong's Handbook of Strategic Human Resource Management / M. A. Armstrong. – 5th ed. – KoganPage: London–Philadelphia–New Delhi, 2011. – 313 p. – Direct text.
270. Baker, W. Market Networks and Corporate Behavior / W. Baker. – Direct text // American Journal of Sociology. – 1990. – Vol. 96. – P. 589–625.
271. Barbakov, O. M. Methodology of carrying out social experiments in virtual space / Barbakov O. M., Kiselyov V. G. – Direct text // Tyumen State University Herald. – № 8. – 2012.
272. Becker, G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis / G. S. Becker. – 2d ed. – New York: Columbia University Press for the NBER, 1975 [1964]. – 265 p Direct text.
273. Belonozhko, M.L. Social and Human Potential of the Arctic Frontier (by the results of the sociological research in the Yamal) / Belonozhko M. L., Silin A. N., Barbakov O. M. – Direct text // International Journal of Ecological economics & statistics. – 2018. – Volume: 39. – Issue: 1.
274. Belonozko, M. Higher Education Quality Management in Virtual Space of a Regional Higher Educational Institution / Belonozko M., Barbakov O., Siteva S. – Direct text //Mediterranean Journal of Social Sciences. – Vol. 6. – No. 3. – June 2015. – Supplement 5.

275. Blakely, E. J. Planning local economic development: theory and practice / E. J. Blakely, T. K. Bradshaw. – 3d ed. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2002. – 397 p. – Direct text.
276. Blume, L. Patterns of social capital in West German regions / L. Blume, D. Sack. – Direct text // European Urban and Regional Studies. – 2008. – N 15. – P. 229–248.
277. Bourdieu, P. Entwurf einer Theorie der Praxis / P. Bourdieu. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1976. – 493 p. – Direct text.
278. Bourdieu, P. The forms of capital: Handbook of theory and research for sociology of education / P. Bourdieu; ed. by J. Richardson. – New York: Greenwood Press, 1986. – P. 34–45. – Direct text.
279. Bourdieu? P. Social space and symbolic power / P. Bourdieu. – Direct text // Essays towards a. Reflexive sociology. – Stanford (Cal.): Stanford university press, 1990. – P. 123–139.
280. CAFF (Conservation of Arctic Flora and Fauna). – URL: <http://www.arcticbiodiversity.is>. – Text: electronic.
281. Callois, J.-M. The role of social capital components on local economic growth: Local cohesion and openness in French rural areas / J.-M. Callois, B. Schmitt. – Direct text // Review of Agricultural and Environmental Studies. – 2009. – 90 (3). – P. 257–286.
282. Caselli, G. Demographic Trends: Beyond the Limits? / Caselli G., Vallin J. – Direct text // Population, An English Selection. – 2001. – Vol.13, n. 1. – P. 40–74.
283. Cerone, P. Gunadi. Stable population theory with time varying immigration / P. Cerone. – Direct text // Genus. –1999. – Vol. LV, n. 3–4. – P.195–214.
284. Cogdell, J. W. The Arithmetic and Spectral Analysis of Poincare Series. Perspectives in Mathematics. Vol. 13. / Cogdell J. W., Piatetski-Shapiro I. I. – Academic Press,1990. – Direct text.
285. Coleman, J. Grundlagen der Sozialtheorie. Bd. 1 / Coleman J. – Miinchchen: Oldenburg, 1991. – 474 p. – Direct text.
286. Coleman, J. Social Capital: A Multifaceted Perspective. Partha Dasgupta,

- Ismail Serageldin. The World Bank / Coleman J. – Washington, 2000. – Direct text.
287. Commons, J. R. Institutional Economics / Commons J. R. – Direct text // The American Economic Review. – Vol. 21, N. 4, (Dec.). – 1931.
288. Drucker, P. F. Post-capitalist society / Peter F. Drucker. – Oxford: Butterworth Heinemann, 1993. – 204 p. – Direct text.
289. Etzioni, A. The Responsive community: a communitarian perspective. 1995 Presidential ad-dress / A. Etzioni. – Direct text // American Sociological Review. – 1996. – Vol. 61, n. 1. – P. 1–11.
290. Foster, J. Evolutionary macroeconomics / Foster J. – L., 1987. – 244 p.
291. Gilchrist, A. The well connected community: a networking approach to community development / A. Gilchrist. – Bristol: Policy Press, 2004. – 248 p. – Direct text.
292. Hamelin, L. E. Circumpolar index. Canada's changing north / Hamelin L. E. –Toronto-Montreal, 1971. – P. 5–15. – Direct text.
293. Hamelin, L.–E. Canadian Nordicity: It's Your North, Too / Hamelin L.–E. –Montreal: Harvest House, 1979. –392 p. – Direct text.
294. Hamelin, L.–E. Discours du Nord / Hamelin L.–E. – Direct text // Collection Recherche 35, GETIC. – Quebec: Universite Laval, 2002. – P. 72.
295. Han, J. Data Mining: Concepts and Techniques / Han J., Kamber M. – Direct text // Morgan Kaufmann. – 2000.
296. Hersch, L. De la demographie actuelle a la demographie potentielle. Vol. VIII / Hersch L.; Publications de la Faculte des Sciences economiques et sociales. – Univer-site de Geneve, 1944. – Direct text
297. Hurrell, A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics / Hurrell A. – Direct text // Review of International Studies. – Vol. 21. – October 1995. – P. 331–358.
298. Isseman, A. M. Lost in Space? On the 1. History, Status, and Future of Regional Science / A. M. Isseman. – Direct text // The Rev. of Regional Studies. – 1993. –Vol. 23, №1. – P. 5–11.

299. James, W. *The Will to Believe and other Essays in Popular Philosophy* / James W. –Longmans: Green & Co, 1969. –232 p. – Direct text.
300. Sociology / David Jary, Julia Jary. – Harper Colllins Publishers, 1991. – 768 p. – Direct text.
301. Johnston, R. J. *The dictionary of human geography* / R. J. Johnston, D. Gregory, D. M. Smith. – 3rd edition. –Oxford: Basil Blackwell, 1994. – 576 p. – Direct text.
302. Krugman, P. R. *Center and Periphery* / Krugman P. R. – Direct text // Geography and Trade. – The MIT Press, 1991. – 142 p. – Direct text.
303. Managing complex networks / ed. by W. J. M. Kickaert; SAGE. – 1997. – 278 p. – Direct text.
304. Markusen, A. *Regions: Economics and 14. Politics of Territory* / A. Markusen. – Rowman and Littlefield Publishers, 1987. – 304 p.
305. Marsh, C. *Social Capital and Grassroots Democracy in Russia's Regions: Evidence from the 1999–2001 Gubernatorial Elections* / C. Marsh. – Direct text // Demo–kratizatsiya: The Journal of Post–Soviet Democratisation. – 2002. – Vol. 10, № 1. –P. 19–36.
306. Moreno, J. L. *Die Grandlagen der Soziometrie. Wege zur Neuordnung der Gesellschaft* / Moreno J. L. – Kolin–Opladen: Westdeutscher Verlag, 1954. – 325 p. – Direct text.
307. Morton, W. L. *The «North» in Canadian historiography* / W. L. Morton. – Direct text // The Royal Society of Canada. Transactions, 4th Series. –1970. –Vol 8. – P. 31–40.
308. Nahapiet, J. *Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage* / J. Nahapiet, S. Ghoshal. – Direct text // Academy of Management Review. –1998. –Vol. 23. – P. 242–266.
309. Offe C *Sozialkapital. Begriffliche Probleme und Wirkungsweise*. – Direct text // Perspektiven gesellschaftlichen Zusammenhalts / ed. Kistler E. – Berlin: Ed. Sigma, 1999. – S. 113–128.
310. Oscar Nepomuk Ontologies. – Text: electronic // Nepomuk Consortium. –

2009. – URL: <http://www.semanticdesktop.org/ontologies>.
311. Ostrom, E. Governing the Commons / Ostrom E. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 280 p. – Direct text.
312. Oxford English Dictionary. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University, 2017. – T. XIII. – P. 510–511.
313. Peter Weise. Homo economicus und homo sociologicus: Die Schreckensmanner der Socialwissenschaften / Peter Weise. – Direct text // Zeitschrift fur Sociologie. – April 1989. – Jg. 18, H. 2. – S.148–161.
314. Putnam R. Economic Growth and Social Capital in Italy. Eastern / R. Putnam, J. Helliwell. – Direct text // Economic Journal [Internet]. – 1995. – № 21(3). – P. 295–307.
315. Putnam, R. D. Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community / Putnam R. D. – New York: Simon & Schuster, 2000. – 541 p. – Direct text.
316. Putnam, R. D. Social capital: measurement and consequences / Putnam R. D. – Direct text // Canadian Journal of Policy Research. – 2001. – Vol. 2. – № 1. – P. 41–51.
317. Rawls, J. Theory of Justice / Rawls J. – Cambrige: MA, Harvard University Press, 1982. – 607 p. – Direct text.
318. Rea, K. J. The Political Economy of the Canadian North: An Interpretation of the Course of Development in the Northern Territories of Canada to the Early 1960-s / Rea K. J. – Toronto: Published in association with the University of Saskatchewan by University of Toronto Press, 1968. – 453 p. – Direct text.
319. Schultz, T. Investment in Human Capital / Schultz T. – Direct text // The American Economic Review. – March 1961. – Vol. LI. – №1. – P. 1–17.
320. Sen, A. K. Development as Capability Expansion / Sen A. K. – Direct text // Journal of Development Planning. – 1989. – № 19. – P. 41–58.
321. Teece, D. J. Dynamic Capabilities and Strategic Management / Teece David J., Pisano G., Shuen A. – Direct text // Strategic Management Journal. – 18 (7). – 1997. – P. 509–533.

322. Toffler, A. Future Shock / Toffler A. – New York: Random House, 1970. – 505 p. – Direct text.
323. Twigg, J. L. Social Capital / J. L. Twigg, K. Schechter. – Direct text // Social Capital and Social Cohesion in Post-Soviet Russia. – 2003. – P. 168–188.
324. Vanin, P. Social capital accumulation and the evolution of social participation / P. Vanin, A. Antoci, P. L. Sacco. – Direct text // Journal of Socio-Economics. – 2007. – Vol. 36. – P. 128–143.
325. Verba, S. Democratic participation / S. Verba. – Direct text // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1967. – Vol. 373 (2). – P. 53–78.
326. Williamson, O. E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead / Williamson O. E. – Direct text // Journal of Economic Literature. – Vol. 38, n. 3. (Sep.). – 2000.
327. World Development Report. – New York: Oxford University Press, 1991. – Direct text.

Приложение 1

Структура человеческого потенциала: основные подходы

Структурные компоненты	Характеристика выделенных компонентов
Человеческий потенциал в контексте социальных ресурсов (Иванов В.Н., Патрушев	Демографические ресурсы: общая численность населения, половозрастной состав, численность трудоспособного населения, его естественное движение, количество, а также соотношение браков и разводов, миграционные потоки.

В.И. [91].	Трудовые ресурсы, включающие экономически активное население, в том числе работающих и безработных, а также профессионально-квалификационные признаки и востребованность на рынке труда.
	Образовательные ресурсы, характеризующиеся уровнем общего и профессионального образования индивидов, численностью обучающихся.
	Иновационные и научные ресурсы, характеризующиеся интеллектуализацией основных факторов производства, стремлением к повышению конкурентоспособности региональной экономики.
	Социально-психологические ресурсы, связанные с уровнем социальной защищенности, социальным самочувствием.
	Социально-политические ресурсы, выражаемые в социальной активности населения, в доверии к органам власти.
	Социокультурные ресурсы, включающие традиции, обычаи, культурные ценности, культурный обмен социальных групп и индивидов.
	Культурно-информационные ресурсы, включающие духовные ценности, знания и информацию, а также средства их получения и распространения.
Человеческий потенциал как социетальный индикатор, отражающий личные и профессиональные качества человека (Заславская Т.И.) [86, с.10].	Демографическая структура.
	Здоровье, долголетие и жизненная активность.
	Уровень образования, квалификации и культуры.
	Структура ценностей, потребностей и интересов.
	Характер правового сознания, уровень нравственности и морали, особенности национального характера и национальной культуры.
	Интеллектуализация труда, уровень образования и науки, типы преобладающих технологий.
	Качество жизни, богатство и насыщенность образа жизни граждан.
Юдин Б.Г. предложил включить в структуру потенциала следующие компоненты [264, с. 51–53].	Готовность и способность к саморазвитию.
	Здоровье – телесное и духовное, обеспечивающее общую жизнеспособность человека.
	Готовность к семейной жизни и воспитанию детей.
	Знания и квалификацию.
	Адаптированность к социальной инфраструктуре.
	Культурно-ценостные ориентации и психологическую компетентность.
	Здоровье физическое, психическое и социальное.
Римашевская Н.М. выделяет три фундаментальных компонента [203, с.34-35].	Профессионально-образовательные способности людей, образующие их интеллектуальный потенциал.
	Культурно-нравственные ценности и духовность граждан, их социокультурная активность.
	Накопленный населением запас: - физического и нравственного здоровья; - общекультурных и профессиональных компетенций; - творческой, предпринимательской и гражданской активности, который реализуется в разнообразных сферах деятельности, а также в уровне и структуре потребностей.
Соболева И.В. раскрывает содержание человеческого потенциала через такие структурные компоненты как [212, с.12].	Демографическая компонента – это сформированная во взаимо-

<p>тивая человеческий потенциал как особого рода социально-биологическую ценность, выделяет следующие базовые компоненты и отношения между ними [92, с.47-50].</p>	<p>действии с социальной средой система потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей обеспечивать продолжение их жизни от одного поколения к другому.</p>
	<p>Компонента здоровья – это сформированная во взаимодействии с социальной средой система потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей в течении своей жизни поддерживать хорошее здоровье (физическое и психическое) и хорошую работоспособность.</p>
	<p>Образовательная компонента – это сформированная во взаимодействии с социальной средой система потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей усваивать и использовать различные типы знаний, а также достигнутый уровень «образованности».</p>
	<p>Трудовая компонента – это сформированная во взаимодействии с социальной средой система потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей реализовывать деятельность, направленную на создание социально значимые продукты и услуги.</p>
	<p>Культурная компонента – это сформированная во взаимодействии с социальной средой система потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей взаимодействовать с миром материальных и духовных ценностей, понимать и критически оценивать разные типы и формы культуры, а также создавать культурные ценности, осваивать, использовать основные и специфические паттерны поведения и мышления.</p>
	<p>Гражданская компонента – это сформированная во взаимодействии с социальной средой система потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей выполнять различные роли гражданина своей страны, роли участника административных, правовых, политических отношений, жить интересами своего отечества, ставить, обсуждать и решать проблемы обеспечения безопасности и развития своей родины.</p>
	<p>Духовно-нравственная компонента – это сформированная во взаимодействии с социальной средой система потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей жить, опираясь на исторически выработанный, социально-одобряемый комплекс нравственных норм и ценностей, обеспечивающих личностную автономию и общественную солидарность.</p>
	<p>Сетевая социальная компонента – это сформированная во взаимодействии с социальной средой система потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей формировать, развивать и сохранять социальные связи между коллективными и индивидуальными носителями потенциала, а также между его внутренними компонентами, т.е. потребностями, способностями и готовностями индивидуальных и коллективных носителей потенциала защищать и отстаивать целостность и единство своего потенциала.</p>
<p>Аргунова В.Н. выделяет три основных компонента: демографический, интеллектуальный, профессиональ-</p>	<p>Демографический, включающий характеристики населения на популяционном и индивидуальном уровнях. Индикаторами качества популяции региона являются: численность населения, в том числе городского и сельского, а также трудоспособного населения; миграционное сальдо; структура населения по полу,</p>

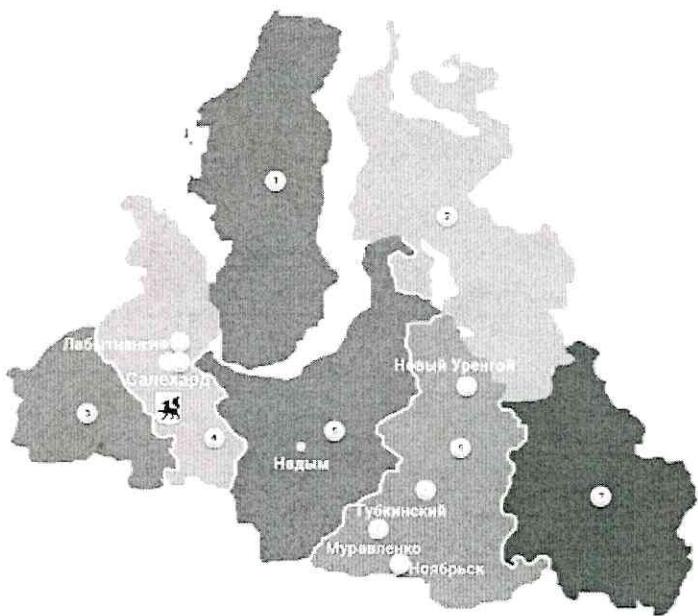
<p>ный, а также выделяет раскрывающие их содержание индикаторы [4, с. 30-31].</p>	<p>возрасту; средняя продолжительность жизни мужчин и женщин; соотношение рождений и смертей, браков и разводов; доля неполных семей, доля детей, лишенных родительского воспитания; состояние физического и психического здоровья; уровень жизни. <i>Индикаторами на индивидуальном уровне являются:</i> установки на создание семьи, рождение детей; оценка собственного здоровья и здоровый образ жизни.</p>
	<p>Интеллектуальный, включающий совокупность знаний и информации; ценностей; умений и навыков деятельности, которыми располагает население и использование которых предполагает интеллектуальную активность индивида. <i>Индикаторами интеллектуального потенциала являются:</i> уровень образованности населения (уровень образованности взрослого населения; удельный вес в составе населения студенчества); степень интеллектуальной активности (инновационно-творческий потенциал; духовно-ценностный потенциал; информационный потенциал).</p>
	<p>Профессиональный, включающий совокупность профессионально-квалификационных характеристик населения. <i>Индикаторами профессионального потенциала являются:</i> уровень профессиональной подготовки и квалификации людей трудоспособного возраста; степень реализации профессиональной подготовки; степень трудовой активности (стремление повышать квалификацию, обучаться смежным профессиям); модель занятости; характер трудовой мотивации, уровень ответственности.</p>

Приложение 2

Состав Ямало-Ненецкого автономного округа

В состав Ямало-Ненецкого автономного округа входят:

7 муниципальных районов

6 городских округов

	город Салехард
	город Губкинский
	город Надым
	город Новый Уренгой
	город Муравленко
	город Ноябрьск

Приложение 3

Распределение регионов России по ВРП в текущих основных ценах в 2015-2018 г.г., млрд рублей¹

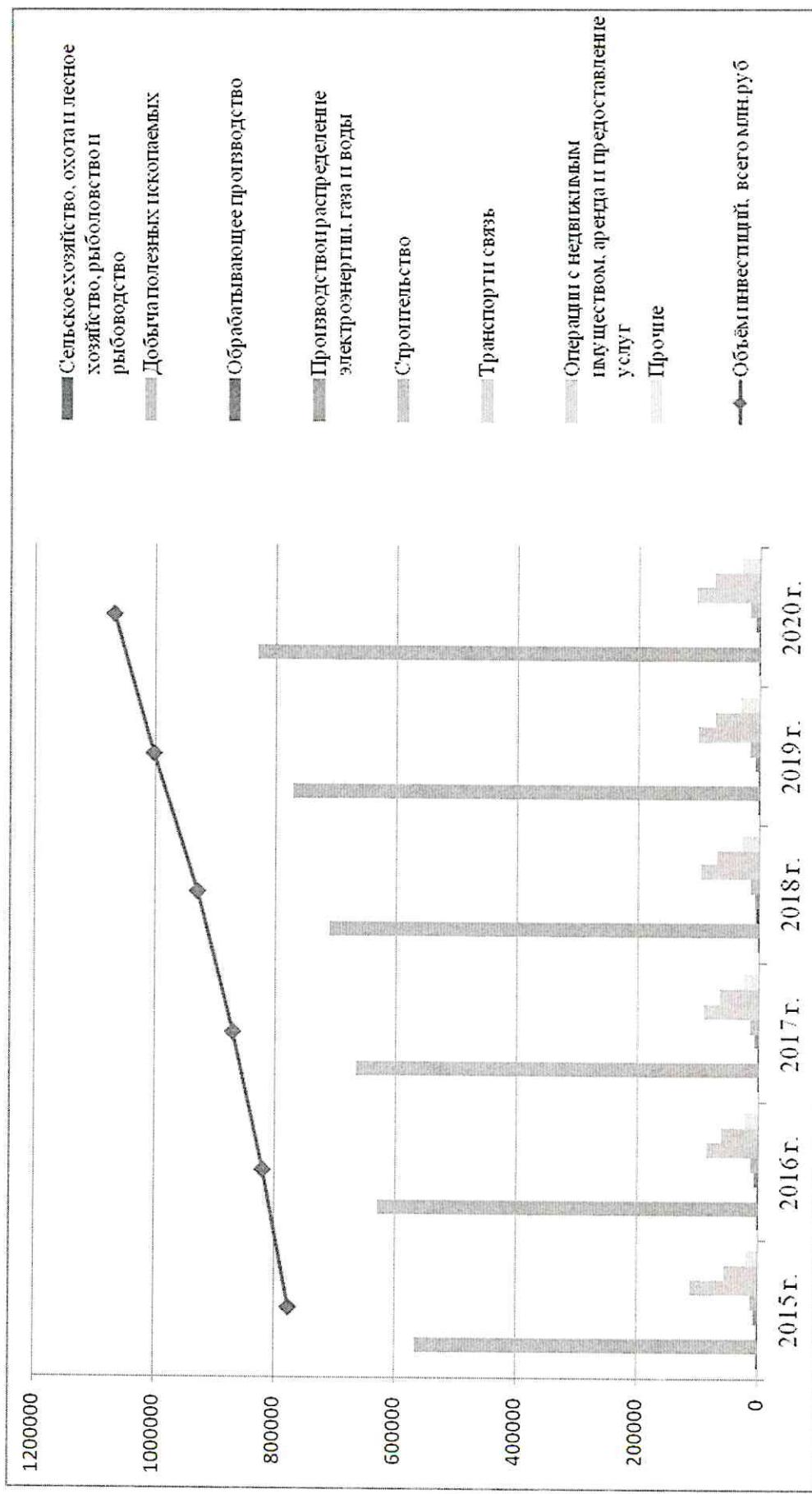
	Субъект	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
1	г. Москва	13 520,9	14 299,8	14 928,0 ²	15 846,0 ³
2	г.Санкт-Петербург	3 387,4	3 742,2	3 498,1 ⁴	3 814,5 ⁵
3	Московская область	3 180,9	3 565,3	3 353,8 ⁶	3 682,6 ⁷
4	Ханты - Мансийский автономный округ - Югра	3 154,1	3 031,2	3 306,0 ⁸	3 967,1 ⁹
5	Краснодарский край	1 933,5	2 015,9	2 234,2 ¹⁰	2 396,2 ¹¹
6	Свердловская область	1 822,8	1 978,1	2 124,8 ¹²	2 269,1 ¹³
7	Ямало-Ненецкий автономный округ	1791,8	1963,9	2 462,5 ¹⁴	2 916,7 ¹⁵
8	Республика Татарстан	1 867,3	1 937,6	2 115,5 ¹⁶	2 277,9 ¹⁷
9	Красноярский край	1 667,0	1 767,9	1 913,2 ¹⁸	1 934,8 ¹⁹
10	Республика Башкортостан	1 316,6	1 344,4	1 413,3 ²⁰	1 498,1 ²¹

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 1162 с. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-polk18.pdf² Закон о бюджете города Москвы на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов, млрд руб. https://budget.mos.ru/BudgetAttachments_2018_2020³ Там же⁴ Прогноз социально-экономического развития Санкт-Петербурга на 2016 год и плановый период 2017 и 018 годов <http://cedipt.spb.ru/>⁵ Там же⁶ Закон Московской области «О бюджете Московской области на 2016 годы на плановый период 2017 и 2018 годов» http://www.mosoblduma.ru/Zakoni/Zakoni_Moskovskoj Oblasti/item/51678⁷ Там же⁸ О прогнозе социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа - Югры на период до 2036 года <http://docs.cntd.ru/document/530337012>⁹ Там же¹⁰ Прогноз социально-экономического развития Краснодарского края на долгосрочный период до 2030 года <http://economy.krasnodar.ru/macroeconomics/forecast/the-forecast-of-social-economic-development-of-krasnodar-region/>¹¹ Там же¹² Об одобрении бюджетного прогноза Свердловской области на среднесрочный период 2016 - 2018 годы <https://de.yanao.ru/activity/13/>¹³ Там же¹⁴ Прогноз социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на 2019-2021 годы <http://docs.cntd.ru/document/446400406>¹⁵ Там же¹⁶ Об утверждении бюджетного прогноза Республики Татарстан на 2017 - 2028 годы <http://docs.cntd.ru/document/446400406>¹⁷ Там же¹⁸ Прогноз социально-экономического развития Красноярского края на 2016 год и плановый период 2017-2018 годов <https://pandia.ru/text/80/478/73480-2.php>¹⁹ Там же²⁰ Прогноз социально-экономического развития Республики Башкортостана на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов <https://docviewer.yandex.ru/view/25050603>²¹ Там же

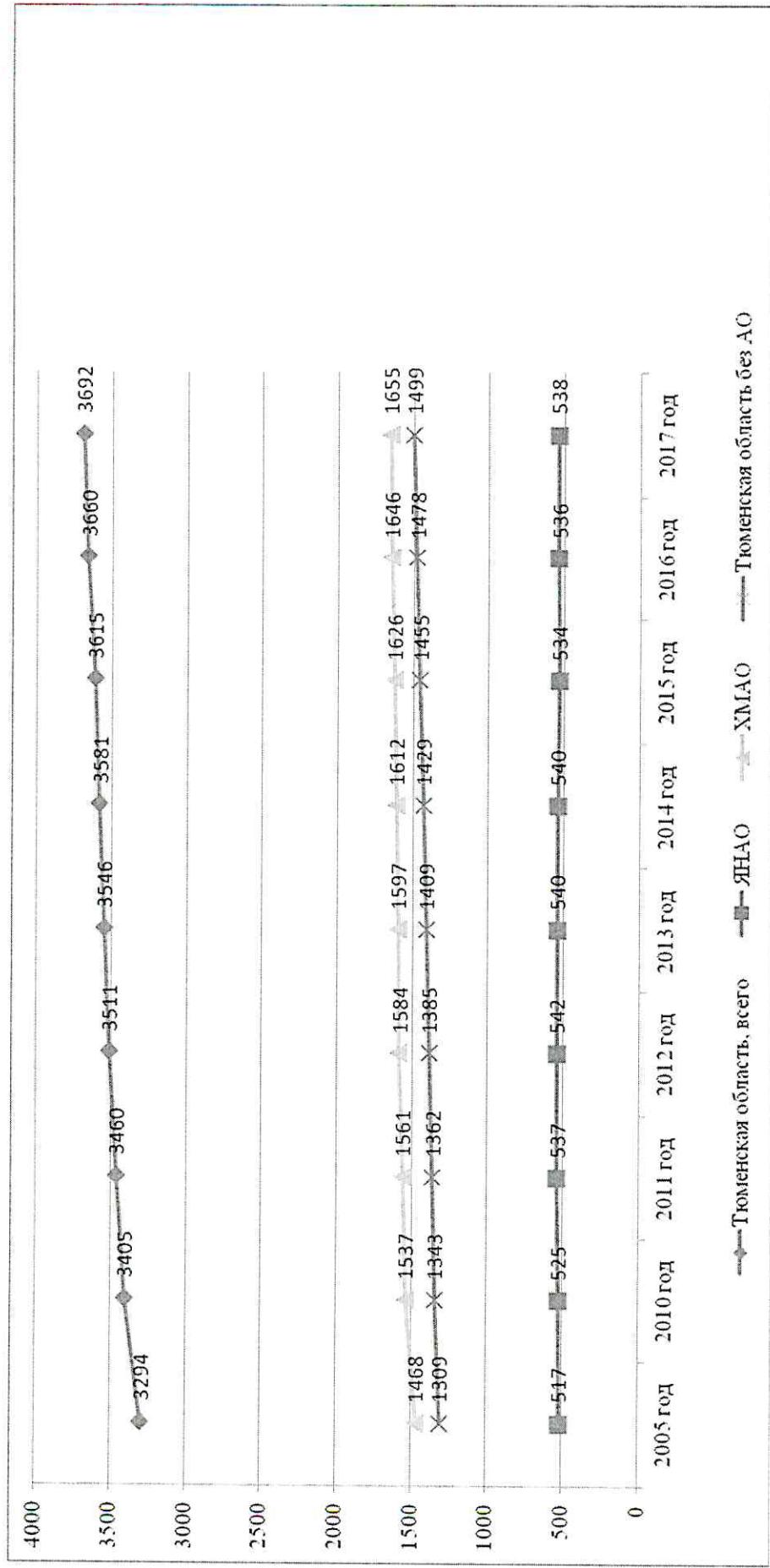
Приложение 4

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости в ЯНАО, 2017 год

Приложение 5

Приложение 6

Численность населения Тюменской области за период с 2005 года по 2017 год, тыс.человек

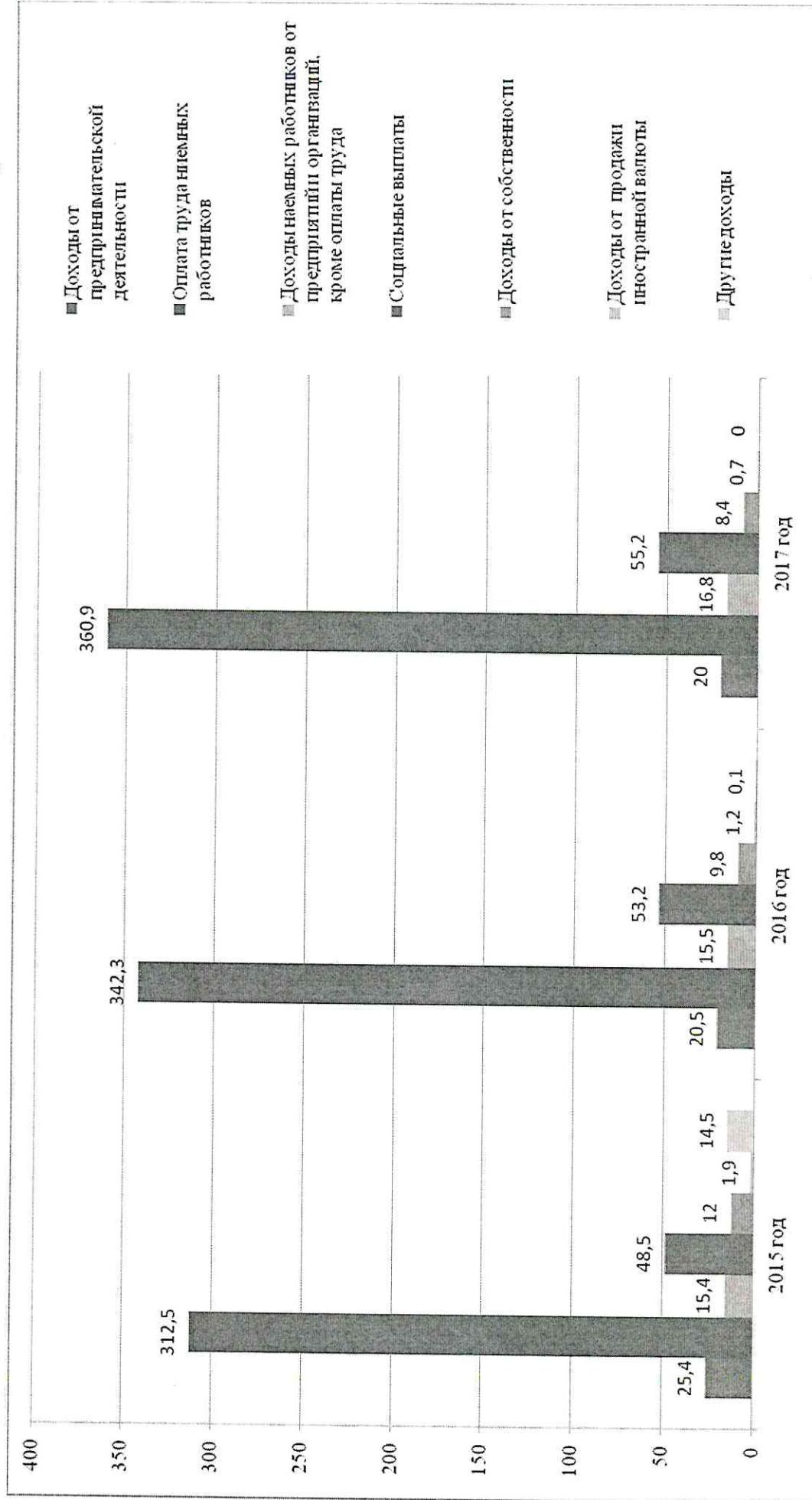
Приложение 7

Распределение численности занятых в экономике по видам экономической деятельности по ЯНАО в 2015-2018 г.г. (по материалам выборочного обследования населения по проблемам занятости), %

Всего	2015		2016	
	Всего		В том числе	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
В том числе по видам экономической деятельности: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	100.0	100.0	100.0	100.0
Рыболовство, рыбоводство	0.3	0.4	0.2	0.7
Добыча полезных ископаемых	19.2	26.1	11.1	18.1
Обрабатывающие производства	1.4	1.6	1.2	2.3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6.4	8.4	4.1	5.2
Строительство	7.7	10.8	4.2	7.7
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	6.9	4.4	9.9	7.4
Гостиницы и рестораны	2.6	1.0	4.4	2.2
Транспорт и связь	15.4	21.0	8.8	16.6
Финансовая деятельность	1.7	0.9	2.6	1.8
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6.3	6.6	5.9	6.1
Государственное управление и обеспечение военной безопасности: обязательное социальное обеспечение	9.0	8.8	9.3	10.7
Образование	10.8	3.1	19.9	10.2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	6.8	2.6	11.8	7.0
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	4.9	3.7	6.3	3.8
Предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства	-	-	-	-
Другие виды экономической деятельности	0.1	-	-	0.1

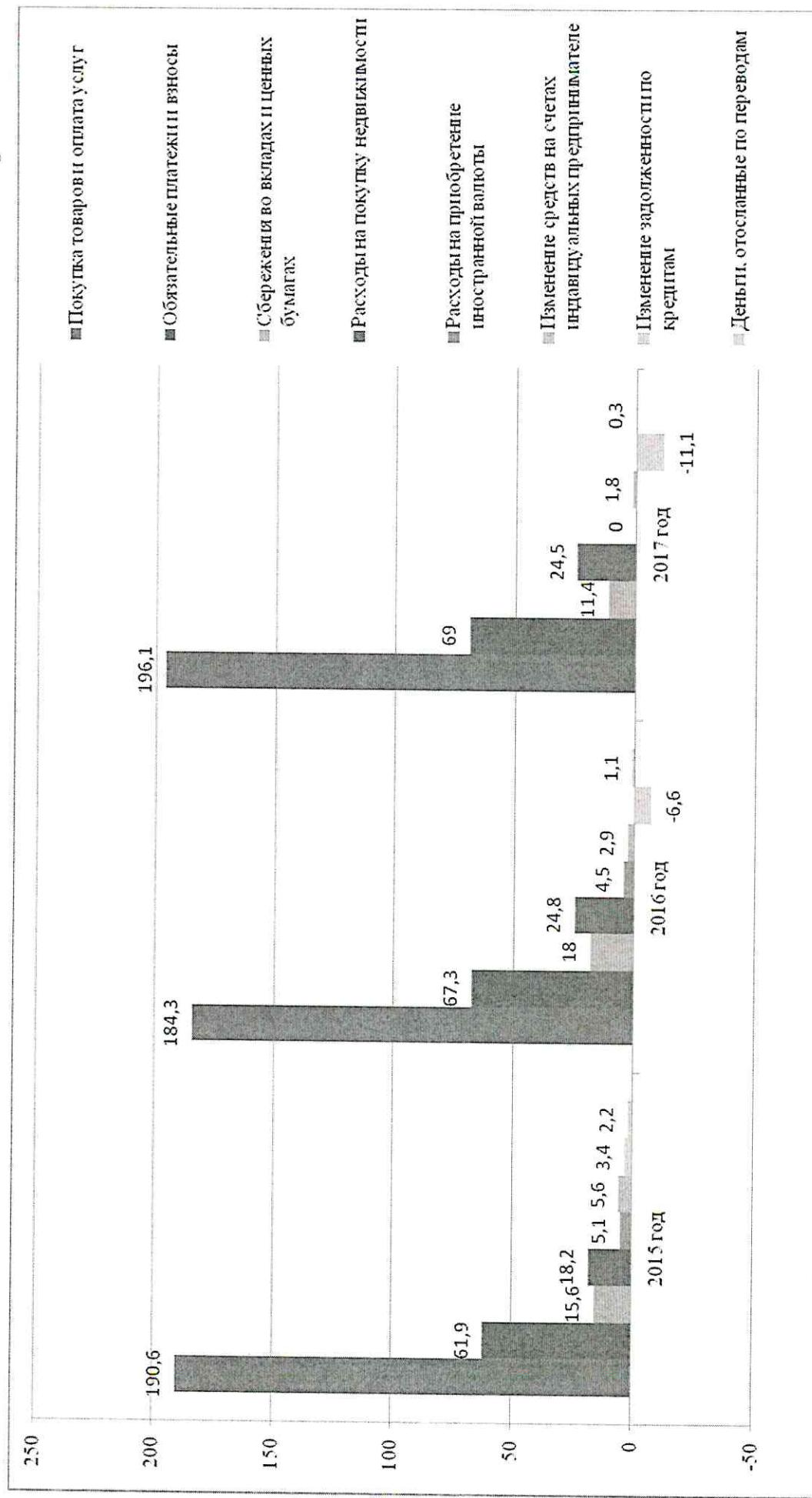
		2017			2018		
		Всего		В том числе мужчины	Женщины	Всего	
		100.0	100.0			100.0	100.0
Всего							
В том числе по видам экономической деятельности: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство		1.2	1.6	0.7	1.0	1.1	0.8
Добыча полезных ископаемых		16.9	24.2	8.9	17.0	24.4	9.1
Обрабатываемая промышленность		1.5	1.5	1.4	1.7	1.8	1.6
Обеспечение электрической энергией, газом и паром: кондиционирование воздуха		5.1	7.5	25	5.8	8.0	3.4
Водоснабжение, водоотведение. Организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений		0.9	0.9	0.9	0.5	0.7	0.3
Строительство		7.9	11.0	4.6	6.4	92	3.4
Торговля оптовая и розничная: средства и мотоциклов		6.2	3.2	9.5	6.6	4.3	92
Транспортировка и хранение		13.0	19.3	5.6	13.4	20.0	6.3
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания		2.0	0.7	3.4	2.1	0.8	3.4
Деятельность в области информации и связи		1.7	1.9	1.4	2.0	2.1	1.9
Деятельность финансовая и страховая		2.9	1.0	5.0	2.0	1.0	3.0
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом		1.3	1.5	1.1	0.8	0.9	0.7
Деятельность профессиональная, научная и техническая		2.6	2.7	2.5	3.0	2.5	3.7
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги		2.4	2.7	2.1	2.7	3.3	2.0
Государственное управление и обеспечение военной безопасности: социальное обеспечение		9.6	10.3	8.9	9.6	9.7	9.6
Образование		11.9	3.0	21.6	12.0	32	21.5
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг		7.9	3.4	12.7	7.8	2.8	13.3
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений		3,0	1.7	4.5	2.6	1.9	3.3
Предоставление прочих видов услуг		2.0	1-5	2.6	3.0	2.8	3.5
Деятельность домашних хозяйств как работодателей, неодифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления		0.0	0.0		0.1		0.1

Приложение 8

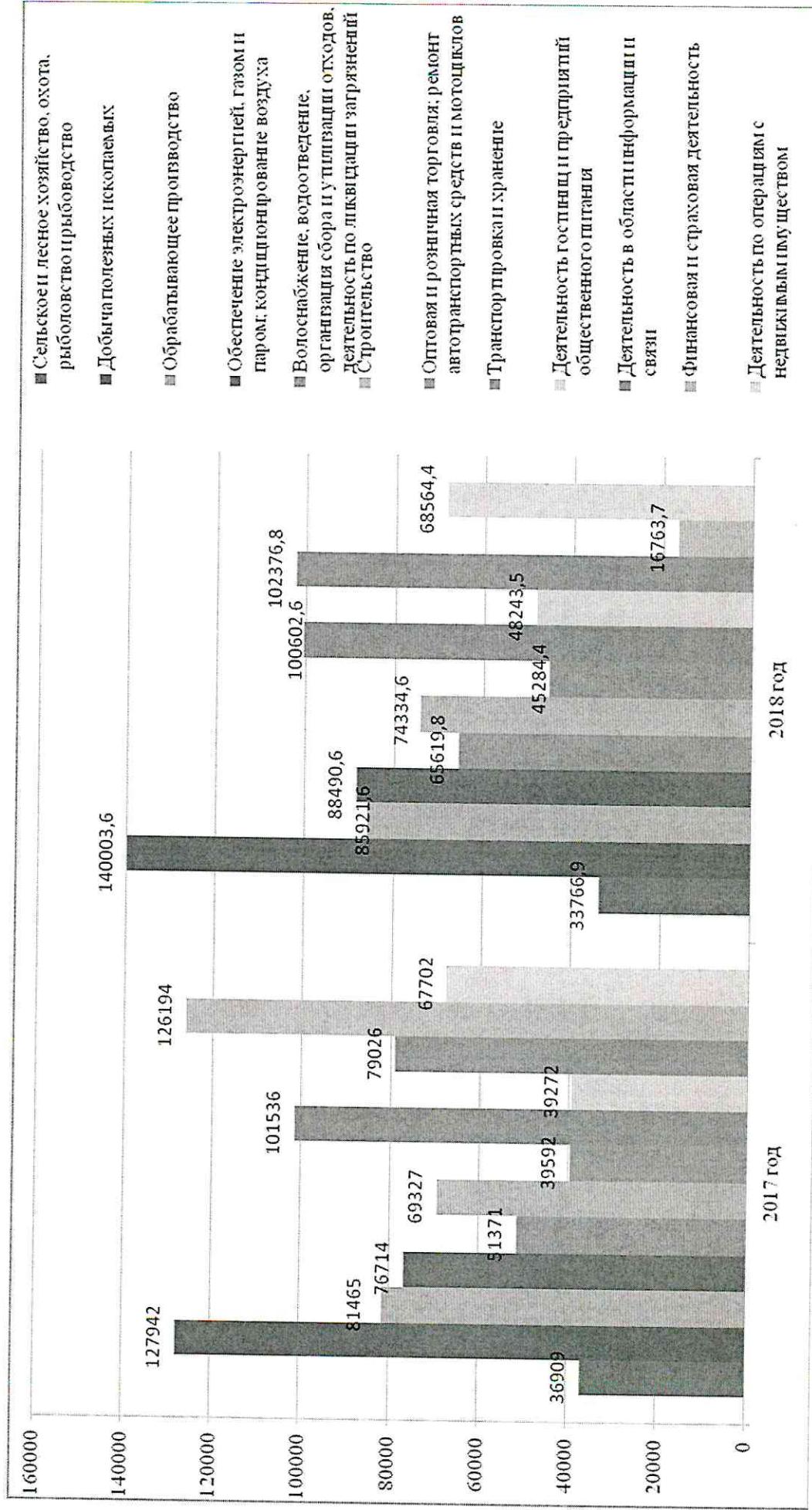
Распределение доходов населения ЯНАО по их источникам, млрд рублей

Приложение 9

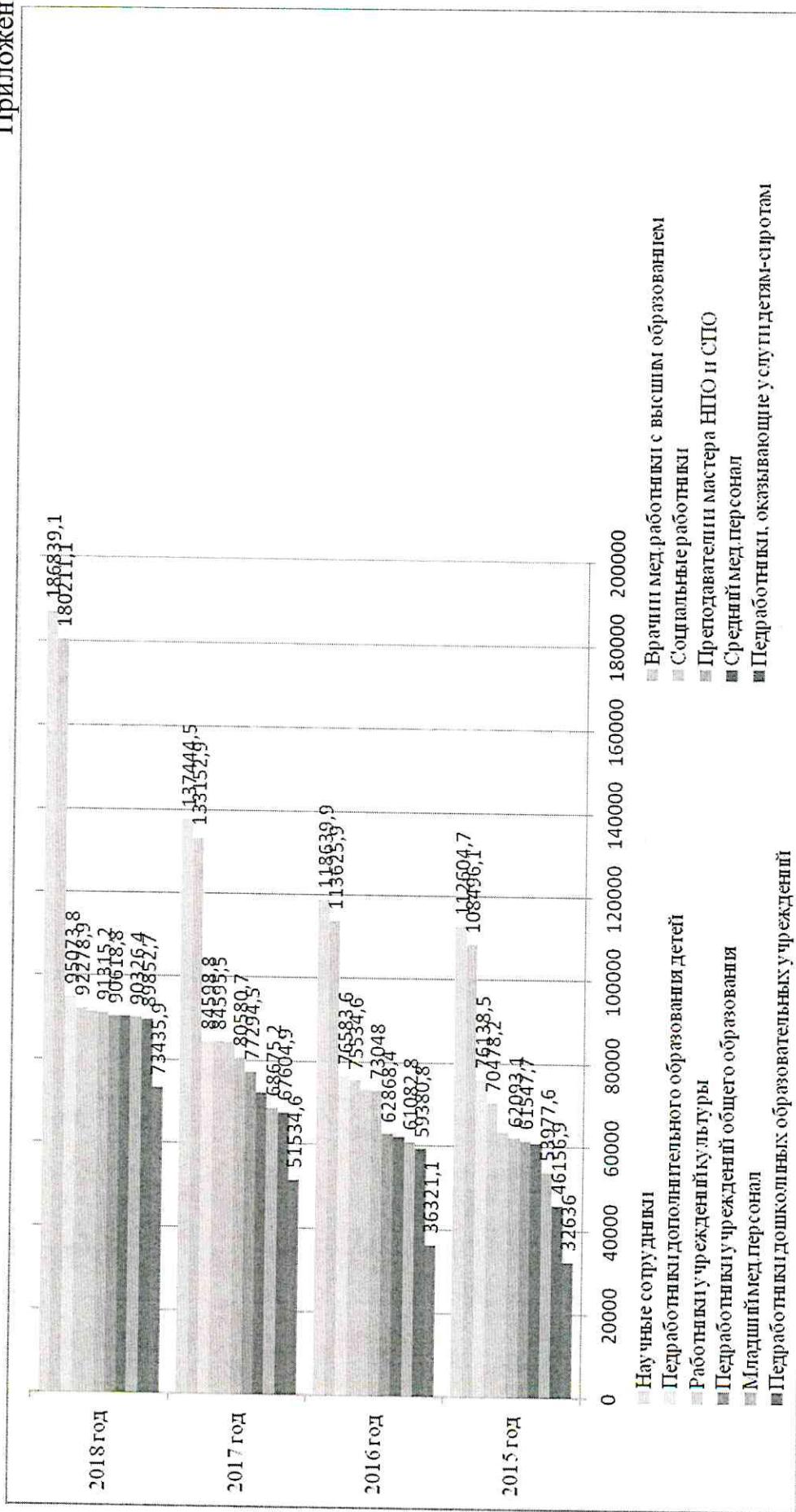
Структура расходов населения ЯНАО, млрд рублей

Приложение 10

Средняя номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике ЯНАО, руб.

Приложение 11

Информация о среднемесячной заработной плате работников бюджетного сектора экономики ЯНАО, руб. [²²]

²² Мониторинг платного повышения зарплаты работников бюджетной сферы http://monitoring.yanao.ru/yamal/index.php?option=com_content&view=article&id=366:org-0021-0001&catid=133:monitoring-poetapnogo-povysheniya-zarabotnoj-platy-rabotnikov-byudzhetnoj-sfery&Itemid=827

Приложение 12

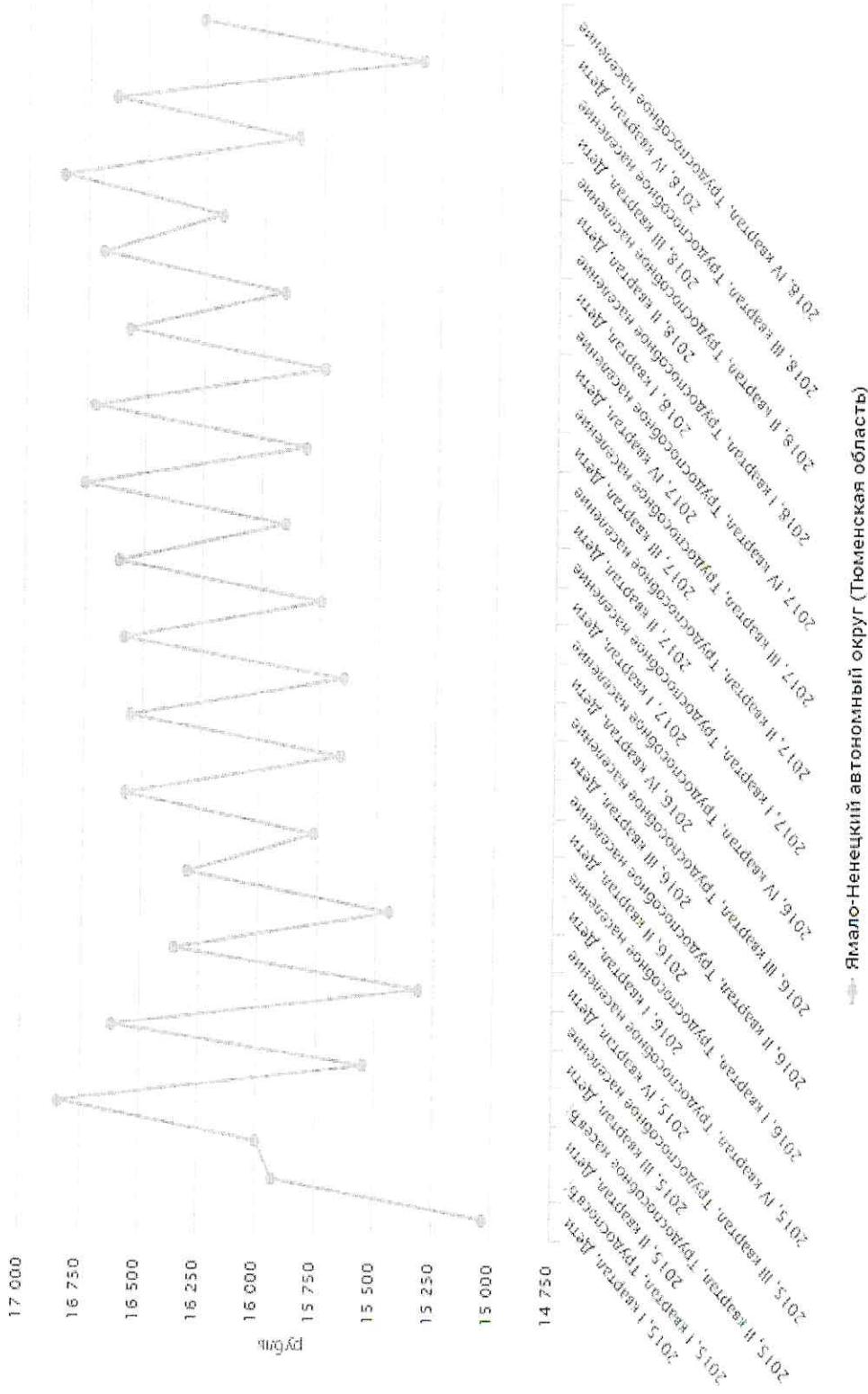

Рисунок Величина прожиточного минимума в ЯНАО, руб. [ЕМИСС, <https://fedstat.ru/indicator/30957> дата обращения 29.05.2019]

Ямало-Ненецкий автономный округ (Тюменская область)

Приложение 13

Материальное положение респондентов ЯНАО в зависимости от их социально-статусных характеристик (в % к числу опрошенных)

Статусные характеристики	Денег не хватает на повседневные нужды	Все деньги уходят на повседневные нужды	В основном денег хватает, кроме дорогостоящих покупок	Практически ни в чем себе не отказываю	Итого
Социальные группы					
Постоянно живущее население	8,4	18,2	10,5	5,6	42,8
КМНС	-	1,1	1,6	-	2,8
Вахтовики и новоселы	17,5	20,7	42,8	1,8	54,4
Пол					
Мужской	10,9	12,3	9,5	3,2	35,8
Женский	14,7	27,7	17,2	4,6	64,2
Возраст					
<20	1,1	1,1	1,1	0,7	4,0
21-30	4,4	10,2	6,5	2,2	23,2
31-40	8,0	15,3	8,4	1,5	33,1
41-50	7,6	8,7	6,9	2,2	25,5
51-60	2,2	4,0	2,5	1,1	9,8
>61	1,5	1,5	1,5	-	4,5
Семейное положение					
Женат/замужем	16,7	20,6	17,8	4,5	59,6
Холост/не замужем	9,1	19,2	9,1	3,1	40,4
Образование					
среднее	13,6	16,8	6,6	0,7	37,8
средне-специальное	7,3	12,2	9,7	1,7	31,1
высшее	4,9	10,7	10,5	5,2	31,1
Сфера деятельности					
Частные предприниматели	5,2	3,1	2,8	-	11,1
Нефтегазовая отрасль	5,9	12,5	7,3	3,5	28,6
Сфера культуры	1,7	5,6	5,2	0,3	12,9
Здравоохранение	1,0	2,1	1,7	0,7	5,6
Органы власти	0,7	1,0	2,1	-	3,8
Сфера образования	0,3	2,1	-	-	2,4
Традиционные северные промыслы	0,7	2,1	1,4	-	4,2
Сфера обслуживания	4,5	6,6	3,8	2,8	17,8

Не работаю		4,5		2,4		0,3		12,9	
Статусные характеристики/сфера занятости		Социальная сфера		Нефтегазовая промышленность		Коммерция и предпринимательство		Органы управления	
Социальные группы								Традиционные промыслы	
Постоянно живущее население	15,1	12,6	6,0	0,4	0,4	6,0	0,4	3,5	43,2
КМНС	1,1	1,1	0,4	0,4	0,4	-	-	-	2,8
Вахтовики и новоселья	28,1	1,1	0,4	0,4	0,4	-	-	-	2,8
Пол									
Мужской	9,1	17,9	4,9	5,6	8,1	2,1	1,8	35,8	
Женский	26,3	17,5	5,6	5,6	8,1	6,7	6,7	64,2	
Возраст									
<20	1,1	1,5	0,7	0,7	0,7	-	-	-	4,0
21-30	8,4	6,5	3,6	3,6	3,6	2,2	2,2	2,2	24,4
31-40	12,0	10,2	2,9	2,9	4,4	2,2	2,2	2,2	31,6
41-50	12,4	6,5	3,3	0,7	0,7	2,9	2,9	2,9	25,8
51-60	6,9	1,1	0,4	0,4	0,4	1,1	1,1	1,1	9,8
>61	3,3	0,4	-	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	4,4
Семейное положение									
Женат/замужем	27,5	15,3	7,3	7,3	4,9	4,9	4,9	4,9	59,9
Холост/не замужем	16,4	4,1	3,1	3,1	5,9	3,5	3,5	3,5	40,1
Образование									
среднее	21,0	8,0	3,1	3,1	2,8	2,4	2,4	2,4	37,4
средне-специальное	13,9	9,7	2,4	2,4	21,7	3,1	3,1	3,1	31,1
Высшее	9,1	8,7	4,5	4,5	1,76,3	2,8	2,8	2,8	31,5
Сфера деятельности									
Частные предприниматели	7,7	2,4	0,7	0,7	0,3	-	-	-	11,1
Нефтегазовая отрасль	10,4	9,8	3,1	3,1	4,2	1,0	1,0	1,0	28,6
Сфера культуры	4,9	3,5	1,4	1,4	0,7	2,4	2,4	2,4	12,9
Здравоохранение	2,1	2,1	-	-	0,3	0,7	0,7	0,7	5,2
Органы власти	1,0	1,0	-	-	1,4	0,3	0,3	0,3	3,8
Сфера образования	0,3	0,3	1,7	0,3	-	-	-	-	2,4
Традиционные северные промыслы	1,0	1,0	1,7	1,7	-	0,3	0,3	0,3	4,2
Социальная сфера	7,3	3,1	2,4	2,4	3,5	2,1	2,1	2,1	18,5

Приложение 14

Безработный		9,1	1,7	0,7	0,3	1,4	13,2
Статусные характеристики		Хорошее	Удовлетворительное	Исгощено частично	Исгощено полностью	Загрязнено нефтепродуктами	ИТОГО
Социальные группы							
Постоянно живущее население	2,1	8,0	18,1	3,8	8,0	3,5	43,4
КМНС	0,3	0,3	1,4	-	0,3	-	2,4
Вахтовики и новоселья	11,8	15,6	11,8	3,8	1,4	9,7	54,2
Пол							
Мужской	5,2	5,9	15,3	2,4	1,7	4,5	35,1
Женский	9,0	18,1	16,0	5,2	8,0	8,7	64,9
Возраст							
<20	1,1	1,1	0,4	-	0,4	0,7	3,6
21-30	3,6	5,0	9,0	2,5	2,2	1,8	24,1
31-40	4,7	7,9	9,7	1,4	3,6	5,4	32,7
41-50	2,9	6,5	7,6	3,2	1,8	3,2	25,2
51-60	0,4	2,6	4,3	0,4	1,1	1,1	10,1
>61	1,8	-	1,1	-	0,7	0,7	4,3
Семейное положение							
Женат/замужем	9,0	14,8	19,3	4,8	5,5	5,9	59,3
Холост/не замужем	5,5	9,0	12,1	2,8	4,1	7,2	40,7
Образование							
среднее	6,2	8,3	11,4	2,4	3,5	6,6	38,4
средне-специальное	3,4	7,9	8,3	2,1	3,8	5,2	30,8
Высшее	4,8	7,6	11,4	3,1	2,4	1,3	30,8
Сфера деятельности							
частные предприниматели	2,1	2,1	4,8	0,3	1,0	0,3	10,6
Нефтегазовая отрасль	3,4	9,0	7,2	3,1	2,8	3,5	29,0
Сфера культуры	0,7	3,8	4,1	1,0	1,0	1,7	12,3
Здравоохранение	0,7	1,7	1,7	0,7	0,3	0,7	5,8
Органы власти	0,3	1,0	1,7	0,7	0,3	0,7	4,7
Сфера образования	-	-	0,7	0,7	-	1,0	2,4
Традиционные северные промыслы	0,3	0,7	2,1	0,3	-	0,7	4,1

Приложение 15

Социальная сфера	2,8	3,8	6,2	0,3	3,1	2,1	17,5
Безработный	4,1	1,7	2,8	0,7	0,7	3,1	13,1

Приложение 16

Наличие в рационе респондентов традиционной северной пищи в зависимости от социально-статусных характеристик (в % к числу опрошенных)
Статусные характеристики/Периодичность употребления традиционной северной пищи

Социальные группы	Да, постоянно	Да, но не часто	Очень редко	Практически нет	Итого
Постоянно живущее население	17,2	10,3	10,0	4,8	42,4
КМНС	0,7	1,4	0,7	-	2,8
Вахтовики и новоселы	29,0	15,5	8,3	2,1	54,8
Пол					
Мужской	16,6	10,0	5,9	3,1	35,5
Женский	30,0	17,6	13,1	3,8	64,5
Возраст					
<20	2,7	0,4	0,7	-	3,9
21-30	5,5	6,8	3,9	2,1	23,6
31-40	5,1	6,8	8,2	2,5	32,5
41-50	5,8	8,2	4,3	1,4	25,7
51-60	6,4	3,6	1,1	0,7	10,0
>61	8,3	0,4	1,4	-	4,3
Женат/замужем					
Холост/не замужем	28,8	16,4	8,9	5,5	59,6
Образование					
среднее	18,6	9,6	7,9	2,1	38,1
средне-специальное	14,1	7,9	7,2	2,0	31,3
высшее	14,1	10,3	3,8	2,4	30,6
Сфера деятельности					
Частные предприниматели	6,8	2,4	1,4	0,3	11,1
Нефтегазовая отрасль	13,7	7,5	5,1	2,0	28,2
Сфера культуры	6,5	3,1	3,1	-	12,7
Здравоохранение	3,1	1,4	1,4	-	5,8
Органы власти	1,7	1,7	0,7	-	4,1
Сфера образования	-	-	1,7	0,7	2,4
Традиционные северные промыслы	1,7	1,0	1,0	0,3	4,1
Сфера обслуживания	5,5	7,5	2,4	2,7	18,2
Не работаю	7,5	3,1	2,1	0,7	13,4

Приложение 17

Оценка состояния здоровья респондентов в зависимости от их социально-статусных характеристик(в % к числу опрошенных)

Статусные характеристики	Практически здорров	Удовлетворительное здоровье	Нет хронических заболеваний	Есть хронические заболевания	Итого
Социальные группы					
Постоянно живущее население	8,3	22,9	6,9	4,2	42,4
КМНС	-	1,7	0,3	0,7	2,8
Вахтовики и новоселы	13,9	28,1	8,3	4,5	54,8
Пол					
Мужской	9,0	18,4	5,9	2,1	35,4
Женский	13,2	34,7	9,4	7,3	64,6
Возраст					
<20	1,1	2,9	-	-	4,0
21-30	9,7	8,3	3,6	1,4	23,0
31-40	19,8	5,4	4,7	2,9	32,7
41-50	15,5	3,2	4,0	2,9	25,5
51-60	4,7	1,8	2,2	1,8	10,4
>61	1,8	1,1	0,7	0,7	4,3
Семейное положение					
Женат/замужем	12,4	34,1	7,6	5,5	59,7
Холост/не замужем	9,7	18,6	7,9	4,1	40,3
Образование					
среднее	8,0	20,8	6,2	3,1	38,1
средне-специальное	6,9	14,2	7,0	3,1	31,1
высшее	7,9	8,0	2,4	3,5	13,9
Сфера деятельности					
Частные предприятия	2,4	5,9	2,1	0,3	10,7
Нефтегазовая отрасль	6,6	16,6	4,2	1,3	28,6
Сфера культуры	3,8	4,5	2,8	1,7	12,8
Здравоохранение	0,7	3,1	1,0	1,0	5,9
Органы власти	0,3	2,4	0,3	1,0	4,1
Сфера образования	0,3	0,7	1,0	0,3	2,4
Традиционные северные промыслы	0,3	3,4	0,3	-	4,1
Сфера обслуживания	4,1	9,7	2,1	2,4	18,3
Безработный	3,4	6,6	1,7	1,4	13,1

Приложение 18

Оценка респондентами уровня медицинского обслуживания в зависимости от их социально-статусных характеристик (в % к числу опрошенных)

Статусные характеристики	Высокий	Средний	Низкий	Итого
Социальные группы				
Постоянно живущее население	2,7	20,4	14,1	37,3
КМНС	-	2,0	1,2	3,1
Вахтовики и новоселы	3,9	34,9	20,8	59,6
Пол				
Мужской	1,2	19,2	13,3	33,7
Женский	2,5	38,0	22,7	66,3
Возраст				
<20	-	2,9	0,4	3,3
21-30	2,0	12,7	8,6	23,3
31-40	2,0	19,2	13,5	34,7
41-50	2,0	13,5	9,8	25,3
51-60	-			
>61				
Семейное положение				
Женат/замужем	4,3	32,9	22,0	59,2
Холост/не замужем	2,4	24,3	14,1	40,8
Образование				
среднее	2,0	20,9	16,1	39,0
средне-специальное	4,4	18,9	5,9	31,5
высшее	-	17,3	11,8	29,5
Сфера деятельности				
Частные предприниматели	0,4	6,7	4,7	11,8
Нефтегазовая отрасль	1,6	14,6	18,3	27,5
Сфера культуры	0,4	8,2	3,5	12,2
Здравоохранение	1,2	4,7	0,8	6,7
Органы власти	-	1,6	1,6	3,1
Сфера образования	-	0,8	2,0	2,7
Традиционные северные промыслы	-	3,1	1,2	4,3
Сфера обслуживания	1,2	10,2	5,9	17,3
Безработный	2,0	7,5	5,1	14,5

Приложение 19

		Недостатки в медицинском обслуживании (в % к числу опрошенных)			Нехватка узких специалистов			Всем доволен		Не обращаюсь	
Статусные характеристики		Неквалифицированный мед.персонал		Отсутствие лекарств	Сложно попасть на прием к врачу						
Социальные группы											
Постоянно живущее население		18,2		24,7	5,8		4,5		5,1		-
КМНС		0,3		1,4	0,3		0,3		-		0,3
Вахтовики и новоселья		14,4		33,9	5,1		7,5		7,5		1,0
Пол											
Мужской		11,3		21,6	38,4	6,5		4,1		4,8	1,4
Женский		21,6					8,2		11,7		-
Возраст											
<20		1,1		3,5	0,4		-		-		-
21-30		7,8		15,2	4,3		2,1		2,5		-
31-40		11,7		16,3	3,9		5,7		3,5		0,4
41-50		8,5		16,3	3,9		5,7		3,5		0,4
51-60		3,2		5,0	1,1		1,1		0,4		-
>61		1,4		2,5	0,4		-		0,7		0,4
Семейное положение											
Женат/замужем		19,7		36,4	4,1		7,8		5,1		0,7
Холост/не замужем		13,3		23,1	7,5		4,4		4,1		0,7
Образование											
среднее		11,3		24,9	4,8		3,8		2,4		1,0
средне-специальное		9,5		21,5	3,4		2,0		4,8		0,3
высшее		12,3		13,0	3,4		6,5		2,0		-
Сфера деятельности											
частные предприниматели		4,1		8,2	2,7		0,3		0,3		0,3
Нефтегазовая отрасль		10,2		14,9	1,4		5,1		3,1		-
Сфера культуры		4,4		6,8	2,0		1,4		1,0		-
Здравоохранение		0,3		4,1	0,3		0,7		1,4		-
Органы власти		0,3		2,0	0,3		0,7		1,0		-
Сфера образования		6,8		10,9	2,4		2,7		0,7		-
Традиционные северные промыслы		1,4		2,0	0,3		0,7		-		0,3
Сфера обслуживания		6,8		10,9	2,4		2,7		0,7		-
Безработный		4,1		8,2	1,0		0,7		1,7		0,7

Приложение 20

Статусные характеристики		Оценка условия сохранения здоровья северян в зависимости от социально-статусных характеристик (в % к числу опрошенных)					
		Повышение доступности мед.обслуживания	Улучшение организаций мед.обслуживания	Разработка и внедрение современных технологий лечения	Улучшение экологической ситуации	Обеспечение санаторно-курортным лечением	Итого
Социальные группы							
Постоянно живущее население	15,1	6,2	11,3	7,2	2,4	42,8	
КМНС	1,0	1,0	0,3	0,3	-	2,7	
Вахтовики и новоселы	15,1	12,0	13,4	5,8	5,1	54,5	
Пол							
Мужской	11,3	9,3	8,6	2,1	2,7	35,6	
Женский	19,5	9,6	16,4	11,3	4,8	64,6	
Возраст							
<20	0,4	0,4	1,4	1,1	0,7	3,9	
21-30	7,4	5,0	5,7	2,1	3,2	2,3	
31-40	9,2	6,0	8,2	6,7	1,1	32,3	
41-50	10,3	3,2	6,7	1,8	2,1	25,5	
51-60	2,5	2,1	1,1	0,4	0,4	10,3	
>61	0,4	2,1	1,1	0,4	-	4,3	
Семейное положение							
Женат/замужем	20,4	10,5	13,6	7,8	5,1	59,5	
Холост/не замужем	10,5	9,2	11,2	5,4	5,4	40,5	
Образование							
среднее	10,9	7,2	10,9	4,8	2,7	45,0	
средне-специальное	10,2	5,8	6,4	5,4	1,7	24,2	
высшее	9,7	6,8	7,5	4,1	2,0	31,3	
Сфера деятельности							
Частные предприниматели	5,1	1,4	3,4	-	0,7	10,9	
Нефтегазовая отрасль	8,5	4,1	8,2	3,4	2,7	28,6	
Сфера культуры	3,7	3,4	4,4	2,7	0,7	12,6	
Здравоохранение	2,0	1,0	1,4	1,4	0,7	5,8	
Органы власти	1,7	-	0,3	0,7	0,3	4,1	
Традиционные северные промыслы	0,3	0,3	0,7	1,0	0,3	4,1	
Сфера обслуживания	4,8	1,4	3,4	3,1	0,7	18,4	
Безработный	3,1	6,5	3,1	1,0	1,4	13,3	

Приложение 21

Оценка уровня элементов социальной инфраструктуры региона в зависимости от социально-статусных характеристик респондентов
(в % к числу опрошенных)

Статусные характеристики	Образование	Торговое и бытовое обслуживание	Культурный досуг	Транспортное обслуживание	Связь	Качество питания	Жизнь в целом
Социальные группы							
Постоянно живущее население	8,2	4,3	7,8	1,8	12,5	6,3	9,7
КМНС	1,3	-	0,9	-	-	1,4	1,3
Вахтовики и новоселы	29,7	12,4	22,5	12,4	11,9	19,5	28,3
Пол							
Мужской	11,3	4,3	10,6	5,3	13,7	8,6	12,8
Женский	27,7	12,4	20,6	8,4	17,7	18,6	26,5
Возраст							
<20	2,2	0,4	0,9	0,5	2,7	1,8	1,8
21-30	9,6	4,7	7,0	3,2	6,3	6,9	11,2
31-40	14,5	4,7	11,6	2,7	11,2	9,6	11,7
41-50	7,9	2,2	7,0	5,4	5,8	5,0	8,1
51-60	3,5	3,0	2,8	1,4	3,6	2,8	4,9
>61	1,8	1,7	2,3	0,9	0,9	0,9	1,3
Семейное положение							
Женат/замужем	24,6	10,7	18,8	8,4	20,4	17,2	25,7
Холост/не замужем	14,7	6,0	12,4	5,8	11,1	10,2	13,7
Образование							
среднее	12,6	5,2	10,6	4,4	10,7	6,4	13,8
средне-специальное	14,3	5,0	12,4	11,1	5,4	8,0	8,2
высшее	12,5	6,0	8,3	14,7	4,4	12,5	8,2
Сфера деятельности							
Частные предприниматели	3,9	1,7	4,1	3,1	4,9	4,1	4,0
Нефтегазовая отрасль	13,4	3,0	8,3	2,7	5,3	6,8	10,6
Сфера культуры	3,4	2,6	5,0	0,4	2,2	2,3	5,3
Здравоохранение	1,7	0,4	0,9	0,9	0,9	0,5	2,2
Органы власти	0,4	0,9	1,4	-	1,8	0,5	0,9
Сфера образования	-	-	0,5	0,4	1,3	0,9	-
Традиционные северные промыслы	2,6	0,4	1,8	-	-	0,5	1,8
Сфера обслуживания	6,9	3,4	5,5	4,0	10,2	5,9	7,1
Безработный	6,9	4,3	3,7	2,7	4,9	5,9	7,5

Приложение 22

Уровень полного доверия органам власти, общественным организациям и близким людям в зависимости от социально-статусных характеристик респондентов (в % к числу опрошенных)

Социальные характеристики	Федеральные органы власти	Органы власти округа	Местные власти	Политические партии	Религиозные организации	Общественные организации	СМИ	Окружающие	Родственники
Социальные группы									
Постоянно живущее население	8,7	8,3	10,3	2,8	5,1	11,2	2,9	8,3	31,5
КМНС	1,1	0,4	1,1	-	-	0,4	0,8	2,1	1,6
Вахтовики и новоселы	17,4	2,9	23,0	9,7	12,8	19,2	14,2	17,4	35,1
Пол									
Мужской	7,9	9,1	13,5	3,6	7,2	12,7	5,0	11,5	28,2
Женский	19,2	20,5	21,8	8,8	10,6	17,9	12,9	16,5	40,1
Возраст									
<20	1,6	0,8	1,2	0,8	0,9	0,8	0,4	1,2	3,6
21-30	4,3	6,5	7,3	1,2	3,0	6,0	3,8	4,1	17,7
31-40	10,1	10,9	12,4	6,1	7,7	9,7	6,7	9,9	25,3
41-50	7,8	7,7	9,3	3,7	3,9	8,9	5,4	8,3	12,4
51-60	2,3	2,8	3,1	0,4	2,1	3,2	0,8	2,9	6,8
>61	1,6	1,2	2,3	0,4	-	2,0	0,8	1,2	2,4
Семейное положение									
Женат/замужем	17,3	18,0	19,1	6,4	11,4	16,7	9,1	15,6	41,1
Холост/не замужем	9,8	11,4	16,1	6,0	6,3	13,9	8,7	11,9	27,3
Образование									
среднее	10,9	11,0	13,5	4,4	6,4	12,7	-	9,1	28,6
средне-специальное	7,5	9,0	10,5	3,6	4,2	7,6	8,7	7,8	18,3
высшее	8,6	9,5	10,9	4,4	7,2	9,2	4,9	10,7	21,5
Сфера деятельности									
частные предприниматели	3,0	2,7	4,9	2,0	2,1	2,4	2,1	4,9	7,5
Нефтегазовая отрасль	6,7	5,5	7,5	2,8	3,4	6,4	2,9	6,5	16,6
Сфера культуры	1,9	3,1	2,2	0,8	1,3	1,6	0,8	2,0	7,1
Здравоохранение	1,5	1,6	1,1	0,8	0,4	0,8	0,4	1,2	2,4
Органы власти	1,1	1,6	1,9	1,2	0,8	2,0	1,2	1,2	4,0
Сфера образования	1,1	-	0,7	-	-	0,4	-	0,4	2,0
Традиционные северные промыслы	-	1,2	1,9	0,4	0,8	2,4	2,1	1,6	3,2
Безработный	5,3	6,7	6,7	2,8	2,5	6,0	4,5	2,9	9,1

Приложение 23

Понимание жизненного успеха в зависимости от социально-статусных характеристик респондентов (в % к числу опрошенных)

Статусные характеристики		Иметь только те доходы, которые заслужены честным трудом	Иметь любые доходы, не важно как они были получены	Стремиться к духовному равновесию	Стремиться иметь больше и влиять на других	Не переступлю через моральные нормы и правила	Мир жесток, переступлю через моральные нормы и правила
Социальные группы							
Постоянно живущее население	36,4	14,2	36,4	17,6	35,0	17,3	
КМНС	1,8	0,0	2,2	0,5	1,8	0,5	
Вахтовики и новоселы	48,2	16,6	51,3	29,0	44,1	17,8	
Пол							
Мужской	27,6	9,0	27,2	13,3	25,5	10,7	
Женский	58,8	21,8	62,7	33,8	55,5	24,8	
Возраст							
<20	2,2	2,4	2,7	3,4	3,2	2,8	
21-30	20,4	9,6	21,8	13,0	16,6	9,5	
31-40	28,0	10,1	28,9	16,9	28,1	10,4	
41-50	23,1	5,3	24,4	7,2	21,2	8,5	
51-60	8,9	1,4	8,9	3,4	9,2	2,8	
>61	4,0	1,4	3,6	2,4	2,8	0,9	
Семейное положение							
Женат/замужем	53,9	13,7	54,8	23,8	50,0	18,7	
Холост/не замужем	32,5	17,1	35,1	23,3	30,9	16,8	
Образование							
среднее	32,6	13,3	33,5	19,1	28,3	13,1	
средне-специальное	25,9	10,0	26,4	14,4	24,2	8,9	
высшее	27,7	7,6	29,9	13,4	28,8	13,1	
Сфера деятельности							
частные предприниматели	10,1	1,9	9,2	3,8	10,0	0,9	
Сфера обслуживания	6,1	10,0	21,1	11,4	20,0	9,8	
Нефтегазовая отрасль	18,9	0,5	6,1	2,9	4,5	2,3	
Сфера культуры	13,6	4,7	13,6	8,6	13,2	5,1	
Здравоохранение	3,1	0,9	4,4	1,9	3,6	0,5	
Органы власти	3,1	0,9	2,6	1,9	3,6	0,9	
Сфера образования	1,8	0,5	1,3	2,9	1,4	0,9	
Традиционные северные промыслы	3,1	1,9	3,9	2,4	1,4	1,4	
Сфера обслуживания	17,1	3,3	15,8	6,2	14,1	7,5	
Безработный	9,6	6,2	11,8	5,2	9,1	6,1	